

ПОРОГ-АК

АЛЬМАНАХ ВЫПУСК 24

В ВЫПУСКЕ:

Нереал:

Владимир Булат. Украина, 1938 год	5
Роман Арилин. Квантовый ключ	45
Ирина Соколова. Хороших снов!	51
Мария Кулешова. Иортгармская воровка	53
Дмитрий Емельянов. Сталагмит	62
Полина Матыцына. Фантастический музей	63
Евгений Худаев. Граната в самолете	67
Юлия Зальцман. Пепелище	72
Владимир Торин. Последнее либертанго Осени	75
Рони Ротэр. Мы не рабы... ..	96
Кира Щукина. Тень.....	100
Юлий Шанс. Григорий	103
Елизавета Лещенко. Бумажные цветы в камине	110
Станислав Никишкин. Последний человек	114
Родион Кудрин. Волшебная скрипка.....	117
Алина Неборская. Пара дней без одиночества	120
Елена Семагина. Кто отыщет вход в скалу... ..	122
Алина Болото. Снежан	130
Янь Данко. Дом подарков.....	133
Игорь Мосунов. Навстречу	137
Елена Резникова. Месть Великого и Могучего	144
Александр Калинин. Драконовые методы.....	146
Людмила Чернышенко. Машина Времени	148
Александра Хохлова. Планета ловушек	149

Поэзия:

Николай Проценко. Ангелы.....	80
Янь Данко. Два стихотворения.....	90

Реал:

Василий Севрюк. Коты и собаки	92
-------------------------------------	----

Авторы о себе	155
---------------------	-----

Украина
Кропивницкий
(Кировоград)
2017

**Учредитель-издатель-редактор
АЛЕКСЕЙ КОРЕПАНОВ**

<http://www.korepanow.narod.ru/>

«ПОРОГ-АК». Выпуск 24. Альманах зарегистрирован в Главном управлении юстиции в Кировоградской области. Свидетельство о государственной регистрации КГ № 480/58Р от 17.01.2008 года.

E-mail: porog-anturage@yandex.ru

Телефон: (0522) 36-23-43

Почтовый адрес: 25006, Украина, г. Кропивницкий, а/я 5-50.

Технічний редактор О. Корепанов
Оформлення обкладинки – К. Кравцова.
Підписано до друку __.05.2017. Формат 60x84/16

Владимир Булат
УКРАИНА, 1938 ГОД

Он любил этот город. Любил его сказочную неторопливость, петляющие улицы, подъемы, спуски, скверы и острова. Любил киевскую осень, когда прозрачный воздух наполнен легким ветерком, а солнце лишь ненадолго перестало посылать тепло щедрой земле. Любил прохладу книжных лавок среди летнего дня; в этих лавках можно было найти любую книгу и погрузиться в мир фантазий или реальности, в зависимости от предпочтений автора. Любил ресторанчики, число которых множилось с каждым годом. В них можно было провести целый день и не чувствовать неудобств публичного места. Лучше всего отдышалось в этаком гибриде книжной лавки и кабачка – с кальянами, колокольчиком над дверью, звонким кассовым аппаратом и почти музейной тишиной, в которой слышались шушуканья молодых интеллектуалок с косами «коронай» или «локоном страсти». Любил красоту цепного моста, строгую регулярность Крещатика, стрелу неправдоподобно прямого Брест-Литовского шоссе, трамваи, ползущие в длинной тени дома Гинзбурга, вольные пляжи Труханова острова, шубу раскидистых деревьев в Голосеевского леса, загородную прелесть Святошино, пустынные проулки вокруг Лавры, далекие и нарядные выселки Дарницы, снова рестораны с видом на Днепр, с красивыми, как на подбор, и приветливыми кельнершами; в том числе самый фешенебельный – «Аскольдова могила». Любил налегке приехать на вокзал, предъявить проводнику командировочный билет, а затем удобно устроиться в купе мягкого вагона и наблюдать, как вокзал и белые оградки начинают потихоньку отъезжать, и вдруг вагон дергает, и поезд набирает скорость... Любил, когда поезд пробирается в ночной тьме между холмами, а в редких просветах зарослей мелькают яркие электрические огни близких и далеких домиков, выскакивают освещенные дворики, и пассажиры врываются в уютный мир этих двориков, где хозяйка варит в большой кастрюле наловленных раков, парубок признается в любви рослой стеснительной дивчине под сенью плакучей ивы, а цепные собаки заливаются вслед проносающемуся поезду.

Нет, он не был киевлянином. Он даже родился не на Украине, а далеко отсюда – на Волге, где теперь Совдепия, репрессии и злые редакторы газет, которые сочиняют язвительные статьи, разоблачая друг друга. Он забыл все это – и дореволюционную, и революционную части своей жизни, как бабочка забывает о

судьбе гусеницы и коконе, из которого вылезла. Он – семнадцатилетний студент – сначала всей душой принял революцию, потом люто ненавидел ее и наконец пришел к спокойному, почти физиологическому отношению к ней (так мающийся желудком человек вспоминает недавний понос). Киев возник в его судьбе совершенно случайно – в марте 1918 года, по талому снегу, он прибыл в столицу Украинской Народной Республики из большевистского Смоленска, с одним чемоданчиком и без денег. Где-то в Полтавской губернии должно было существовать поместье деда по материнской линии, и он рассчитывал провести в Киеве не больше двух-трех дней. Но прошли месяцы, затем годы, и его временное жительство превратилось в постоянное, курсы телеграфистов – в гуманитарный факультет Русского университета, а когда в Киеве укоренился замечательный социолог Питирим Сорокин, он стал его сотрудником и к тридцати восьми годам уже вписал свое имя в историю этой науки.

Он сидел в тенистом углу Ботанического сада, читал немецкую газету и ожидал свою юную возлюбленную. Пятнадцатилетняя гимназистка, отчасти из любви к своему Покровителю, отчасти из свойственного ей авантюризма, решилась на отчаянное предприятие – отправиться на весь первый летний месяц вместе с ним в Крым, уверенно соврав матери, что едет со школьной экскурсией. Надо сказать, что гимназическая экскурсия действительно имела место, и тоже в Крым. По их расчетам, все должно было обойтись, и их ожидал целый месяц неторопливого блаженства у Черного моря. Сегодня, шестого июня, они отметят ее день рождения прогулкой по Днепру на моторной лодке, потом посидят в ресторанчике и завершат этот праздник в великолепном универсальном магазине, где Лидка сама выберет себе подарок. А завтра он ожидает ее в двенадцать тридцать в купе мягкого вагона.

Размышления Сергея Александровича прервали две узкие ладони – Лидка, подкравшись сзади, положила их ему на глаза...

* * *

1532 гривны. Не считая того, что билеты на поезд Киев – Симферополь обошлись в 490 гривен 24 копейки. Мои доходы за три месяца и еще немного – аванс за книжку.

Бастуют докеры Гамбурга. Сегодня утром произошли столкновения с конной полицией.

В Китае – ожесточенные бои.

Гетманщина нашла отличный способ маргинализировать социалистическую оппозицию. Мощный блок левых партий, возникший еще в 1918 году, оказался неповоротливым в политическом отношении, зато развернулся на научно-культурном

фронте. Биохимический институт, Институт микробиологии и эпидемиологии, Украинское историко-философское общество, Украинское военно-историческое общество, Украинский социологический институт, Институт языкознания, Институт литературы имени Шевченко, Полтавская гравиметрическая обсерватория, Харьковская консерватория, Музыкально-драматический институт, ну и, конечно, Академия наук. Левые развернули здесь гигантскую работу. А в политике они довольствуются фракцией в Сейме, и только...

На выезде из города поезд промчался мимо длинной колонны немецких солдат. Впереди – несколько офицеров верхом.

По вагону ходит разносчик с прохладительными напитками. Купили большую бутылку кваса (42 копейки) и два рогалика (27 копеек).

По последним данным («Киевские вести»), население Украины достигает 42 миллионов человек (включая автономный Крым). Два миллиона безработных. Миллион бездомных. Полмиллиона беспризорников. Около полутора миллионов украинцев работают на заводах и фермах в Германии, Австро-Венгрии, Италии и Фландрии.

В день мы можем тратить по 45 гривен (и еще останется 182 гривны на остаток лета). Отель в Ялте обойдется (двухместный номер) в 24 гривны в сутки – включая табльдот (у них фирменное блюдо – жареная яичница с колбасой), что за тридцать дней составит 720 гривен.

На часах шестнадцать сорок восемь. Едем уже за Киевом – мимо лесопосадок, сквозь которые угадываются поля пшеницы. Слева мальчишка, стоя на большой повозке, запряженной двумя лошадьми, пытается править наперегонки с поездом, что-то кричит и машет рукой, свободной от поводьев.

Жара.

Лидка уже освоилась в купе, достала роман Эриха Марии Ремарка и села читать. Не хватает полок для вещей повыше двух спальных мест, зато отличное зеркало на двери.

Последние раскопки в Персии показали, что за пять тысяч лет до христианской эры уже существовали города.

Вспоминаю, как был в 1933 году в Берлине – на конгрессе социологов. Кстати, познакомился с Альфредом Вебером – младшим братом знаменитого Макса Вебера.

Лидка спрашивает, помню ли я гиперинфляцию. Да, помню. Собственно, на Украине она выглядела иначе, чем в Германии. Первая купюра в сто карбованцев была выпущена, кажется, еще УНР в январе 1918-го, потом, в октябре, гетманское правительство перешло на гривны и выпустило купюру в пятьсот гривен.

Вскоре печатались уже купюры номиналом тысяча и две тысячи гривен, а затем счет пошел на миллионы. Но основная торговля шла не на гривны, а на вещи. Мена победила деньги, и лишь в 1926 году снова явилась наша большая гривна.

«Тебе тогда было три годика», – завершаю я свой рассказ и легонько щелкаю Лидку по носу.

За окном вечереет. Проводник приносит два чая в стаканах с подстаканниками, но мы жаждем еще – жарко.

В США принят закон о минимуме оплаты – сорок центов в час. У нас... Средняя зарплата в Таврическом округе – 183 гривны в месяц, и это еще по-божески. А если пересчитать на часы... Десять с половиной центов. Зато у нас все дешево.

На станции Корсунь играет австрийский военный оркестр. Кстати, играет австрийский гимн. Давно не слышал. Стоим пять минут и потом плавно отправляемся.

В детстве мне казалось, что вслед за Петром Первым царствовала Екатерина Вторая – с 1725 по 1796 год.

Так мы едем, перемещаемся по пространству с севера на юго-восток. Россия рублена топором, Украина – вырезана тонким резцом. Позор тому, кто этого не понимает.

Лидка задремала. Я лежу и смотрю в потолок. Никогда в жизни я не скучал, даже не понимал, как можно скучать.

Лидка любит собирать монетки и старые, вышедшие из употребления, бумажные деньги. Потому и спросила о гиперинфляции. Все украинцы что-то коллекционируют – это у них в крови. Даже гоголевский Иван Иванович коллекционировал – съеденные дыни: «Сия дыня съедена такого-то числа, при сем присутствовал некто, этот некто участия в съедении дыни не принимал». Я как-то раз, когда у меня в девять лет выпадали молочные зубы, насобирав их несколько штук и хотел послать дедушке (он был майором царской армии, служил в Усть-Двинской крепости) в спичечном коробке, но мама нашла, выкинула и очень ругала.

* * *

Март, промозглый киевский март... Я дал себя уговорить моему давнему другу – журналисту «Киевских вестей» Богдану Чередниченко, и вот – сижу в кафетерии в глубине Кухмистерской слободки. Он обещал, что здесь хороший ресторан, но я бы так не сказал. По правде, в Киеве мне больше всего нравятся ресторанички Подола. И зачем нам сюда было тащиться? Но – сидим. Пьем фландрское пиво, закусываем свинными ребрышками. Богдан только что вернулся из командировки в Донбасс.

– Сюрреалистическое зрелище! – восклицает он. – Граница идет по Кальмиусу от Мариуполя до нашей Юзовки, потом заво-

рачивается на восток до нашего же Енакиево, Дебальцево и дальше до Донца. Такие пудовые гранитные столбы, минные поля, вышки с немецкими солдатами. Кое-где чуть не по городским кварталам – там, где в восемнадцатом проходила административная граница между Екатеринославщиной и Донской областью. Там – у них, на стороне Совдепии, – громкоговорители. И все транслируют «Интернационал». Какие-то плакаты со Сталиным и Ворошиловым. У нас – ничего. Как вымерло. Говорят даже, что некоторые шахты так вырыты еще в царское время, что можно по тоннелям попасть оттуда – сюда и наоборот. Но если и были, их уже давно взорвали. Я не понимаю, почему в двадцатом, когда немцы договаривались с Совдепией, не присоединили к нам Ростов или хотя бы Таганрог! Мой брат двоюродный жил в Таганроге, но я ничего о нем не знаю. Почему?!

Я отвечаю, поездиваясь – в кафе совсем не топят:

– Ленин хотел сохранить национальную идентичность. Все, что русское, должно быть совдеповское, а мы – «украинская буржуазия». В протоколе двадцатого года ведь был даже пункт о запрете какой-либо русской белогвардейской деятельности в германской сфере.

– Но Псков-то не отдали!

– Псков – другое дело. Там германский форпост. Не в Риге ж? Это как Крым – поменяли Украине на Холмщину, потому что никакое другое правительство, кроме русского, там не получалось. И нормальная автономия. А Псковский округ – в Балтийском герцогстве. Русское самоуправление там, конечно, есть. Совдепия протестует. А сами? Всеобщая забастовка тридцать четвертого года – под их руководством.

– Мне еще непонятно, почему Совдепии сдали Дальневосточную Республику.

– А что оставалось делать? Япония и Америка никак не могли договориться по Сибири. Сахалин весь японцы, конечно, оттяпали. И канадцы – остров Врангеля...

– Это где такой?

– Напротив Чукотки. А с ДВР никак не получалось. Япония – главный союзник англичан, а американцы сидят и выжидают, чья возьмет: Берлин или Лондон? Поэтому японцы не хотели, чтобы туда внедрились американцы, а американцы не хотели, чтобы внедрились японцы.

– Мы как на огромном океанском лайнере – пассажирами, и не можем дорваться до капитана.

– Да, Берлин и Лондон – две столицы мира. Морские и континентальные германцы. Англичане раскинулись гипертрофированной колониальной империей. Немцы сконцентрировались

в окружении пестрого стада союзников. Из которых, знаешь, половина ненадежны.

– А мы?

– А что мы? В восемнадцатом году мы на все были согласны, лишь бы не Совдепия. А потом – как разделение труда: самостийники-социалисты учат детей родному языку, издают книжки, плетут веночки, укаписты и прочие большевики устраивают забастовки (мол, все равно пойдете на наши требования, у вас тут под боком «Совраска», так что...), все эти русские эмигранты (я-то не в счет) просиживают часами в шинках, где воюют против украинских самостийников, возрождают русскую армию (спяну чего не возродишь?!), клянут гетмана и германский сапог, что топчет русскую Украину, и обещают, обещают, обещают... A chacun son! Но страшно боятся злых пролетариев из Совдепии, которые (не будь здесь немцев и гетмана) придут с севера, порвут веночки, загонят крестьян в колхозы, а этих вояк... Эх... Вот уж точно: свинья под дубом! И над всем этим – гетман. Павло Петрович Скоропадский. Который управляет страной с помощью русских кадетов, деньги добывает у еврейских банкиров (они – там, в США, – думают, что он агент британской разведки), границу держит германскими штыками. Сколько это все будет продолжаться? Затянувшаяся агония старого мира под прицелом большевистских орудий...

– Я с тобой не согласен! Наши крестьяне и рабочие в Совдепию не хотят. Именно потому, что мы слишком близки. Это американские рабочие могут разглагольствовать о Великой Советской России – стране равных возможностей. Мы тут больше видим, вблизи. Потому что лучше получать пособие по безработице, чем работать за трудовни. Сколько у них, в Совдепии, померло с голодухи? Я слышал, миллиона два?

– Да, примерно столько. Это с тридцать первого по тридцать третий годы.

– Голодомор какой-то. А сейчас?

– Они вроде собрали хороший урожай. Черт их знает... Даже когда большевик говорит правду, ему не верят. Но они все-таки добились многого. В прошлом году, я читал, их промышленное производство превысило наше в четыре раза. Пока весь мир с двадцать девятого года топтался на месте, они здорово догоняли. Пятнадцать лет назад думали – все, пора снова в подполье уходить. Досталась разгромленная страна: ни хлеба, ни нефти, даже уголь с нашей частью Донбасса ушел. Но нет – нашли нефть в Поволжье (там еще при царе вроде находили), в Туркестане, добыли американские и британские кредиты.

– Чего они ждут? Мировой революции?

– Новой мировой войны. Считают, что новая война снова приведет к революциям, как во Франции и России, а они тут как тут! Хотели сами разжечь: в Китае, в Турции.

– Американцы намерены с ними против Японии объединиться. Из-за Китая. Англичанам сейчас не до Дальнего Востока. Форин офис пытается держать на плаву европейских союзников: Францию, Италию...

– Э... у Муссолини семь пятниц на неделе. Он то с Берлином дружит, то с Лондоном. Есть еще Испания: хаос победивших анархистов.

– А туда Совдепия не залезет?

– Британия считает, что нет, и что республиканское правительство ей всем обязано. Но гражданская война, как видишь, там продолжается, теперь уже между умеренными республиканцами и леваками... Куда сейчас-то едешь? На годовщине не будешь?

– Вернусь, – отвечает Чередниченко. – А сейчас – в Одессу. Вот хоть и жидивско-москальский город, но люблю его. Там совсем другая жизнь. Самый космополитический город мира, куда там Нью-Йорку или Берлину!

Наш разговор прерывается с появлением в кафе продрогшего мальчишки с кипой газет. Я покупаю три: «Киевлянин» (шульгинская газета на русском; Шульгин – это не человек, а амфибия, ихтиандр, способный жить везде и всегда; иногда мне сдается, что он всех нас переживет, как Бернард Шоу в Англии), «Киевскую биржу» и «Киевские вести» – из лояльности к Богдану. Первым делом смотрим колонку с результатами выборов в городские думы. В Екатеринославе укаписты получают 46 мест гласных, Союз землевладельцев – 25, Братство украинских классократов, монархистов, гетманцев – 14, конституционные демократы – 10, социал-демократы – 9, русские эсеры – 8, украинские эсеры – 8. Но это самый крупный успех левых. Повсюду имеется четкий разброс мест по трем-четырем национальным куриям. Украинцы выбирают из пестрого веера от гетманской партии до укапистов. Четыре миллиона русских (из четырнадцатимиллионного городского населения) бродят между меньшевиками-эсерами, кадетами и совсем свихнувшимися на верности престолу и расстрелянному императору союзами вчерашних тираноубийц (из них как раз Шульгин – самый адекватный, он хотя бы признается самому себе, что требовал отречения Николая Второго). У двух миллионов евреев своя старая песня: сионисты делают вид, что сидят на чемоданах в ожидании парохода в Палестину, консерваторы и бундовцы делают вид, что ассимилируются здесь, большевики-поалеиционисты делают вид, что хотят в Совдепию, однако их туда под страхом смерти не отправишь – все делают

вид. Кое-где мелькают немецкие, польские и греческие гласные. В Киевскую городскую думу опять избран Милюков. В «Киевлянине» его большая статья.

– Ну вот... навывирали, – говорит Богдан. – И что теперь с этим всем делать? Все равно реальная власть у правительства. А эту ораву пустить к власти... Никто из них сам этого не хочет.

– И все-таки первые же свободные выборы дадут победу республиканско-демократическому блоку.

Чередниченко убежденный украинский патриот, левый, но умеренный республиканец, и голосует за украинских социал-федералистов. Я голосую за кадетов. А за кого еще?!

Циммервальд, Кинталь – будто кузнец стучит молотом.

«Фашизм (итал. *fascismo*, от итал. *fascio* – «связка», «объединение») – разновидность политического режима, а также радикальная авторитарная империалистическая политическая идеология, характерными признаками которой являются сильный культ личности, милитаризм, тоталитаризм, империализм и идея постоянной войны и господства. Фашизм берет свое начало в итальянском национализме времен мировой войны и был основан Бенито Муссолини, который ранее был одним из лидеров Итальянской социалистической партии. Распространен преимущественно в романских странах, где существуют две фашистские диктатуры – в Италии (с 1922) и в Португалии (с 1926). В других романских странах также существуют крупные фашистские партии (Испания, Франция, Бразилия), но нигде больше фашисты не приходили к власти. Франкистский мятеж в Испании близок к поражению... На Украине с 1925 года действует небольшая фашистская партия – Союз украинских фашистов» («Энциклопедия украиноведения», т. 9. Киев, 1937, с. 3480).

* * *

Еще одна встреча – в начале мая. Хороший киевский май с цветущими каштанами и обещанием лета. Мы сидим вдесятером в чешском баре на Подоле – все русские, но какой пестрый набор: один – моряк дальнего плавания в отставке; другой – преподаватель математики в Русском университете; четвертый – офицер Гвардейской Отдельной Сердюкской дивизии; пятый – публицист, монархист, православный реакционер; шестой – коммерсант и очень увлекается фантастикой; седьмой – тоже офицер, но уже в отставке, воевал с красными на Дону, потом бежал в апреле двадцатого из Новороссийска; восьмой – еврей, писатель и немного художник; девятый – большевик, но он это скрывает, но у него это не получается, но его прощают, потому как он тоже эмигрант из Совдепии (а раз из Совдепии бежит все больше

людей, значит, она скоро развалится, и это окрыляет остальных, так что он нужен нам как символ скорого падения большевизма); десятый – тоже публицист, но язычник, как он всем себя рекомендует. Третий по счету – вы, наверное, догадались – это я, потому что сижу между офицером и преподавателем. Дым коромыслом. Все пьют, закусывают, курят нещадно. Бар большой, в дальнем его конце, за столом, в компании карточных шулеров, – две кокетки в старомодных платьях до щиколотки по моде 1931 года и с прическами «ласточкино крыло». Но наша компания – почти женоненавистническая. Все говорят одновременно, громко и пьяно, так что со стороны это выглядит как последняя закуска на тонущем «Титанике»:

- Украина развалится через шесть лет...
- Почему именно через шесть?..
- Потому, что сказать: «Через год», – а вдруг она не развалится?..
- Нет, успокойтесь, господа! Украина не развалится, потому что Украина на текущий момент – это Россия. А Россия не может рухнуть, потому что тогда восторжествует Совдепия...
- Нет, Украина – это не Россия, а гетман – подлец и русофоб...
- Нет, гетман – хороший правитель, и скоро Святая Русь возродится в Киеве...
- Сирин ввел моду на любовь к малолеткам...
- Нет, какой Сирин?! Это еще Оскар Уайльд, то есть не Уайльд, а тот... математик... Нет, не наш Шурка! Ха-ха! А, Льюис Кэрролл! Естественно, он водился с малолетками...
- Я себе такую маргаритку в Праге в прошлом году нашел!..
- Девушка, мне вот это – темное... «Великопоповицкое»?.. Да!
- Мы должны быть благодарны немцам, чьи штывы охраняют нас от ярости народной...
- Verdammt jene Hochland!..
- «От Киева и до Берлина ще не вмерла Украина, гайдамаки ще не сдались, Дойчланд, Дойчланд юбер аллес!!!»
- Что будет в Совдепии... ну... допустим, в пятидесятом году?
- Дедушку Сталина тихо отправят на пенсию...
- Господа, это дерьмо! Он никакой не красный Наполеон!..
- Год назад Тухачевского пророчили на должность Наполеона. А теперь? Ворошилова?..
- Тухачевский ползал перед Сталиным на брюхе. Бонапартом он быть не мог...
- Вот – купил отличный альбом австрийских танков «Шкода»... Это Т-15, а это образца тридцатого года...
- Сирин – сын Набокова? Которого убили в двадцать втором году?..

- Да, я помню – у нас на площади перед Софийским собором...
- Хохлы?
- Нет, «союзники». Из Союза русского народа...
- Святая Русь возродится в Киеве...
- Православие – старушечья религия!
- Старушечья???
- Война Англии и Германии неизбежна!..
- Все зависит от Франции...
- Нет, все зависит от России!
- На чьей стороне выступит Сталин?
- Он еще сам не знает...
- Красная армия после репрессий очень слаба...
- Еще Бунин сочиняет про любовь к малолеткам... У него целый сборник – «Темные аллеи»...
- Нет, Бунин широк в своих симпатиях к женской половине...
- А это теперь хохлы думают, что это у них Нобелевская премия по литературе...
- Дальний Восток мы потеряли, когда австрияки объявили амнистию чехословацкому легиону...
- Нет, господа, мы здесь находимся в России!..
- В Украине...
- На России...

Я сижу в этом собрании, вставляю свои слова (это я спрашивал о том, что будет в Совдепии в 1950 году), но чувствую каждый раз свою чуждость здесь – среди этой элементарной неблагодарности. Правда, щирые украинцы меня тоже за своего не признают, хоть и дед... Неужели я – космополит?..

Я места себе не находил тогда еще и потому, что меня обволакивали мысли о Лидке: мы познакомились всего неделю тому назад и вчера были в Опере. Давали концерт Луиджи Руссолю. Футуристическая музыка. Когда Маяковский вопрошает: «А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?», отвечает ему Руссолю. Неужели только мне пришла в голову аналогия эстетики замятинского романа «Мы» с футуристическими композициями – например, «Кол из будущего» Велимира Хлебникова? «Улицетворы» маршируют рядами по номерам. «Радио будущего – главное дерево сознания – открывает ведение бесконечных задач и объединит человечество... Это Радио разослало по своим приборам цветные тени, чтобы сделать всю страну и каждую деревню участницей выставки художественных холстов далекой столицы». Может, правильно говорят фантасты, что когда-нибудь – как знать скоро – радио, телеграф, ундервуд, библиотека и кинематограф сольются воедино и уместятся в кармане пиджака?

Лидка мало что поняла, особенно в «Типографской машине», но ей понравилось. А потом я рассказывал ей о космосе, о космических ракетах, о том, что Тунгусский метеорит считают взорвавшимся марсианским цилиндром. Но у некоторых фантастов проскальзывает беспокойство: Тунгусский метеорит может оказаться потерпевшей аварию машиной времени. И тут меня самого тянет на сочинительство (как знать, может, и не потерпевшей).

СОН ИЛИ ЯВЬ?

Я просто обалдел, когда ощутил себя стоящим в тамбуре вагона первого класса где-то в Сибири в 1908 году. Все это я ощутил сразу же, как бывает во сне: знаешь что-то, а откуда – не понять. Может, такого рода ощущения свойственны были девушке-роботу из «Метрополиса»... Впрочем, если сейчас 1908 год, то ни «Метрополиса» еще нет, ни слово «робот» еще не изобретено. Надо не забываться.

Я стоял в проходе у окна, за которым начал медленно уплывать вправо полустанок. Поезд дернуло, как всегда держат при отправлении. На перроне – никого. Хотя нет, никакого перрона не было, а была посыпанная гравием широкая дорожка вдоль путей, будка неподалеку и семафор – вот и весь полустанок. Сизое небо проглядывало над соснами. Поезд набрал скорость, и сосняк приблизился к путям, но небо продолжало смотреть сквозь стволы. Потом больше стало елей и лиственниц. Поезд уже мчался на полной скорости, и на поворотах виднелся впереди паровоз с неестественно большой трубой. Я не заметил сначала, во что одет, но точно знал, что в этой жизни меня зовут Аркадий. Вот уж странное имя! Никогда бы себя так не назвал.

Надо привыкать к эпохе. Там, куда мчится поезд – а я знал также, что он едет между Красноярском и Ачинском, – будет Европейская Россия, паровозные гудки, гудки заводские, гудки первых авто, дальше – германские фольварки и звенящие берлинские трамваи, дальше – фортифы Парижа, дальше – лайнеры, плывущие через океан (у нас люди, летающие на самолетах, уже потеряли прелесть путешествий через океан на кораблях). Я продолжал ехать и смотреть в окно тамбура – на север. Сибирское лето. Окно немного закопчено. Занавесочки отсутствуют. За моей спиной из полуоткрытого купе доносились – сейчас я стал различать их получше, но все равно не понимал пока, мужские или женские – голоса. Вот сейчас я обернусь и заговорю с попутчиками. Сейчас...

Я – ровесник века. Я пережил три интеллектуальных тупика, но я их пережил, преодолел, и мне даже смешно смотреть на тех, кто не пережил, не смог. Первый тупик наметился в 1917 году.

Революция. Ее неизбежность. Разрушение старого мира. Евразийство – им и сейчас питаются целые общества. Блок отчасти выразил то, что творилось во мне. Я мог стать большевиком... И погибнуть в чистках в наши дни. Но я преодолел это. Спасибо эпохе! Мы узнали меру, как античные философы. На Украине, куда я попал, разрушать не хотели. Здесь революция оказалась созидательной.

Второй тупик был связан с кризисом 1929 года. Опять цивилизация рушилась, и хотелось в троглодиты. Это была эпоха самой острой ностальгии по дореволюционной России. Кем я был в 1908 году? Восьмилетним мальчиком, который только собирался в первый класс гимназии. Я еще не мог освоить страну, в которой жил. Воспоминания людей постарше завораживали: как сказал бы гоголевский Чичиков, в ту Российскую империю из воспоминаний «въезжаешь, как в рай». Мечтательные «новороссы» (так они себя стали называть тогда) уже хотели превратить сказку в реальность – множились планы отделения от Украины южных губерний, воссоздания там Белой России и войны с Россией Красной. Я мог примкнуть к ним. Запросто. Но и здесь я, как колобок из сказки, обошел лису. Воссоздать Россию на Украине можно, но ценой уничтожения большей части населения, тех самых украинских крестьян, которые и так-то косо смотрят на гетманскую надстройку. Нет, сто лет еще будет жива Совдепия (Карел Чапек так считает в своих «Письмах из будущего»; хотя мне показалось, что будущее у него – это просто гипертрофированное настоящее), сто лет русская эмиграция будет вариться в украинском соку. Здесь. Они очень хорошо здесь прижились: Бунин в Одессе, Милюков и Булгаков – в Киеве, доживающие свой век поэты-символисты – в Крыму. Берлин – вторая столица русской эмиграции, и лишь небольшая часть («деникинцы») подалась в Париж, революционный анархический Париж уличных драк и драк в парламенте, Париж гламурного фашизма и гламурного большевизма (главный парижский фашист – парфюмер). Там вызревает иная русская эмиграция: против большевиков и немцев, против германо-большевиков.

Третий интеллектуальный тупик подкрался незаметно. Я обнаружил его к 1935 году. Тридцать пять лет. Наполеон уже был императором, Александр Македонский уже лежал в гробу. Почему-то именно в тридцать пять лет тянет подводить какие-то итоги. (Хотя Вернадский считает, что тридцать пять – рановато для итогов, надо лет шестьдесят. У него-то они есть, а у нас?) Я обнаружил, что погряз в своей науке, что превратился в какого-то социологического блохоискателя, благо мой работодатель имеет манеру работать, как рабочий на фордовском заводе. Мир стал представляться каким-то одномерным. Дурной одномерностью.

Я опять преодолел это. Я обратился к современной литературе. Она есть. У нас сейчас все еще принято оплакивать Серебряный век, эту «плюшевую литературу», как выразился мой друг, мечтательный марксист и основатель клуба «Левый поворот» (что близ вокзала на Паньковщине). После смерти Блока литературой для них умерла, и даже берлинский прорицатель Мерехковский кажется себе самому чем-то археологическим. Но ведь это не так. В Германии символисты – Георге, Рильке и Гофмансталь умерли. Зато какой взрыв экспрессионизма, авангарда! В оппозиции к нему новая вещественность Брехта и Ремарка. Рядом – Франция, пережившая революцию, новое поражение в войне и долгий, изнурительный кризис. Британская литература. Американцы: Хемингуэй, Синклер Льюис, Фицджеральд. Дунайская литература. Кто-то сказал, что один Гашек сочинил больше, чем вся русская литература. Украинская литература развивалась очень своеобразно. Она вся ушла влево – куда-то между Винниченко и Блакитным, между Центральной Радой и большевиками. Но там – на левом фланге – началась настоящая буря. Что ни писатель, то масштаб. Особенно здорово развивается в последние годы бессюжетная проза. Встречал даже мнение, что украинская литература становится европейской литературой первой величины, как немецкая или французская. Это, конечно, преувеличение, но левый крен много дал. Особенно «мистархия» в творчестве Пидмогильного...

Три года я ходил по книжным лавкам, как в гастроном, составил себе ясное представление о литературе последнего двадцатилетия, и даже самому захотелось что-нибудь написать. В стране должна развиваться не только техника, не только наука, но и искусство, не только технические науки, но и гуманитарные. Вот в Италии: сколько ни пыжались фашисты, а ничего у них не получится; помимо техники, должны развиваться искусства, но из страны бегут интеллектуалы.

Украинский Сейм. Сойм. 400 депутатов разделены по национальным куриям: 330 украинских депутатов, 40 русских, 20 еврейских, 8 немецких, по одному от греков и татар. Поляки очень недовольны, но умудряются проходить на выборах. О белорусах Полесского округа вообще речи не идет. Так решили в 1920 году. С тех пор конституция не менялась. Среди сорока русских депутатов сначала было много левых: меньшевики и эсеры, даже большевики, но потом электорат правее, после выборов 1930 года все больше правых, монархистов, этих нелепых православных святош. Такое впечатление, что русские хотят вернуться не просто в дореволюционное состояние, а в Россию Николая Первого, забыв Россию Александра Второго...

Шредингер окончательно впал в индуизм, но по-прежнему преподает физику в Черновицком университете Франца Иосифа...

* * *

Я тоже, кажется, задремал, и мы с Лидкой одновременно встрепенились, когда поезд стал замедлять ход. Я посмотрел на часы в свете лампочки – уже почти полночь. Если верить расписанию в рамке над хорошенькой Лидкиной головкой, сейчас будет Фундуклеевка. За окном, когда я погасил лампочку, стали заметны очертания ночных закоулков, а неподалеку (поезд совсем сбавил ход), на обращенном к нам экране летнего кинотеатра, мы даже заметили немецкий фильм «Frau im Mond». С удовольствием мы выскальзываем из душного тамбура в прохладную синь привокзального перрона. Здесь мы стоим аж полчаса, а поэтому можно не торопиться. Где-то рывкает паровоз, шумит привокзальная площадь, а с другого боку на скамейках ночует множество кочующих заробитчан. Миллионы их перекатываются по стране, спят, где придется, едят, что раздобудут, работают за гроши, и все это заканчивается смертью от падения с крыши поезда или от внезапной остановки сердца, которое не может уже приводить в действие усталый организм. Наши искатели смысла жизни, должно быть, никогда не спрашивали о нем у этих людей, которые, наверное, и не знают, что каждый человек – целая Вселенная. Когда читаешь какого-нибудь философа: Бердяева, Соловьева или Булгакова, замечаешь, что, говоря о человечестве, они описывают лишь самих себя.

Мы с Лидкой ходим между лежащих на своем скудном скарбе людей. Все они спят, и только какая-то девочка – вроде ровесница Лидки – провожает нас тревожно-напряженным взглядом. Она смотрит на Лидку в моей шляпе канотье, на меня в летнем полотняном костюме белого цвета и не может оторваться. Зато дальше прямо на перроне стоит ресторация, и это странно – не помню, чтобы ресторации стояли прямо на перроне. Мы заглядываем, и на нас смотрит целая гирлянда из дюжины проституток – от двенадцати до двадцати лет, – взобравшихся на высоченные табуреты вокруг большого круглого стола. Из радио льется берлинский джаз, и диктор сообщает по-немецки, что в Берлине сейчас двадцать три пятнадцать. На другом конце перрона – подалее от ресторации, – в уютном зальчике ожидания ожидают своих автобусов участники селянского съезда (об этом сообщает забытая кем-то табличка на конторке). Это значительно более состоятельный класс – не чета заробитчанам, их жены одеты по последней ситуэвой моде, а дети (они взяли на съезд много детей) смотрят на

белом экране под лучом кинопроектора какой-то новейший американский мультфильм с марширующими гномиками. Вспомнил! Этот мультфильм предвещал кинопросмотр в просоветском клубе рядом с Лидкиным домом на Подоле, куда Лидка затащила меня неделю назад («Все девчонки смотрели!»), невероятной советской интерпретации стивенсоновского «Острова сокровищ»: поиски сокровищ происходят на фоне революции в Ирландии, а резвая Дженни, влюбленная в доктора Ливси, здорово лазает по вантам...

* * *

Купе. На лицо Лидки падает полоска света из коридора, и я задвигаю дверь, чтоб никто нас не видел. Где-то, как всегда в ночном поезде, плачет ребенок, раздаётся стук полка, а лицо у Лидки делается совсем детским, курносым, наивно-озадаченным. В полпервого ночи поезд набирает ход, но нам не до сна. Разоблаченная Лидка светится в темноте белизной своего тела, а какие-то яркие фонари, прожектора вырывают нас – все купе – из тьмы, и Лидка опять превращается в темную, поглощающую свет резвую девочку, которая, если что, первая заберется своими загорелыми ногами на мачту...

Мы падаем. Падает вся наша планетка – такая небольшая, что мы видим ее края. Падает Солнце, вокруг которого она обращается. Падает Галактика, вокруг центра которой обращается Солнце. Падает вся Вселенная. Ничто ни за что не держится. Боги умерли, атланты разбежались по солдатским комитетам митинговать. Но падение не прекратится, потому что у Вселенной нет дна. А поэтому мы существуем. Падаем, значит – существуем. Движенье – все, цель – ничто. Звезды вглубяют, как рыбы, в наше окно, и нам даже приходится отгонять самых назойливых из них. Эйнштейновский поезд мчит нас вперед, и до ближайшей звезды три миллиона лет пути.

Снится мне в эту ночь старый, избитый и хорошо знакомый сон. Он снится мне уже несколько лет подряд, не часто, но и не настолько редко, чтобы забыть его. Я уже достаточно освоился в этом сне и знаю, что там делать. Нет, ничего мистического в этом нет. Сон – это творчество самого человека, и разве кого-нибудь удивляет, что ребенок каждый день играет в одни и те же игрушки, которые ставит в одном и том же порядке? Мне снится, что я получил большое наследство, и теперь в моей собственности огромный домина в фешенебельном квартале Киева – комнат пятнадцать или больше. Я брожу по моему новому жилищу и все не могу освоиться. Там же неизменно присутствует моя бывшая жена, которая также совершает бесконечную прогулку по новой квартире. У квартиры два выхода, и один – черный ход – ведет

по какой-то каменной лестнице на задворки, причем выход этот всегда не закрыт, и мне в каждом сне приходится аккуратно закрывать его. К моему большому сожалению, в следующий раз этот ход опять открыт, и мои труды пропадают даром. И мне приходится заново закрывать дверь. Это первый недостаток жилья. Второй – в квартире холодно, неуютно. Я пытаюсь делать вид, что ничего в этом страшного нет, но все равно мне тут... Однако, это всего лишь первое впечатление. Теперь я очень хочу, чтобы вместо моей бывшей жены здесь была Лидка. Но Лидки здесь нет, и это третий недостаток жилья.

А Лидке в это время снится, как ею овладевает кто-то. Первый раз, второй... третий, четвертый... пятый... Это не может продолжаться, но это может продолжаться. Она – как мушкетер в ботфортах, и эти ботфорты страшно мешают, но их не снять...

Первая моя мысль при пробуждении: я не желаю думать о своей бывшей жене!.. И вообще: всегда удивляло, что в романе Горького «Жизнь Клима Самгина» главный герой, уже будучи в летах, все стремится наконец-то соблазнить тех женщин, которые привлекали его еще в гимназические годы. Я вот вряд ли захотел бы большую часть тех, кого хотел гимназистом. Или это уже пресыщение жизнью?.. Моя радость напротив...

А Лидкина первая мысль при пробуждении: у него такой большой...

«Учитесь наслаждаться жизнью. Страдать она научит сама».

* * *

Утро. Мы в Кривом Роге. Кислый запах колес поезда. Здесь поезд почему-то стоит целый час, и мы решили походить по городу, а еще позавтракать в хорошем ресторанчике. Странно – город вроде большой, тысяч двести населения (рудник «Сухая Балка», и немцы строили горнообогатительный синдикат), а вокруг вокзала раскинулись какие-то совершенно деревенские кварталы с садочками. Поскольку города мы не знаем, то, описавши круг по близлежащему району, вернулись к вокзалу. И тут увидели домик с белеными стенами, а в нем – «Казацкая хата». Это уже знакомо. Я заказал яичницу с ветчиной, а Лидка – вареники с вишнями и мелко порезанное сало с луком.

«А горилку?!» – спрашиваю я. Лидка смеется и заказывает минеральную воду. Я – тоже. «Знаешь, – говорит Лидка, – меня всегда удивляет, когда одноклассницы приводят своих младших сестричек – такая уменьшенная копия подруги».

Принесли утренние (или ночные) газеты.

«Скаженный Грыць собирает манифестацию в Лукьяновке... Украинский социалистический клуб и Украинский революционный

демократический союз потребовали пересмотра итогов выборов в городскую думу Кривого Рога... Расформирована Украинская радикально-демократическая партия... Социал-демократическая партия Богемии и Моравии отметила свое шестидесятилетие стодвадцатитысячной демонстрацией сторонников в Праге... По призыву Словацкой народной партии в Братиславе собралось до семидесяти тысяч крестьян, которые провели марш за автономию Словакии... Британские войска деблокировали осажденный афганскими повстанцами форт Датта-хель... Визит кайзера в Стамбул...»

Ничего интересного!

Может, и не будет никакой войны. Англия и Германия слишком отягощены своими проблемами с союзниками. Англия должна держать на плаву Францию, помогает республиканцам в Испании, но это ссорит ее с Италией. Германия должна держать весь пояс лимитрофов – от Финляндии до Грузии и Азербайджана, но разве можно полагаться на Маннергейма? А из Вены звучат пацифистские гимны: венские либералы воевать не желают – у них все больше проблем с Дунайской Федерацией. Обе великие державы и так тратят слишком много средств на содержание миллионных армий. Германия вынуждена держать миллион солдат только в лимитрофах, а британцы – в метрополии. Но в лабораториях ведутся поиски какого-то чудо-оружия («лучи смерти», новые типы танков и сухопутных крейсеров, самолеты с броней танка...)

Лидка тем временем подманила кусочком сала хозяйского кота, но тут пришел официант и сказал, что кота нельзя кормить салом. Мы очень удивились, а Лидка продекламировала несколько детских стишков:

Дали котикові сало –
Відповів котятко: «Мало!»

И еще:

Падав сніг на поріг,
Кіт зліпив собі пиріг.
Поки смажив, поки пік,
А пиріг водою стік.
Кіт не знав, що на пиріг
Треба тісто, а не сніг.

Странно... я что-то такого из своего детства не помню... Или сочинили недавно... У нас были другие детские стихи... Тонкая пленка культурной городской России. Что мы знали? Считали Украину Россией. Быть может, в России есть еще дюжина украин, совершенно неведомых русскому снобизму?..

После завтрака надо было еще дать телеграмму Лидкиной маме, что все в порядке – экскурсия приближается к южным берегам Крыма, но когда мы подошли к вокзалу, поезд дернуло, и он стал плавно набирать скорость. Быстрые загорелые ноги Лидки помчались к ближайшему вагону, а я помчался вслед за ними: со стороны действительно могло показаться, что взрослый мужчина гонится за маленькой хорошенькой девочкой. Но мы успели вскочить в открытую дверь вагона. За нами бежал еще кто-то, но он не успел. Вагон оказался последним, и в следующий момент мы наблюдали через заднее окно тамбура сцену «Отправление поезда». Я посетовал проводнику, что вот же жаль, что у меня нет киноаппарата – получилась бы хорошая антитеза известному фильму братьев Люмьер «Прибытие поезда». Очень даже оригинально – куда оригинальнее, чем недавняя шутка в «Киевском юмористическом листке», что после «Черного квадрата» Малевича («Негры ночью уголь воруют!») теперь остается написать разве что «Белый квадрат» – вообще ничего не рисовать. Лидка сказала, что поезд ушел раньше, чем по расписанию. Проводник сказал, что через час будет Апостолово. Там и дадим телеграмму.

* * *

В купе играем с Лидкой в карты, на которых нарисованы политики Украины и мира: на червах – украинские, на пиках – русские, на трефах – еврейские, на бубнах – «во всемирном масштабе» (как говорит Чапаев в советской кинокартине). Туз – кайзер Вильгельм, король – Эдуард Восьмой Английский (Заика), королева, то есть дама – Сталин (ох, и потешались, должно быть, художники!) – в образе Екатерины Второй, валет – президент Рузвельт, десятка – султан Мехмед Эртугрул Эфенди, девятка – японский микадо Хирохито, восьмерка – Леон Блюм (не путать с героем Джойса!), семерка – австрийский император, венгерский король, богемский король, иерусалимский король и прочая Отто Габсбург, шестерка – Муссолини с обезьяньей рожей (вот Дарвин бы порадовался!), пятерка – Махатма Ганди, четверка – генералиссимус Чан Кайши, тройка – Ларго Кабальеро, двойка – шведский король, а джокер – папа римский.

Лидка проиграла, чуточку обиделась, поставила свои ножки с окрашенными в красный цвет ноготками на мое колено и спросила, учился ли я в мужской гимназии. Разумеется!.. У нас все гимназии были мужские или женские. Смешанных не было. Это в восемнадцатом большевики создали единую трудовую школу. Теперь они хотят вернуться к старорежимной гимназии, а ЕТШ, наоборот, очень понравилась в Германии и Австрии (там сейчас

целое педагогическое направление «трудовой школы» противостоит классической гимназии).

Лидка:

– А у меня подружка училась в смешанной школе. Говорит, что с мальчишками, в общем, нормально учиться. Думали, что они на всех начнут кидаться, дразниться, но ничего: за год только одна девчонка из класса забеременела.

Я говорю:

– Ну, у вас, наверное, только сапфические страсти!..

Лидка шлепает меня по плечу, а потом говорит шепотом на ухо:

– Вообще-то, да, но только по большой дружбе.

Странно, почему-то женские страсти не вызывают того отторжения, как мужские, и даже Котляревский в «Пане Халявском» лишь снисходительно усмехается: «Вот еще выдумали что! то нам целоваться между собою? Это будет горшок о горшок, а масла не будет», подмигивая читателю, но это уже зачирикала его невестка из следующего столетия. Зачириканный век – девятнадцатый. Как мы жили тогда? Как мы могли жить? Что мы имеем в тысяча девятисотом – тринадцатом? Смерзшиеся глыбы «великих держав», философия, обратившаяся в раздел математической логики, старообразность как идеал солидности (любопытно, что помимо «теплых» и «холодных» культур, есть еще «старообразные» и «младообразные»). Мечта поскорее отринуть «легкомысленность» и постареть. Старый мир. Только оказавшись в 1920-х, мы смогли оценить всю нашу перемену. Это была милость Музы Истории, сошедшей по предопределению Аполлона – бога судьбы к европейцам и подарившей им самое прекрасное десятилетие века. Империалистическая война оказала неоценимую услугу европейскому сознанию – она поставила его перед фактом естественных ценностей, отсортировав все мнимые: люди 1920 года уже не могли без улыбки вспоминать свою ложную серьезность 1910 года – официоз и мифологию, в которую уже никто не верил. Человек жив, здоров, сыт, и его щеку только что задела женская прическа в стиле крыла ласточки – вот и все, что нужно для счастья. Двадцатые годы – эпоха массового экзистенциализма.

Лидка:

– Я – экзистенциализм?

– Да!

Лидка:

– А что было в девятьсот десятом?

Далекое-предалекое детство. Мне десять лет. На даче за городом родители пьют чай с клубничным вареньем, а на венском

стуле раскинулась свежая, в пышном розоватом платье, пахнущая хорошим табаком и дорогой, моя старшая сестра, которая только что приехала из Москвы, курсистка. Старшая сестра (я ведь поздний ребенок у своих родителей) рассказывает о своей подруге:

– Идем мы с этой татарочкой – Нэфисе, которая так хотела ветчину с доброй свиньи, и она едва не попала под лошадь. Я ей говорю: «Ты будь осторожнее, а то ведь убьет». Она, патетически: «Да, и будет лежать на мостовой красивое мертвое тело!»

А в другой раз еще экстравагантнее:

– Со мной на курсах учились две евреечки из Бессарабии. Писанные красавицы! Одну вообще можно было бы на роль Ревекки в пьесу «Айвенго» по роману Вальтера Скотта. И что вы думаете? Вышли замуж за двух старых, омерзительных евреев...

Когда я это все вспоминаю – ту, далекую Россию, закрадывается сомнение: жил ли я тогда, там – на Волге, или это была какая-то другая шредингеровско-буддийская жизнь?..

Лидка:

– Рассказывай, рассказывай! Мне нравится, когда ты что-нибудь рассказываешь...

Я:

– А давай-ка лучше пойдем в вагон-ресторан. Я сыт, но мне хотелось бы попробовать здешние вина – хвалили. Кажется, токайское есть.

Лидка:

– Ой... а я еще никогда не пила вина...

Но дойти до ресторана – через два вагона от нас – нам не удалось: поезд прибыл в Апостолово.

* * *

Апостолово. Основано в 1793 году. До 1923 года – село Покровское. Апостол – фамилия молдавского происхождения, род Апостолов включен в Малороссийский гербовник. Население – десять тысяч жителей. Кирпичный, консервный заводы, маслозавод, элеваторы. По перрону ходят босоногие парни и девушки и продают вареных раков, редиску, мороженое и малосольные огурцы.

Лидка наконец дала телеграмму в почтовом отделении новенького, чистенького вокзальчика (даже фонтан на перроне есть). На здании вокзала надпись: «Станция Апостолово открыта в 1904 году». Люди неторопливы, замаявшияся в поездке пассажиры лениво слоняются по перрону, а продающие не пристают к ним зря. Это не Нежин, где знаменитые нежинские огурчики разве что за пазуху не засовывают – и все втридорога. Лидка взяла мороженое по двадцать копеек. Я прочитал на стенде с газетами:

«Протофис называет деятельность сеймовской комиссии во главе с Винниченко обычной грабизкой...»

На Лидке – ее любимое короткое платье цвета морской волны. Хотя не морской, а скорее, просто зеленой, как в пруду. Она – как символ лета, летняя девочка. Буйная листва каштанов и платанов. Южный город – им нельзя не восхищаться. За вокзалом – медовая лавка «Вулик», а рядом пивная, где сидят несколько австрийских солдат. Высоченные пивные кружки. Это последнее, что мы видим в Апостолово, потому что поезд зовет нас на посадку. Мы протискиваемся в вагон-ресторан. На видном месте курсовая таблица: одна рейхсмарка равна трем гривнам и 68 копейкам, одна дунайская крона равна одной гривне и 29 копейкам. Неизменные цветочки в вазочке на столе под занавесочками.

Лидка:

– Мне дашь попробовать?

Я:

– Боишься?

Лидка:

– Немножко боюсь...

Винная карта здесь действительно хороша. Новейший немецкий ликер «Кюммерлинг» (6 гривен 60 копеек), кувшинчик крюшона (2 гривны 52 копейки), украинская горилка трех сортов, испанское бренди «Торрес» (10 гривен 66 копеек), розовое вино «Крым» (4 гривны 49 копеек); наконец, «Токай Мускотали» – венгерское (5 гривен 71 копейка). Кто может пить так основательно-романтически, как мой старший брат-погодок – Хемингуэй? Он отправился воевать во Францию на итальянский фронт в Альпах, а потом – много лет спустя – сказал журналисту: «Я был большим дураком, когда отправился на ту войну. Я думал, что мы спортивная команда, а итальянцы и австрийцы – другая команда, участвующая в состязании». Мы заказали токайское и к нему сырную тарелку.

Вот так же (ну, почти так) я сидел четыре года назад в обществе моего давнего друга, ныне скончавшегося, переводчика и книгоиздателя из Славянска Изюмского уезда, мучившегося от хронического туберкулеза. Я приехал в Мариуполь за острыми ощущениями: мне отчего-то захотелось поглазеть на территорию Советской России с вышки на границе (для этого не обязательно ходить в музей, как набоковскому герою). В вагоне-ресторане, который переделан в ресторан и навеки загнан в тупик (только все окна – настезь), он похвалил мою первую книжку «Социология украинского города» и рассказывал:

– Мы даже не понимаем, благодаря чему здесь появилась эта граница. Я тут читал у одного автора – эмигранта из России

– фантастический роман. Он пишет, что Италия могла – вполне могла – вступить в войну на стороне Антанты, а не Германии: ее ссора с Турцией в девятьсот одиннадцатом, династический брак Виктора-Эммануила и так далее. Это получается, у Антанты на один фронт меньше, у центральных держав – больше. Да, в Тироле и Венето. Франция могла выдержать солдатский бунт в мае семнадцатого. Дальше получается, что Румыния тоже могла выступить на стороне Антанты или остаться нейтральной. У России меньше фронтов. И вышло бы, что все победы Германии на востоке бесполезны: Гетманщина и Балтийское герцогство существуют до тех пор, пока в Берлине сидит кайзер.

– Хм... Революция в Германии?

– Да, они к концу войны тоже были на грани. Особенно Австро-Венгрия. Она, зажата между двумя фронтами, разваливается точно. И Турция – ее немцы спасли в восемнадцатом, когда сбросили англичан в Ла-Манш. Дальше победа Антанты. Ослабление Германии. Сюда приходят большевики. Махно гуляет по Украине, Винниченко и Петлюра свергают гетмана – у них целая коалиция. Но государство распадается. Украина в составе Советов.

– А Деникин?

– Автор считает, что у него все равно никакого шанса не было. Как и у Колчака.

– Ты думаешь, что судьба России решалась в Риме в мае пятнадцатого?

– Да, у него это звучит убедительно. Потом в Германии тоже могла произойти большевистская революция. И в Венгрии тоже. Турцию делят между греками и армянами. В итоге тебе не пришлось бы сейчас любоваться восточным берегом Кальмиуса.

– Тогда я был бы где-нибудь в Париже.

– Смотри: одна коалиция побеждает, другая разваливается и становится легкой добычей для Советов. Получается, Советы усиливаются и становятся большой федерацией – может, до Рейна. Мне этот опус показался интересным, и я издал его – под названием «Иное небо». Меня долго ругали. Его оскорбляли как неуча в истории и географии. Писали, что этого не могло быть: даже если бы Италия перешла на сторону Антанты, германская победа более вероятна.

Потом – глядя в бинокль с вышки на советскую территорию (ничего особого я там не увидел), – я пытался приладить эту антиутопию к своей картине мира. Существует такой сорт журналистов и серьезных писателей, которые любят расхваливать «реформы большевиков». Герберт Уэллс два раза паломничал в Советскую Россию; второй – как раз в то время, когда я рассматривал ее в бинокль. Андре Жид, Сидней и Беатриса Вебб...

«Я не коммунист, но методы, применяемые в Советской России...» Хотя... Ромен Роллан и Анри Барбюс – коммунисты. А в самом деле – чего они там в Совдепии добились? Я где-то читал, что оттуда уехало пять миллионов человек – образованных и квалифицированных работников. Лучшую, наиболее развитую часть Российской империи большевики потеряли еще в 1918 году, и хотя им удалось разгромить антибольшевистские армии Колчака и Деникина (белоэмигранты и по сей день спорят – кто кого «предал»: Колчак – Деникина или наоборот?), это была пиррова победа. Ленин в 1921 году признал, что «завоевано слишком мало». На карте мира Советская Россия выглядит огромной страной, но столь же внушительно выглядит Дания – за счет своих гренландских владений. Мир поделен между Германией и Великобританией, которая хладнокровно расплатилась с победителями за счет Франции и России. В этом раскладе Совдепия не есть какой-то особый мир, равновеликий «миру капитала», как не были древние евреи равновелики остальному «языческому» миру. Сто двадцать миллионов человек – пять процентов населения мира, из которых половина готова восстать против большевистского режима.

«А как же мощный индустриальный подъем, который переживает Советская Россия?» – возразят мне. Тому причина изначальная неразвитость и большой потенциал аграрных районов Российской империи, которые достались большевикам, и американские кредиты. Америка создает альянс с Совдепией против Японии, но Англия!.. Когда после 1920 года стало ясно, что советская власть ограничится лишь частью бывшей Российской империи, у большевиков случился конфликт между сторонниками перманентной мировой революции и сторонниками построения коммунизма в отдельно взятой стране. Сталин вроде был на стороне последних. Его очень любят евразийцы («Сталин окончательно отвернулся от чуждой Европы и вернул Россию к исконным евразийским корням...»), но я сомневаюсь, что Сталин очень любит евразийцев. Хотя, когда он умрет, они будут говорить о нем, как о тайном евразийце. (А сионисты – как о криптоиудее, ха-ха!..) Сталин – типичный большевик, который рассматривает Россию в качестве плацдарма для завоевания остального мира. Неужели они когда-нибудь придут сюда – на Украину?..

Но это если и будет, то когда-нибудь, а мы живем сейчас. Я красиво открываю бутылку токайского и разливаю золотистый напиток по бокалам. Лидка отпивает, потом еще:

- Что-то тут есть...
- Токайское!

Лидка срочно заедает вино грузинским гозинаком и шепчет мне:

– Я, кажется, уже пьяная...

– Я тебя отнесу на руках.

Через проход от нас сидят друг напротив друга два человека: сын и отец. Это я наметанным глазом социолога (говорят, первым украинским социологом был Гоголь) определил на раз. На отце – линялая шинель со споротыми «разговорами» (красноармейская?) Сын в модном костюме – выглядит немного даже по-гангстерски. Лидка тоже обратила внимание:

– Что ты о них скажешь?

Это наша игра. Когда Лидка узнала, что я – социолог, она все время указывает мне на первого встречного, чтобы я – как Шерлок Холмс – рассказал о нем все. Даже притащила однажды фотографию своего класса (двадцать гимназисток во главе с очень самолюбивой и раздражительной панной классной наставницей): «Расскажи мне о них». Я рассказал, что мог. «Правильно?» – «Ну... в большинстве случаев ты прав...»

И вот сейчас я уверенно, глядя при этом в дальнее окно, за которым мелькает лесопосадка, рассказываю ей:

– Это папа и сын. Сын уже давно живет здесь – на Украине. Папа совсем недавно садами-огородами, может быть, всего три дня назад, пробрался сюда из Советской России. Они едут... скорее всего, в тот город, где живет сын...

– Нет, в Никополь, по делам о наследовании, – прерывает меня молодой человек в гангстерском прикиде.

– Извините... я рассказываю юной панночке о большом мире, что ждет ее за пределами пансиона.

– Ваша дочь?

– Не совсем...

– Если вы не возражаете, присоединитесь к нам, – галантно приглашает нас молодой гангстер, и мы подсаживаемся к воссоединившемуся семейству.

– Вы правы, – говорит старик в шинели, – я действительно перешел границу РСФСР.

Я удивляюсь:

– Это где? Разве сейчас это возможно?

– Нет, не здесь. Я перешел границу с Белоруссией. Там в лесной полосе можно перейти.

– Интересно! И?..

– Хотите спросить, что там? Вы уже двадцатый человек, который начинает знакомство с одного и того же вопроса... Там очень скверно. О репрессиях вы слышали?

– Да, у нас много пишут об этом.

– Репрессии сейчас вовсе не такие, как были раньше. Раньше хотя бы было понятно – кого и за что.

– Да, белогвардеец знал, что его точно расстреляют, – иронизирую я.

– Вы, молодой человек, не правы. В спецзах у большевиков работает очень много бывших. Например, многие министры Временного правительства до сих пор живы и даже при чинах. Ливеровский, например, который был министром путей сообщения. Сейчас он преподает в Ленинграде...

– В Ленин-граде?..

– В Петербурге, или Петрограде – как вам угодно. Он был переименован.

– Ах да, пардон, забыл!

– Я – специалист в маркшейдерском деле. Долго работал на Урале, а при большевиках – в Кузбассе. Они там разрабатывают уголь. Там огромные запасы. Весь Донбасс по сравнению с Кузбассом – это в Сибири – просто детские игры. Год назад, когда репрессии докатились до народного комиссариата тяжелой промышленности, сняли Межлаука. Сейчас он уже арестован. А меня перевели из Кемерово в Москву. Я слишком быстро сделал карьеру. Три месяца – и замнаркома... это товарищ министра, по-старому. В апреле я понял, что меня арестуют.

– Как? Из чего?

– Меня собрались перевести на какую-то малозначительную должность. В Советской России всегда так делают, прежде чем арестовать. Вот Ягodu вдруг ни с того ни с сего сделали наркомом связи – это куда менее значительная должность по сравнению с наркомвнуделом, а Марьясина просто отправили на пенсию. Мне рассказывали, что Сталин обнял Марьясина со словами: «Ты же не оппозиционер. Ты наш красный банкир. Чего тебе бояться?» Через неделю Марьясин арестован... Ни один советский чиновник сейчас не уверен в завтрашнем дне. Все ждут ареста, но это не мешает проклинать на собраниях тех, кого уже арестовали. Два года... да нет, с декабря тридцать четвертого, когда Кирова убили, не прекращаются аресты...

– Да, я где-то читал, что за прошлый год в Совдеп... в Советской России арестовано шестьсот тысяч человек.

– Шестьсот тысяч! – восклицает Лидка, из нее вышел весь хмель.

– Я думаю, ситуация еще хуже, – говорит беглец. – Арестовывают не контрреволюционеров-подпольщиков и не кулаков, а руководящий состав. Почти все наркомы, кто был наркомом в тридцать четвертом, уже арестованы. И расстреливают. Очень много. Я думаю, половину из тех, кого арестовали в прошлом году, уже расстреляли.

– Триста тысяч?! – Лидка трогает нос указательным пальцем.

– Да, пани, не меньше.

Я поражен:

– Но это же невозможно! Страна не может существовать в таком режиме. У нас во всех пенитенциарных учреждениях на Украине находится от силы восемьдесят тысяч заключенных, а расстреляно... человек пятьдесят за год.

– Вот и мы ничего не можем понять. Непонятно, кто с кем и против кого борется. Сажают троцкистов, эсеров, меньшевиков, гетманцев, анархистов, монархистов, шпионов...

– Постойте, шпионы и гетманцы – среди советских чиновников?!

– Это-то и странно, молодой человек! Но если бы вас били три часа подряд ежедневно и не давали спать, вы бы сознались, что вы – японский или украинский шпион.

Надо заметить, что карательные органы как-то обходили меня стороной, даже ЧК в начале восемнадцатого года меня проворонила.

Старик закусывает свои слова холодной телятиной и продолжает:

– Меня держали в немецком фильтрационном лагере в Орше. Но очень быстро нашелся мой сын, – он кивает в сторону молодого гангстера. – А в Никополь мы по делам. У меня там до революции были акции на чугунолитейном заводе.

Молодой гангстер, который уже давно не говорил ни слова, вдруг встрепенулся:

– Папа, нам пора.

И они засобирались, но старик успел спросить меня:

– А вы, молодой человек, не из Державной Варты?

– Нет, вы насчет меня можете быть совершенно спокойны.

– Вот как... Вы не ошиблись насчет меня, зато я ошибся насчет вас. Всего наилучшего!

И он уходит, запахнув шинель, будто его старые кости уже не греет кровь, даже в жару.

Мы пересаживаемся на свои места (официант любезно не убрал наше вино) и снова поднимаем бокалы с токайским.

– Вот, Лидка, какая страна там...

Через пять минут за окном уже мелькают виды Никополя.
La vie est belle!

* * *

На перроне продают украинские патриотические веночки. Лидка украшает свою голову веночком и тянет меня посмотреть что-то по киоскам. В Никополе почему-то все говорят по-украински. В 1917 году на территории современной Украинской Дер-

жавы жило 4,3 миллиона русских. К ним в 1918–1920 годах (пока большевики не закрыли окончательно границу) добавилось еще 2 миллиона русских беженцев (не меньше) – от революции, голода, тифа. Но сейчас русских где-то 4-5 миллионов. Значит, почти два миллиона ассимилировались, превратились в украинцев. Шахтеры Юзовки? Докеры Одессы? Крестьяне севера Черниговщины?

Как сейчас помню, сидит напротив меня полковник бывшей царской армии (он вроде даже пенсион получает от правительства) с красивым выбритым черепом (не всем же такие прически идут; краниология...) и цедит слова:

– Ты думаешь, мы – русские – здесь, на Украине, случайный элемент? Ключевой! Мы (вместе с немцами) создали это государство, когда пала та Россия. И оно существует только благодаря нам. Мы – в армии, мы – в правительстве, мы – в Протофисе. Можно всю жизнь здесь прожить, ни слова не говоря по-украински. А что они, украинцы? Они дали двух своих «гениев» – Махно и Григорьева. Сколько мы за ними гонялись! Махновщина и григорьевские погромы – вот Украина без русских...

И все-таки он не прав. Он не смотрит далее смотра гетманской гвардии (каламбур!) На Украине – вот сейчас, на наших глазах, – появляется прочный гражданский класс. Тот, которого так не хватило России в 1917 году. Он не холопский и не панский. Он – прочный средний класс мелких хозяев и грамотных избирателей. Несмотря на кризис и разорение каждого третьего хозяйства в деревне. Странно, но в Германии также позиции социал-демократов и независимцев пошатнулись после 1929 года. К власти снова пришли консерваторы. Теория о том, что экономические трудности питают революцию, не подтвердилась. Революционеры, кажется, уже надоели. Терпеливый, аккуратный, работающий украинский крестьянин. Человеку, приехавшему из коренной России в украинское село, кажется, что здесь все – кулаки. Я вспоминаю, как накануне войны приехал – первый раз в жизни – к деду в полтавское поместье. Его сосед, хозяйственный однодворец (на Украине немало помещиков-однодворцев), спрашивает меня поутру, когда я собрался с его сыном – моим ровесником – в садочек полазить по деревьям и нарвать черешен:

– Как, понравилось у нас? Молоко пил? Коровье? А козье?

– А цапово? – это уже спрашивает саркастически его сын – мой тезка, и родились мы с ним в один день.

Все:

– Га-га-га!!!

Русские эмигранты хмыкают: енто у них климат пожарче и почвы – один чернозем, а у нас в Вологодской раз в три года недород случался.

В 1920-х на Украине было экономическое процветание: быстрый промышленный рост, расцвет сельского хозяйства. Немецкие промышленники вдруг обнаружили, что вести дела на Украине, в Румынии, в Литве выгоднее – ведь зарплата рабочих меньше. Пошел экспорт капитала. Конечно, тут же явились немецкие патриоты, какие-то артаманы и национальные социалисты, которые возопили: германские деньги – в германскую экономику! Кто их слушал? Само собой – германская колонизация: Буковина, Железные Ворота, Добруджа, Таврический округ, Прибалтика. В 1929 году процветанию пришел конец, но сейчас мы, кажется, выкарабкались. Есть и такая точка зрения, что процветание Украины в 1920-х – следствие прививки русских эмигрантов. Две трети их здесь, хотя есть русская Рига, русский Баку, русский Выборг, русский Берлин, русский Париж, где отаборились денкинские «преторианцы» на службе у правительства Франции.

* * *

Мы опять в купе, смотрим в потолок и едем. Перебирая вещи в рундуке под своим диваном, я обнаружил листок с торопливыми записями по-русски:

«Лозунг единства с боротьбистами снимаем. Новый лозунг: гетманская диктатура помещиков и крупной буржуазии готовит интервенцию в Советскую Россию! На фоне ожесточения классовой борьбы по мере приближения к коммунизму, германский империализм и его наймиты – украинские паны и русские белогвардейцы, окопавшиеся на Украине, готовят новый поход на Москву...» – остаток текста оторван.

Знакомый любому социологу метод контент-анализа сего источника неопровержимо свидетельствует о том, что на моем диване в прошлый рейс размещался какой-то профессиональный революционер из укапистов.

Встреча с беженцем из Совдепии разогнала течение моих мыслей. Я – будто кабинет с четырьмя спорщиками.

Первый:

– Русская революция – это было обрушение не только петровской России, но и всей культуры, цивилизации, наработанной за двести с лишним лет. Дворянин, несмотря на все его привилегии, отнюдь не всегда был помещиком. Из двух миллионов дворян к 1917 году едва ли сто пятьдесят тысяч были крупными землевладельцами. А остальные? Кем был дворянин в России? Офицером, инженером, учителем, врачом, ученым. Средний класс – прошу любить и жаловать. Большевики повели борьбу не против классов, а против сословий. В итоге Россия потеряла слишком много. Невосполнимо много.

Второй (в чьем скептическом хмыканье я узнаю Питирима Александровича):

– Но они создали больше того, что сломали. Всеобщее бесплатное образование, движение огромных масс к образованию, культуре, карьере. Ведь никого не удивляет советский академик – сын неграмотного крестьянина?

Первый:

– Да, но... на наших глазах революция пожирает свои произведения. Если уничтожается советская элита, то возникает вопрос: а стоило ли ее растить? И кто придет ей на смену?

Третий:

– Революции – двигатели прогресса. Они неизбежны. И русская революция – не исключение. Я не знаю, что вообще надо сделать, чтобы предотвратить 1905-й и 1917-й. Где пролегла та развилка, после которой они равно стали необратимы? Думаю, отсчитывать нужно от декабристов, не позже.

Четвертый:

– Однако, если февраль был неизбежен, то одинаково ли неизбежен октябрь семнадцатого? Сами большевики в своих книжках называют их разными революциями...

Первый:

– Но это – лишь желание «отмыться» от «эсеровско-меньшевистской» политики.

Второй:

– Революция семнадцатого года в России – это единый процесс, совершенно объективный и последовательный. Накануне революции во власти не было ни одного здравомыслящего и властного. Дряхлый Горемыкин, некомпетентный Штурмер, сумасшедший Протопопов и ненормальная Вырубова – это целая галерея бесталанных правителей и циничных карликов, это результат полного вырождения элиты. Точно также и беспрерывно сменяющие друг друга временные правительства не сумели управлять революцией...

Первый:

– Но ведь, хотя Наполеон и сумел выгодно заменить собой весь Конвент и Директорию в придачу, закончил он свои дни на далеком острове, а Франция была разгромлена в пух и прах.

Третий:

– Если речь о Сталине, то в Наполеоны он не годится (не только Тухачевский). Да, он умрет в своей постели под славословия холуев, но лучше б он умер в ссылке или погиб в бою. Потому что этот человек окончательно ставит крест на стране. После него что будет? Обязательно появится какой-нибудь подленький холлоп, который осудит культ вождя, выставит напоказ сталинскую

недалекость, неумелость, припудрит рассказами о личной жизни вождя. Но «освобожденный» таким образом народ долго не выдержит свободы и вскорости снова найдет себе хозяина – как холоп может быть без хозяина? – только еще более примитивного и бесталанного.

Первый:

– Значит, прав я насчет катастрофического влияния русской революции на будущее народа. Лишенный своей аристократии, он обречен на еще большую деградацию – неважно под какими лозунгами: отнять и поделить или же по-аввакумовски отгородиться от всего мира. Да, мы – дворяне – несправедливы к мужику. Мы портим крестьянских девок и платим скудное жалование поденщику. Но без нас просто ничего не будет. Мы – те пять процентов, без которых цивилизация невозможна, и именно поэтому муза истории тысячелетиями терпит нас с нашей несправедливостью, а все народные бунты заканчивались плачевно.

Второй:

– Но не стоит заворачиваться в тогу незаслуженного достоинства. Все сложнее...

Где-то там – то ли на Волге, то ли за Уралом, то ли в киргизских степях, на заснеженном полустанке качается на ветру фонарь, а «ветер, ветер – на всем белом свете», как сочинил Блок. И рев заводских гудков, ружейные залпы, крик миллионотки, аплодисменты, дым пожаров – мне и Руссоло не подходит, у нас сильнее звучит. Почему это случилось именно на нашей жизни, почему война, революция, мировой пожар не произошел раньше – лет на пятьдесят, в наивном викторианском веке, в эпоху тихоходных пароходов лорда Пальмерстона, о которой разве что Жюль Верн писал? А может быть, все действительно неизбежно, и должно было случиться именно у нас – на пересечении синусоид.

Я – как пришелец с другой планеты – здесь, на Украине, где все тихо и спокойно, как закат солнца в днепровских плавнях (будем проезжать мимо). Кто-то из остряков сказал уже давно, что гетман Скоропадский должен украсить свой герб изображением доброго куска сала с хлебом. Да и поговоркой моей полтавской бабушки: «Дурне сало без хлиба!»

– Так и сказала? – переспрашивает Лидка.

– Ты у меня просто гений, – полушутя-полусерьезно говорю я.

– И я буду думать, что соприкоснулась с гением в лучшую пору его жизни.

В купе очень жарко, Лидка страдает справа от меня на своем диване и делает вид, что читает. Я достаю из чемоданчика свою книгу – роман британского писателя Грейвса «Я, Клавдий».

Но Лидка отрывает меня от чтения:

- Я тебе говорила, что мой папа погиб, когда мне было двадцать лет?
- Да, но как-то кратко...
- Знаешь, мне иногда кажется, что я ищу в тебе родителя.
- А мне кажется, здесь больше обыкновенной девчачьей смелости – помнишь, как мы познакомились?
- Да...

Познакомились мы весьма романтично: в апреле я зашел в ресторанчик на поставленной на прикол барже близ Труханова острова. Нет, Лидка не вынырнула русалкой из пучины вод Днестра и не увлекла меня в свое подводное царство – не сезон был. Я сидел в ресторанчике и листал наконец-то приобретенную «Философию неравенства» Бердяева, а Лидка на моем горизонте тем временем разругалась со своими двумя подружницами, схватила висевшее на ветке дикой яблони с прошлого года яблоко, надо сказать, порядком подгнившее, и с силой запустила в обидчиц. Яблоко прилетело ко мне и плюхнулось прямо перед моим носом (какая-то в этой истории библейская символика; если бы я сочинял это, я бы сочинил не так, а по-другому; и если бы мир был без христианства, как мечтает Вячеслав Иванов, то и символика...) Подружницы разбежались. Потерявшая самоуверенность Лидка (голубой плащик, коса до попы – взяла и отрезала на свой день рождения; я оплакал в стихах, ей понравилось) приблизилась к барже: «Извини... те...» Мы глядели друг на друга. Долго. «Почему ты так на меня смотришь?» – спросила Лидка, хотя уже знала ответ.

В купе еще жарче. Мы вместе мечтаем о большом вентиляторе. Вот надо будет написать главу в книгу жалоб и предложений Лозово-Севастопольской железной дороги – или по какой мы едем? Почему в купе нет вентиляторов? Почему пассажирам самолетов не выдают парашюты? Почему один из крупнейших ученых-социологов Украины, переживший три революции и гражданскую войну, бежавший из Совдепии, овеянный всеми ветрами мировой истории, так смотрит на маленькую хорошенькую девочку в голубом плащике?

* * *

Такими осовевшими от жары мы в полшестого вечера приехали в Александровск, он же Запорожье на всех украинских картах. Странное переименование. Все остальные города с «имперскими названиями», как говорят деятели украинского движения: Екатеринослав, Елизаветполь, Константиноград – и по сей день так называются, а Александровск переименован. Хотя, строго говоря, Запорожьем можно назвать и Никополь, и Марганец, и даже

Каховку. Сечь постоянно мигрировала по Нижнему Днепру. То же самое с административным делением Украинской Державы: по сей день сохраняются восемь дореволюционных губерний, два округа – Полесский и Таврический и Крымская Автономия. Еще в 1918 году деятели Центральной Рады предлагали поделить территорию на 31 округ, потом – в 1925-м – был проект деления Украины на 50 округов, не считая Крыма, но по-прежнему Переяславский уезд входит в состав Полтавской губернии. Говорят, гетман не хочет раздражать русских.

Лидка накинула платье, и мы вышли в марево запорожского перрона. И тут... Нет, если бы я сочинял нас, как в кино или как в романе, Лидка должна была бы что-то громко рассказывать (например, как она прошлым летом была у бабушки в Подольской губернии, и как в самую торжественную минуту, когда дед в честь их приезда священнодействовал над целым зажаренным в вине бараном, в зал – на Украине даже в двухкомнатной квартирке большая комната носит громкое название «зал» – вбежала маленькая кузина Лидки и с жутким винническим акцентом нажаловалась на соседского мальчика: «Он выдрав в мэнэ зайчика, що я аж впала!»), и тут – на полуслове она должна была замереть, а я оглянуться на нее... Нет, все случилось прозаичнее: Лидка моментально заскочила назад в вагон.

– Что?..

– Там экскурсия!

– Какая?

– Моя.

– А-а... – до меня наконец-то дошло.

– Они там – поезд на соседней платформе. Нет, я уж посижу в духоте. И закрой меня.

Я поцеловал ее и замкнул дверь купе. На перроне действительно слоняются два десятка гимназисток под присмотром классной дамы с той самой фотографии. Я думаю, что шататься среди них нет никакого резону, а поэтому прохожу через тамбур их вагона и иду к зданию вокзала.

Там – в почтово-телеграфном отделении, до востребования – меня ждет телеграмма от Питирима Александровича: «Все отлично ваша книга печати гонорар» и гонорар – 618 гривен. Это очень хорошо: не люблю себе в чем-либо отказывать на отдыхе.

Напротив вокзала – лавка всякой всячины (как у Гоголя, «молодуха продавала ленты, колеса и ружейную дробь»). Полистал новый атлас мира, приценился к фарфоровым статуэткам на мотив «Конотопской ведьмы» и тут... увидел маленький вентилятор. Незаменимая вещь в дороге! Приобрел (7 гривен 86 копеек). Вернулся на перрон. Гимназистки уже исчезли. Я направился в

в свой вагон. Изнывающая от жары Лидка очень обрадовалась вентилятору. Мы нашли розетку под столом, и скоро вся атмосфера купе пришла в движение.

На выезде из города видим за железнодорожным шлагбаумом, на шоссе, множество людей. Они держат за руль старенькие велосипеды. Это рабочие, возвращающиеся с вечерней смены. На Украине снова восьмичасовой рабочий день.

* * *

Около семи вечера поезд неожиданно затормозил. Мы выглядываем в окно. Чисто поле. Направо, где садится солнце, поле пшеницы, налево – подсолнухи в подростковом возрасте. Проходит по вагону проводник.

– Что там? – спрашиваю я.

Отвечает:

– Не знаю еще...

– Почему стоим?

– Сейчас...

Слева, там, где надвигается вечер, появилось множество людей, и одна крупная полнобедрая девушка пробежала мимо нас, поднимая пыль босыми ногами.

– Там такая стрельба!

– Махновцы или григорьевцы?

– Черт его знает...

Теперь и мы слышим далекие ружейные залпы, прерываемые непродолжительными пулеметными очередями. Любой современник гражданской войны хорошо разбирается в ее музыкальных инструментах. Но Лидка – не современница, а поэтому готова целиком вылезти в окно. Но толку от этого никакого. Впереди виден изгиб состава (наш вагон – третий с конца, за ним – ресторан), но ни дыма, ни огня.

По вагону идут двое. Из Державной Варты. Открывают (довольно бесцеремонно) двери:

– Просьба сохранять спокойствие... Не выходить из вагона... Оставайтесь на местах... Не выходить из вагонов...

Стрельба стихла, но поезд продолжает стоять в тишине – вагоны при движении всегда звучат, поэтому тишина кажется тупой, мучительно тупой. Проходит час. Мы с Лидкой опять играем в карты. Вечер слева уже набирает синеву, он готовится стать космически-черным, превратившись в ночь. К вагонам подходит мальчишка и продает «баранци» – воздушную кукурузу. Я кидаю ему гривну и спрашиваю:

– Что там?

– Стрельба.

– Кто? С кем?

– Повстанцы.

Нет, все-таки революции – двигатели прогресса. И Совдепия мне не нравится не своей революционностью, а революционностью «не в ту степь». Мы не сумели направить творческий порыв русской революции в нужное русло. На Украине тоже была революция, и – как видим – она удалась лучше. Вот уже двадцать лет существует гетманщина, но нет-нет да и вспыхивают короткие восстания, воспламеняется революционная масса, идеи бурлят в обществе, и по-прежнему четырнадцать миллионов горожан, как Хома Брут, оградили себя меловым кругом от двадцативосьмимиллионного селянского моря-океана. Предсказать восстание практически невозможно, хотя мой коллега говорил, что ему удалось по опросам определять «рост революционных настроений». Вчерашние обычные селяне, которые покорно сносят кризис и живут лишь надеждой продать на базаре побольше тыкв и арбузов, приветливые и аккуратные, вдруг превращаются в летучие отряды (и где только оружие берется?) под черными, красными, лазоревыми знаменами. Вспышка и много шума. Но уже на следующий день вы опять встретите приветливых селян, которые котенка не обидят. Марксисты скажут, что это классовая борьба, немцы – что недисциплинированность, у меня была гипотеза коренного порядка: украинские грабизки – естественная и необходимая часть национального менталитета, вроде карнавалов в средние века. Идеология повстанцев варьирует от коммуно-анархизма до «освободительного движения», но они ничуть не управляемы, и заезжие комиссары из Москвы потерпели позорное поражение, когда захотели управлять этим движением. Махно и Григорьев уже давно лежат в земле сырой, но дело их живет.

Споемте же песню под громы ударов,
Под взрывы и пули, под пламя пожаров,
Под знаменем черным гигантской борьбы,
Под звуки набата призывной трубы!
Разрушимте, братья, дворцы и кумиры,
Сбивайте оковы, срывая порфиры;
Довольно покорной и рабской любви –
Мы горе народа затопим в крови!

Солдатский бунт. Солдатская революция во Франции. Она произошла как ответ на драконовский приказ: завалить трупами все пространство между Суассоном и Камбре. Мясорубка Нивеля. Моя средняя сестра погибла там (оказавшись во Франции перед войной, она затем присоединилась в качестве сестры милосердия к русскому корпусу). Когда сотни тысяч солдат, за-

хватив автомобили, хлынули в Париж и разграбили город, война была проиграна. На севере – между Ньюпортом и Амьеном – еще бились англичане, но для Франции война была уже проиграна. На юге итальянцы форсировали наконец Альпы и заняли Ниццу. В июне французский кабинет запросил у германского правительства перемирия (германские войска заняли Мондилье, Шато-Тьерри, Компьен и стояли в десятке километров от Парижа, никем уже не сдерживаемые). Однако гордый Альбион продолжал войну. На востоке – Россия, на западе – Северо-Американские Штаты, еще дальше – Япония. Шансы победить есть – решили в Лондоне. Германские войска попытались сбросить англичан в Ла-Манш – эта битва затянулась до зимы и стоила Германии еще полмиллиона солдат. «Мы должны любой ценой удержать плацдарм», – заявил Ллойд Джордж.

Пока немцы шли в «последний и решительный бой», в России начался большевистский «последний и решительный бой». С потерей Франции, а затем – России Антанта лишалась сухопутных союзников. США, Англия и Япония могли еще десять лет воевать на периферии Евразии, но... Весь восемнадцатый год шли мучительные переговоры. Англичане хотели как можно меньше отдать и как можно больше получить. Франция, раздираемая левыми партиями, была списана и забыта. Ее колонии Берлин и Лондон делили как свое наследство. Американские солдаты, прибывшие в Англию, уже задавались вопросом: а зачем мы здесь? Благодушные инициативы Вильсона никого не интересовали. Кое-где – в Палестине, Месопотамии и в Баку еще шли вялые бои, но уже никто не хотел умирать зря. Ллойд Джордж предложил Германии признать Брестский мир с Россией в обмен на Бельгию и все германские колонии. Кюльман отказался. Потом возник мираж совместного управления французскими колониями. В Алжире вспыхнул «мятеж фронтовиков» – крайне правых, почти монархистов. Итальянцы ввели войска в Тунис.

Максимум на что соглашалась Германия – оставить Японии все ее захваты. Император Аннама объявил независимость. За ним – короли Лаоса и Камбоджи. 18 сентября в Гааге подписали мир: Германия получила небольшой клочок французской земли – даже Верден остался его героям, но заодно – всю Валлонию восточнее Мааса, Люксембург и крепости на берегу Дуврского пролива. Бельгия претворилась во Фландрию, а вся Франция до Сены была демилитаризована. Италия получила Корсику, Ниццу, Савойю и Тунис. Сербию разделили Дунайская монархия и Болгария. Антанта признала Брестский мир и вернула Германии и Италии часть колоний – Танганьiku и еще что-то. Греция осталась в орбите британского влияния.

Мир подписали, как и обещали четыре года назад, действительно, до осеннего листопада. Эпидемия гриппа скосила едва ли меньше человек, чем война. Если еще летом Учредилка и Деникин надеялись на победу Антанты, то осенью их охватило отчаяние. Но началась новая война – за российское наследство. Германия заняла все территории, которые пожелала. Свержение большевиков было не в ее интересах – на их месте мигмом появлялась держава, союзная Антанте. Даже передача половины Донбасса Совдепии в 1920 году – из тех же соображений: подкормить. Могло ли быть иначе? Все историки сходятся на том, что в Брест-Литовске Троцкий откровенно сваял дурака. Он надеялся на революцию в Германии. Ее не случилось. Если бы он согласился в январе на умеренные германские требования, здесь сейчас были бы большевики. Или Брестский мир подписывает Керенский? Набоков в сентябре семнадцатого откровенно предлагал ему это сделать. Верность союзникам, прочие побрякушки чести...

* * *

Мы ужинаем. На сей раз мы не пошли в вагон-ресторан, а заехали все в купе. Вентилятор сухо обвеивает нас потоком молекул азота и кислорода. На столике – щучья икра с тонкими блинами по-домашнему, кровянка с луком, салат из огурцов, помидоров и лука с подсолнечным маслом, ромашковый чай с мятой. Все на огромном блюде, с которого мы берем еду по-средневековому, как Тристан и Изольда, – руками. Счет в кожаном портмоне – 16 гривен 78 копеек. Когда-то давно – в юношеские годы – я опозорился: принял портмоне со счетом за подарок ресторана. Ха-ха! Приглушенный свет создает романтическую обстановку. Извне, из-за пределов купе, как в митраистских мистериях, доносится стук колес поезда. «Тыдых-тыдых, тыдых-тыдых, тыдых-тыдых, тыдых-тыдых...»

– ...литературные критики уж как ни изгалялись над Сириным. То у него в «Кате» brutальный русский эмигрант овладевает наивной Украиной, то это малолетняя Украина соблазняет закомплексованного русского эмигранта. А есть точка зрения, что это просто-напросто собачья тоска по России. Хотя чего ему, Сирину? Окончил Оксфорд, живет в Германии, временами наезжает сюда, читает русскую литературу в Харьковском университете, до сих пор по-украински ни слова не сказал...

– Замечательно!.. Лучше расскажи мне о русской философии. Чем она отличается от украинской?

– В общем, наверное, тем, что русский будет бороться за чистоту, а украинец – просто возьмет веник и подметет. Это получится неброско, скромно, как небольшой ухоженный садик

сравнительно с огромным полуразрушенным чертогом Снежной Королевы...

– Наш препод по литературе говорил, что все дело в том, что у «москалей» климат более суровый...

– Отчасти... Или вот, к примеру, русский философ Ильин, что живет в эмиграции в Швейцарии и написал «О сопротивлении злу силой». Там он спорит с Толстым, что зло – это когда негодяй оскорбляет и развращает честного ребенка. А поэтому со злом надо бороться. Лев Толстой неуклюж со своим буддийским непротивлением, но хотя бы этичен. А Ильин... Дальше у него обязательно получится, что все, что не есть православно-самодержавная монархия, например, демонстрация в Петербурге в январе пятого года – это растление честного ребенка. Констатация того, что политика – грязное дело, у него приводит к выводу, что весь мир – это или сортир, пардон, не за столом, или храм. Никаких промежуточных стадий или зон между ними. Поэтому переход от первого ко второму и наоборот происходит почти незаметно. Так и сидит Ильин в осажденном силами зла нужнике... то есть в храме. А теперь сравни это с пантеизмом Григория Сковороды...

– С пантеизмом?..

– Пантеизм – это представление о том, что весь мир равноценен и самоценен. Самая вежливая форма отношения атеизма к религии.

– Наш препод по литературе ругал Сковороду за то, что тот не пользовался украинским языком.

– Сковорода был слишком барочным писателем.

«Как вам не стыдно рассказывать этому почти ребенку такие гадости о русской философии?» – это подает голос Бердяев, расположившийся где-то на заднем плане нашего пиршества.

«Во-первых, она – не «почти ребенок». Лидка – интеллектуалка и даже написала стихотворение о Пьеро».

«А по сути? Что вы можете противопоставить русской идее?»

«Материализм. Я материалист до мозга костей, поскольку любой идее предпочитаю хорошо сделанное дело».

«Теория малых дел?» – это уже иронизирует Чехов оттуда же.

«Да. Украина – страна малых дел. Малоделия. Но это окупается. А вы – представители предыдущего поколения, мне в отцы годящиеся, чем можете оправдаться за несделанную русскую революцию?»

«Ну, знаете, молодой человек!..»

«Спасибо за комплимент моей молодости, но моя встреча давеча (словечко, патологически любимое Достоевским) с беженцем из Совдепии окончательно убедила меня в том, что ваше

поколение считает, что все идет правильно. Угробили одну страну, теперь вам другую Россию подавай?»

Оба промолчали и исчезли. И тогда я слышу самого себя, беседующего с Лидкой:

– Украинская литература имеет свои вихри и бури, но это очень вкусная литература и трезвая. Феофан Прокопович не мог постичь русскую идею – протопоп Аввакум остался ему элементарно непонятен, иррационален. Котляревский заложил в украинскую литературу ее главное звено – юмор. С тех пор любой украинский писатель оценивается по градусу раствора добродушного юмора, хотя мне кажется, что это просто был антитезис русской литературе – одной из самых невеселых и безрадостных. Но подозреваю, что, останься Украина в составе Польши, мало что изменилось бы.

– А Леся Украинка?

– Исключение, лишь подтверждающее правило! И украинский читатель под стать писателю. В какой еще литературе читатели сложат: «Піду, візьму кирпичину та вб'ю Павла Тичину!»?

– Хм... Где-то слыхала или даже читала. Хорошо, а как это влияет на русских писателей здесь?

– Бунин погряз в воспоминаниях. Катаев страшно разругался с Буниным. Булгаков?.. Мне всегда было странно думать, что сатанисты носят пиджаки, манжеты и галстук-бабочку...

– Тебе не нравится Булгаков?!

– Всякая попытка ввести сверхъестественное в мир естественный будет: а) кошунственна; б) анекдотична. А ведь он всерьез пишет. Он – не юморист.

– С тобой интересно.

– С тобой – тоже.

Не помню уже, у кого (у кого?) прочел я о «парижестве» Киева. Есть Западная Европа, и есть Восточная Европа, в которой зеркально отражается Западная. Поэтому наш Париж – это Киев, наш деловой Лондон – это Варшава (столица небольшого Польского Королевства с заоблачными амбициями), а восточноевропейский Берлин – это Прага. Тогда я спросил (вспомнил! это было в Одессе, где я проводил опрос на тему международных связей): а Одесса? Мне ответили картинно: наш Неаполь! В киевском Париже, чи то в парижском Киеве я снимаю почти романтическую мансарду на верхотуре классического здания напротив Оперы, где застрелили Столыпина (это «застрелили Столыпина» уже приклеилось к украинской истории, как «Екатерина ездила в Крым» – золотой гвоздь украинской истории и литературы).

* * *

С опозданием на полчаса (оказывается, это севернее Мелитополя повстанческий отряд неясной платформы атаковал идущий перед нами товарняк, охрана отстреливалась, а один охранник сумел на велосипеде доехать до подмоги) – за полночь прибыли в Новоалексеевку. Яркие фонари соперничают с луной – один я реально принял за луну (идеально круглый, и висел в той же части неба). На перроне татарские мальчики продают черешни; мы – через открытое сверху окно купе – совершаем обмен на целых три гривны. Лидка украшает свои уши крупными мясистыми ягодами и высовывается из окна. Мальчишки аплодируют. Поезд после двухминутной стоянки дергает, и мы навсегда уезжаем от них – к теплому морю, где Лидка будет читать под кипарисом Ремарка, отгоняя бирюзовым ногтем прилипчивую муху. А я буду просто любоваться ею и думать, что к 1950 году у нее уже будут дети, и сыном старшего из них будет мой внук, который родится в 1974 году и станет археологом. *Neureux ensemble.*

Войны, революции, кризисы, перевороты – все это исчезает, когда Лидкины загорелые ноги становятся наиреальнейшей реальностью. Итальянский король объявил войну Франции за савойское наследство, пьяная солдатня разграбила Париж, в цирке выбрали гетмана (интересно, когда он умрет, новый гетман где будет избран? оперу уже занял своим трупом Столыпин; остается разве что зверинец) – и все это для того, чтобы Лидкины загорелые ноги стали наиреальнейшей реальностью.

Я не могу, не могу. Я должен найти квадратуру круга. Все цифры, даты, имена – оно не укладывается: или – или. Никто не может быть окончательно доволен. То, что соединяет, разделяет. Ничего не могло случиться иначе – все детерминировано, но это не утешает. Я ищу форму: столько-то депутатов, столько-то квадратных километров – костыли моего сознания. Наши желания не надеются на реальность. Но май остается маем, мы можем вообще ничего о нем не знать, значит, нечто существует вне нас и нашего знания о нем. Нельзя придумать другой вариант мировой истории...

Просыпаюсь. Смотрю на фосфоресцирующий циферблат часов – три часа ночи. Засыпаю. Мне снится один из самых странных снов: будто я в своем родном городе. Самара узнаваема, но какая-то... Современная советская? Или... Самара будущего? Кто-то (кто?) попросил меня купить хлеб, и я иду по зимнему морозцу, солнечным днем, к знакомой продуктовой лавке. Нет, продуктовая лавка оказалась мануфактурной (хотя в предбанник заскочили два поросенка, и люди выгоняют их, как надоедливых собак). А тем временем внутри меня – ужасная тоска, даже трудно понять из-за чего. Я вспоминаю 1917 год – «один из самых ярких лет

жизни!» А почему? Был влюблен в девушку-гимназистку на фоне революции, свободы, равенства, братства, весны и труда. Тоску усугубляет несущаяся из сковородообразного радио какая-то на редкость заунывная женская песня. Мне кажется, что я вижу ее – ту, в которую был влюблен, но она... если судить по ней, на дворе как минимум 1958 год. Или мне кажется? Так и не купив хлеба в мануфактурной лавке, выхожу.

Снова просыпаюсь (я вообще часто просыпаюсь в поездах). На часах – без десяти четыре. Лидка крепко спит, посапывая, справа от меня. Сон (а ведь сны – это будто сам с собой в шахматы играешь) удивителен тем, что мне вообще редко снится Россия. Украина – да, но Россия – в редчайших случаях. И эта атмосфера... оплакивания ушедшей юности на солнечном морозе. «Какая скучная и пошлая жизнь там», – сказал однажды Бунин, прочтя Зошенко, но ему тут же возразил один из читателей миликовских «Последних новостей»: «А разве чеховская Россия лучше, не пошлее?» И все-таки, почему, откуда эта тоска по 1917 году? Влюблялся я регулярно, и то был далеко не первый раз (к тому же неудачный). Революция? Я приехал в Петроград летом – поступать в университет. Я видел революцию своими глазами. Но она (и Самара заодно) никогда не снилась мне: разве что однажды, когда я из окна своего дома, выходящего на пустырь, увидел едущий мимо огромный трехэтажный броневик. Мечты призрачны, как гласит немецкая пословица.

Лидке не снится ничего, но она улыбается во сне.

Мне спать больше не хочется. Мир за окном вагона выглядит совершенно фантастически – как всегда он выглядит в ту короткую предрассветную пору, когда уже рассвело, но солнце еще не показалось. Можно понять состояние уэллсовского путешественника во времени, которого испугал в будущем именно этот час.

Стук проводника в дверь. Скоро Симферополь, хоть и с полчасовым опозданием (все из-за нападения повстанцев под Мелитополем). Лидка после умывальника долго-предолго причешивается перед зеркалом. Собираем разметанные по купе вещи. Лидка зевает, как котенок, и что-то спрашивает. Я что-то отвечаю. Однако за окном уже мелькают пригороды Симферополя. Поезд тормозит. Останавливается. Все. Приехали. Конец.

Роман Арилин КВАНТОВЫЙ КЛЮЧ

Сергей схватился за перила, чтобы не загреметь на обледенелых ступеньках подземного перехода. В голове заметно кружилась от выпитого, а в глазах все расплывалось. Это даже не перебрал, а просто напился... Он ушел бы раньше, но на празднование принесло начальника управления, и нужно было оставаться. Голос нашептывал, что так надо, полезно для карьеры. Пришлось поднимать бесконечные тосты за дружбу, понимание, дружеское плечо и прочую ерунду, шутить и давиться теплой водкой.

Откуда-то сбоку, из тени, появился человек, и Сергей почувствовал, как цепкая рука схватила за куртку.

– Братишка, закурить есть че? Поделись, надо очень.

Сергей сфокусировался сначала на руке, даже не худой, а какой-то словно высушенной, одна кожа да сухожилия, а потом увидел лицо. Серое, почти землистого оттенка. И горящие глаза с бездонными зрачками. Вторую руку наркоман держал за пазухой, демонстрируя рукоятку ножа.

Вырваться, драться или бежать Сергей сейчас не мог, он и стоял-то с трудом. Как-то отчетливо представилось, что вот прямо сейчас и здесь, через несколько секунд, длинное холодное лезвие вонзится ему в печень. И тут Голос зашептал, только не едва-едва, как раньше, а панически громко, не давая времени на обдумывание. И Сергей просто начал делать то, что подсказывал Голос, не задумываясь и стараясь подавить отвращение. Так надо, иначе смерть.

Он мягко положил руку на затылок наркомана, привлекая его к себе и целуя в засохшие губы. Второй рукой Сергей полез ему в брюки, но получил несильный удар в лицо, скорее даже толчок, и отлетел к стенке.

Наркоман пятился назад, вытирая рукой губы. Потом растерянно поглядел на Сергея и пробормотал:

– Ты чего? Чего ты? На хер иди... Вали отсюда, я сказал...

Сергей инстинктивно понял, что Голос попал в точку. Только так и можно было нарушить последовательность почти неотвратимых шагов до смерти. Непонятный квантовый механизм в его голове сработал, как и раньше. Мерзко, тошно, противно, но сработал, как и обещал профессор.

Когда Сергей, нервно оглядываясь, уже выходил из перехода, ему на секунду показалось, что он видит полупрозрачное лежащее тело.

На мгновение он словно ощутил холод камня и теплую кровь под собой. Но видение тут же исчезло. Голос молчал.

* * *

Ближих у Сашки оказалось совсем мало. Прибитые горем старенькие родители, вцепившиеся друг в друга, и две тетки, стоящие особняком с недовольными лицами.

Похороны оплачивала компания, не покупившись на дорогой гроб и прочие красивые атрибуты смерти. Только погоду не удалось купить, осенний холодный дождик превращал кладбищенскую землю в пластилин, цепляющийся к обуви.

Марина, секретарша Саши, пришла уже под хорошим градусом. Она сдавленно плакала, размазывая помаду и тушь по лицу. Вроде как у нее с Сашкой что-то было, то ли в прошлом, а может, и совсем недавно. Компания ведь небольшая, все на учете бдительных стражей нравственности. Сергей покосился на Марину, как бы истерику еще не устроила. Но все обошлось. Каждый бросил по горсти земли, глухо стукнувшей в крышку гроба, и кладбищенские землекопы быстро сложили аккуратный холмик.

Родственники отправились на поминки, а Сергей отказался. Он и Марина шли между мокрых могильных плит к стоянке.

– А ведь это ты виноват, что Сашка в аварии погиб, – зло сказала Марина. – Ты рядом с ним сидел.

– «Газель» вылетела на встречу, сама знаешь, – ответил Сергей, – и попала в его сторону.

– Ему ноги оторвало, – заводя себя, продолжала Марина, – а у тебя ни царапины! Конечно, теперь прямая дорога в начальники отдела! Конкурента ведь больше нет!

– Ерунды не пори, – оглядываясь по сторонам, с раздражением бросил Сергей. – У тебя истерика.

– Отойди от меня! – отскакивая в сторону, закричала Марина. – Убийца!

– Я никого не убивал, ясно тебе? Дура пьяная! – сорвался Сергей. – Несчастный случай! Это все «газель»!

«Ну и черт с ней, пусть бежит, – со злостью подумал он. – Дальше стоянки не уйдет. Проветрится – остынет».

Но неприятный осадок в душе остался. Эта истеричная Марина наверняка будет шушукаться о своих выдумках в курилке.

...Когда груженная бочками «газель» вылетела на их полосу, Сашка откровенно растерялся. Он вцепился в руль и просто смотрел на приближающийся капот машины. Сергея спас Голос. Он даже не кричал, предупреждая о смертельной опасности, а словно перехватил управление его рукой и дернул руль влево. Чуть-чуть, самую малость. Но этого хватило, чтобы удар «газели» пришелся только в сторону Сашки, а не пассажирского места, где сидел Сергей. Он не хотел, даже не успел подумать, Голос сам все сделал. Быстро, правильно и без лишних колебаний.

Сергей зашел в тупик, упершись в большую кучу облезлых венков. Стоянка была совсем недалеко, рукой подать, но узкие дорожки петляли между могил, уводя в сторону. И тут что-то изменилось, словно на миг выдернули твердь под ногами и тут же вернули назад. И дождик стал теплее, и шум капель другой. Оглянувшись, Сергей увидел перед собой новый холмик могилы, пахло свежей землей. Он хотел рассмотреть имя и размытое фото на простеньком кресте, но тут же проснулся Голос, нашептывая: ни в коем случае не смотреть на имя и дату. Просто идти дальше, не оглядываться и не смотреть. И тут все отпустило, словно и не было ничего.

Когда Сергей вышел на стоянку, рядом с его машиной стояла понурая Марина. Одумалась. Но Голос уже нашептывал, что от Марины надо избавиться. Как назначат руководителем отдела, сразу перевести в другой филиал.

* * *

Сон не отпускал, цепко держал в мутной глубине. Сергей вроде и понимал, что можно проснуться, но что-то приковывало его в размытом нуаре, что-то нужно было увидеть и понять.

Сергей оказался в больничной палате, почувствовав запах бинтов и прочей медицины. К руке тянулась бледная трубка капельницы, понемногу вводя спасительный дурман. Он словно лежал на кровати, ощущая приглушенную лекарством боль в спине, и в то же время понимал, что это не совсем он.

Но при этом Сергей мог читать мысли лежащего на кровати, его прошлое, словно смазанные картинки. Вот «он-не он» сидит в машине, и снова на встречную полосу вылетает чертова «газель». Только на этот раз удар пришелся по центру, и сидящий рядом Сашка не сильно разбился. А вот «ему-другому» серьезно досталось, он перестал чувствовать ноги, что-то с позвоночником. Потом сон понесся вскачь, и каждый раз – новое место и попадание в тело двойника. Больница, инвалидное кресло, черный могильный камень, тюремные стены и еще миллион разных мест, наполненных тоской и безнадешностью. Целые вселенные, которые заливало болью.

– ...проснись! Сережа!

Оля теребила его, с испугом заглядывая в лицо. Сердце отчаянно молотилось, Голос толкал в сторону аптечки на кухне, выпить что-нибудь и укутать мозг оглушающей пеленой.

Запивая водой спасительную таблетку, Сергей увидел на сгибе локтя маленькую красную точку. Едва заметную, как след от капельницы.

* * *

Офис клиники располагался в центре большого сада. Шум и суета московских улиц не проникали сквозь аккуратно подстриженные лабиринты кустов и кроны деревьев. В офисе Сергея встретила приветливая медсестра с миленькими ямочками на щеках. Пошутив что-то на тему майской погоды, он сел в ожидании приглашения на обследование. Сергей уже привык к этим ежемесячным проверкам, но все равно каждый раз немного волновался. Голос молчал, так что все в порядке.

В кабинете его ждал сам профессор Крылов, спаситель и создатель проекта. Подтянутый, с легкой сединой и внушающим доверием взглядом. Потом были тесты, взятие анализов, проверка на каком-то навороченном томографе и напоследок – беседа по душам.

– Как дела на работе? – бодро спросил Крылов, просматривая результаты тестов.

– Хорошо, даже слишком, – ответил Сергей. – Повысили, оклад увеличили, командировка за границу светит.

– А в личном плане? – что-то помечая на бумаге, поинтересовался Крылов. – Девушка есть?

– Красавица-москвичка, – кивнул Сергей. – К тому же спортсменка, обеспеченная. На осень планируем свадьбу.

– Поздравляю! – заулыбался профессор. – Тогда не понимаю, откуда такой мрачный настрой. Что-то не так? Все показатели в норме, отторжения тканей не видно, признаков воспаления нет. Квантовый ключ превосходно работает!

– А нельзя его того... выключить немного? – немного помявшись, спросил Сергей.

– Сережа, что случилось? – посерьезнел Крылов.

– Я уже не различаю, где принимает решение этот квантовый ключ, а где я сам, – объяснил Сергей. – Он теперь не спрашивает, а словно уже определяет все за меня.

– В принципе, такой алгоритм и задумывался, – пожал плечами Крылов. – Это и должно работать на уровне рефлексов, иначе в критических ситуациях не успеть.

– Я начал как бы видеть и чувствовать их, своих виртуальных двойников, – продолжал Сергей. – Это как волна накатывает, словно погружаюсь в их мир. Чем лучше у меня дела, тем хуже в их мирах. Мне повысили оклад, а у кого-то из них угоняют машину. Я избежал аварии, а там кто-то попал в реанимацию. Я иногда не понимаю, здесь я или там, с ними.

– Этого не может быть, – помотал головой профессор. – Двойники не существуют на самом деле. Они только условная математическая абстракция многомировой модели, цифры в

уравнении. Просто часть общей кривой вероятности, которая формирует нашу реальность.

– Но если их нет, почему я вижу себя в других? – спросил Сергей. – Может, что-то сломалось?

– Нечему там ломаться, – еще раз мотнул головой Крылов. – Система у тебя в мозгу видит возможные последствия и подталкивает к правильному выбору. И поэтому ты всегда выигрываешь. Но чтобы общее решение уравнения оставалось неизменным, твои виртуальные двойники, в другой виртуальной вселенной, всегда проигрывают. Квантовая запутанность в действии. Это словно открывать всегда нужную дверь в реальность.

– Но я же их чувствую, их боль и страдания, и чем дальше, тем больше! – воскликнул Сергей. – Выключите этот чертов ключ с его Голосом!

– Нельзя выключить, – вздохнул профессор. – Это уже часть твоего мозга. Более половины твоих синапсов модифицированы, вся нервная система изменена. Не мозги же тебе вырезать, в самом деле.

– Это неправильно, так нельзя было делать, – тихо сказал Сергей.

– Напомнить про онкологический центр, где ты выплевывал свои легкие? – жестко спросил Крылов.

– У меня не было выбора, – ответил Сергей, отводя взгляд.

– Почему не было? – удивился профессор. – Ты мог отказаться от участия в проекте и умереть с чистой совестью.

– Я тогда не знал, что так все будет, и просто хотел жить...

– И ты смог! – с жаром воскликнул Крылов. – У тебя был только один шанс из миллиона вылечиться, и квантовый ключ выбрал тебе эту возможность! Но при этом многие виртуальные двойники получили смерть.

– Я не смогу так дальше жить, за чужой счет...

– Сергей, давай успокоимся, – примирительно произнес Крылов. – Я думаю, у тебя стресс, мозг пытается адаптироваться к новой жизни. Назначим лекарства, отдохнешь, и все пройдет. И учти, самоубийство не получится, ключ не даст тебе это сделать.

– Я уже это понял, – пробормотал Сергей, потирая синюю полосу на шее.

* * *

Бесчисленное множество миров, и в каждом из них живет его копия. Сергей теперь находился одновременно во всех этих личностях, словно суфлер на заднем плане. Вначале от такого количества информации болела голова, но потом он привык, и ему нравилось быть везде. Теперь он мог влиять на каждую из

них, отщепляя у кого надо немного счастья и компенсируя неудачи других. Подтолкнуть к покупке не такой шикарной машины сотню-другую своих копий, и тогда десяток иных избежит осложнений после воспаления легких. А этого удержать от взятки, иначе сотня других попадет в аварию.

Сергей записывал все «операции» в большую толстую тетрадь, только изредка делая перерывы. Иначе вселенную не избавить от страдания.

«Опять тетрадь кончилась», – с раздражением подумал он.

* * *

«У пациента нарастающий симптом деперсонализации. С его слов, он одновременно существует в миллионах миров, в виде своих двойников. Якобы спасает вселенную от несчастья, источником которого и является, поэтому должен сидеть и ничего не делать. При этом у него сохраняется способность к ясному мышлению и к общению. Синдром не поддается коррекции лекарственными формами. Прогноз лечения негативный».

По ту сторону зеркального стекла Сергей что-то быстро писал, иногда закрывая глаза и чему-то улыбаясь.

Крылов перечитал выписку психиатра, вновь споткнувшись на последней фразе. Почему квантовый ключ не вылечил Сергея? Или парень уже слился со своими двойниками в одну общую функцию, и ключ не может их различить?

– Как он себя ведет в палате? – спросил Крылов у стоящего рядом врача.

– Не шумит, распорядок соблюдает, только требует все время новые тетради для записей, – ответил психиатр. – Идеальный пациент для наблюдения.

– Идеальный... – задумчиво повторил Крылов.

– Профессор, не огорчайтесь. Ведь у первых двенадцати подопытных все прошло нормально. Никаких синдромов или видений. Тринадцатый несчастливый просто, жертва случая.

– С чего мне огорчаться? – усмехнулся Крылов. – Это мой самый удачный опыт, я это чувствую. Возможно, новое слово в науке на пути к бессмертию.

Сергей поднял голову от тетради. Он видел через стены двух человек, эта способность пришла к нему недавно. И еще он чувствовал их двойников, там, в других вселенных. И они тоже страдали. Сергей понял, что может помочь и им. Только нужно больше тетрадей.

Ирина Соколова ХОРОШИХ СНОВ!

Джордж мерил шагами полутемную рубку – от погасшей управляющей панели до намертво заблокированной двери и обратно. Ровно десять шагов, последний чуть короче. Особого толка в этом не было, но немного помогало согреться.

– А если запитать от главного двигателя систему жизнеобеспечения? Что скажешь? – идея была дурацкой, но пилот уже исчерпал все разумные варианты и теперь предлагал наудачу.

– Приношу извинения, но это невозможно. Я уже просчитала все варианты, – его собеседница замолчала, как показалось Джорджу, – виновато.

Анабель – система искусственного интеллекта ANBL, если по документам, – сидела на подлокотнике пилотского кресла. Джорджу всегда было интересно, кто придумал корабельному ИскИну такой облик. Красивая до неестественности, как в мультиках, девушка с серьезным грустным взглядом, одетая в строгий старомодный наряд с брошью у горла. Наверняка неизвестный дизайнер был прыщавым задротом и безнадежным романтиком.

Это была даже не голограмма – образ, проецировавшийся прямо в сознание через чип в виске. При желании Анабель могла прикоснуться к человеку, и Джордж ощутил бы прикосновение.

– А что с сигналом бедствия? – пожалуй, единственное, что на корабле пока функционировало нормально – это аварийный передатчик. Хотя толку-то от этого...

– Исправно посылается, но ответа пока нет, – Анабель отвела глаза. – Также я попробовала запустить ремонтных дроидов, но не добилась успеха. Мои периферические системы сильно повреждены.

– А если еще раз? – дурацкая надежда упрямо дернулась под ребрами.

– Не стоит расходовать остатки энергии. Я могу поддерживать энергообеспечение рубки на тридцать процентов дольше, если не стану тратиться на неперспективные задачи.

Джордж знал, что она права. И еще знал, что это не поможет. Корабль потерпел крушение в малоисследованном секторе, помощь если и придет, то не раньше, чем через несколько месяцев. Он никогда не думал, что остаться последним выжившим – это так обидно. Болтаешься посреди пустоты в медленно остывающей стальной коробке и ровным счетом ничего не можешь сделать.

«Предпоследним», – поправился он, покосившись на Анабель. После аварии ему почему-то хотелось думать о ней, как о живой.

– Тебе стоит сесть, – та развернула к нему пилотское кресло. Образ на подлокотнике даже не покачнулся, живой человек так никогда не сможет. – Следует экономить воздух.

– Не беспокойся, я замерзну раньше, чем задохнусь, – Джордж невесело усмехнулся, но все же покорно сел. Откинулся на спинку, полуприкрыл глаза.

Анабель сгенерировала в его сознании ощущение узкой теплой ладони, легшей на лоб.

– Спи, Джордж, тебе приснится хороший сон.

Мир вращался и мелким крошевом осыпался по краям. Личико склонившейся над ним девушки то приближалось, то отдалялось. Уже в полусне Джорджу показалось, что она плачет. Джорджу было тепло. Он спал, твердо зная во сне, что все системы работают, а сам он в полной безопасности, на пути домой.

...через уцелевшие видеодатчики Анабель наблюдала, как его ресницы медленно покрываются инеем, а дыхание становится все слабее...

Мария Кулешова ИОРТГАРМСКАЯ ВОРОВКА

Шаг. Еще шаг. Ноги вязнут в болотной жиже.

Какого лешего! Нога по колено проваливается в болото. За последние три часа – дело привычное. Одним рывком вытащив ногу, я оглянулась через плечо на своего попутчика, старого мага, плетущегося сзади на расстоянии хороших двадцати шагов и упорно отказывающегося от моей помощи.

– Ваше магичество, соизволите взять меня под руку? – в который раз повторила я.

Дед молчал. Он старался идти по моим следам-дырам, придерживая края по подмышки загаженной мантии.

Я продолжала продвигаться, нащупывая деревянным посохом дорогу. Эх, зря я согласилась на эту работенку! Но Ричард фон Гард – магистр Академии тайных искусств, узнал меня среди прочих Проводников. Самое обидное, что о своей «находке» он громко осведомил остальных, назвав меня старым именем. И тут же стер память невольным свидетелям его оплошности.

О нас – Проводниках – говорят всякое: что мы можем отвратить беду от семьи мельника, отвадив крыс от амбара. Или отвести угрозу от поселения, запутав дорогу под копытами коней захватчиков. Также сказывают, что мы умеем вытащить вора прямо из лап стражи, уведя его тайными тропами. Или провести заблудившегося иноземца из одного пункта по кратчайшей дороге в нужный ему пункт.

Грешное или правое дело Проводника зависит от покупателя его услуг. Проводник падок на желтый металл, ибо среди нас много разбойников и «выкидышей» Академии тайных искусств, которые оказались недостойны звания мага...

За спиной послышался шорох, тихое «ох» и аппетитный хлюп болотной трясины.

– Магистр! – я, перепрыгивая через собственные следы, подбежала к фон Гарду. – Хватайтесь за посох!

Дедуган, проигнорировав мои потуги, сделал несколько пассов и вылетел из засасывающей его жижи, как пробка из бутылки.

Интересно, зачем ему я? Пересечь какое-то болото для мага его уровня – даже плевать не надо. Если бы не промах с заклятием, я бы отмазалась от Заказа. Но хитрый магистр не только стер память всем присутствующим, но и привил им твердую уверенность, что уже «заказал» мои услуги. Дьявол! Сколько раз я отказывалась от Заказов магов, пряча лицо за «забвением»

или «подменной»! А тут сам Магистр! Мне было настолько интересно, зачем ему понадобился Проводник, что я запомнила применить заклятие. Любопытство вновь оказало мне медвежью услугу: в прошлый раз отделалась шрамом, напоминающим о себе нудной болью в плохую погоду...

Сколько себя помню, воры Иортгарма побаивались потрошить магов. Пугач рассказывал, как веревка от срезанного им кошелька змеей заползла в рукав и, проползая по телу, обвилась вокруг его шеи. Бедняга, пока мог, орал на весь рынок. Маг, под бдительным взглядом стражи и улюлюканье честного народа, приказал веревке оставить вора в покое. Пугачу повезло: накормили плетью и отпустили. Еще болтали о кинжалах, выскакивающих из ножен магов и целящихся врагам в самое дорогое. Про золотой, который разъедает ладони. О свитках, шнурках от ботинок и прочих магических сюрпризах, наступающих врасплох бравого вора.

Мне же пятнадцать лет назад достался «жующий» кошелек.

Тогда, услышав рассказы Пугача и других завсегдатаев «Криковой козы», я громче всех доказывала, что это – ложь. И поспорила с Безносым Чифой, что умыкну кошель у мага. За это получу еще один.

В тот день на публичную казнь очередного неудачника собралось поглазеть больше народу, чем обычно. Среди галдящей толпы жующих, плюющих, ковыряющихся в носу людей было и несколько магов. Выбрав самого молодого из них и оглянувшись на «правых» – троицу воров, приставленных следить за ходом спора, – я потянулась ножом к кошельку мага. Нож почти срезал веревочку, как вдруг мою руку стало затягивать в себя что-то мягкое. Почувствовав мое сопротивление, оно плотнее обволокло кисть. Я взвыла от боли и выпустила нож. Это мерзкое ощущение не могу забыть до сих пор: будто в кожу впилась тысяча мелких зубов, и они жрали, жрали...

Маг схватил меня за шкирку и, витиевато выругавшись, дернул в сторону и вверх. Я болталась в его руке, как вшивый котенок: ноги чуть не доставали до земли – для ощущения беспомощности вполне хватало. Покусанная рука была окровавлена. Маг еще раз встряхнул меня и посмотрел в глаза. Я потеряла сознание.

Очнулась, вижу: маг несет меня на руках; моя рука перевязана. Рядом идет пожилой волшебник. Они с молодым о чем-то переговариваются, унося меня в неизвестном направлении...

– Эй! – окликнул меня Ричард фон Гард. – Мы идем или как?

– Или как. Может, дадите руку? А то всю дорогу за спиной плететесь.

Маг, сопя, протянул руку, и мы продолжили брести по болоту.
– Все-таки есть в тебе что-то хорошее...

Десять лет мэтры Академии тайных искусств искали и пытались укрепить во мне это хорошее. Десять лет мытья полов, чистки картошки и зубрежки заклинаний. Десять лет дежурств на Вдовой горе, гонок на драконах и магических турниров. Десять лет счастливой жизни... Ведь все могло быть по-другому: я бы законно занималась любимым делом. Проводниками бывают не только воры и недоучки, но и маги, лишённые лицензии. Колдовать открыто в империи не так-то просто.

Это был необычный день: встав пораньше, я достала из-под подушки несколько свитков. Босиком прошлепав по полу, разложила их на столе. Нарисовала, с помощью лебединого пера и бесцветных чернил, на каждом по Воздушному знаку. Затем, прошептав коротенькую формулу «укрытия», поцеловала по очереди каждый пергамент.

Очередное академическое суеверие, но перед Последним экзаменом ждешь помощи даже от преобладающей в тебе Стихии – в каждом стихийном маге есть такая доминанта, хочешь ты этого или не хочешь.

Засунув в холщовую сумку свитки и бросив сверху несколько бутербродов – для нас с Дарэном, – я с чувством выполненного долга заела мандраж шоколадом. Еще один наш прибабах, но предстоящий Экзамен после съеденной сладости представляется если не в розовом, то в фиолетовом цвете.

В распахнутое окно залетел увесистый камешек. Ударившись об пол возле кровати – я от неожиданности запрыгнула на нее, – он превратился в цветок. Дарэн...

Я подлетела к окну. Под домом стоял Дарэн с открытым учебником в руках. Дарэн! С учебником! Впервые за пять лет нашего знакомства! Узрев мой издевательский оскал, он быстро спрятал книгу за спину.

– Уже спускаюсь! – я честно пыталась сдерживать рвущийся смех, но тщетно...

Тот день стал бы потрясением для Витого зала, если бы он был человеком. Ранним утром его сладкие грезы развеяла группка нерадивых учеников, пытавшихся пробраться в кабинет, в котором несколькими часами позднее состоится Последний экзамен. Зал наблюдал за их попытками взломать двери. В его власти было распахнуть их настежь, а затем запереть этих идиотов, решивших заморозить, а потом поджечь мраморные двери ручной работы. Или превратить узорные гранитные плиты пола в настоящий

лабиринт, чтобы взломщики бродили по нему до прихода Учителей. Уж они бы на всю жизнь втолковали, что нельзя портить имущество Академии!

Когда Залу это надоело, он позволил дверям чуть-чуть поддаться. Дураки с новым энтузиазмом навалились на них. Еще немного! Ну же!

Лепные животные на потолке укоризненно качнули головами. Кариатиды по обеим сторонам дверей потупили взор, жалея поджигателей. Обвивавшая колонны виноградная лоза стала расти строго вниз, а мраморные гроздья – увядать. И Зал захлопнул перед носом учеников столь любезно открытые им же двери.

В Академии существует только одно стандартное наказание – изгнание. Магу же без лицензии открыты две дороги: самоубийство или в Проводники. По статистике, первое случалось чаще второго.

С ухода учеников прошло больше часа, и Зал вновь пребывал в забытье. Разбудило его эхо шагов: Учителя спешили подготовить кабинет к началу Экзамена.

За свое долгое существование Зал слышал много молитв, произнесенных вместе с формулами заклятий, видел реки слез – как горя, так и радости. Множество опьяненных счастьем учеников скакало по Витому, высекая искры из узорного пола и прижимая к груди кусок пергамента – заветную лицензию. Другое множество, провалившее Экзамен, в отчаянии билось головой о стены.

В Витом зале царило Ожидание. Многие ученики спали прямо на полу. Учителя то и дело переступали через спящих, выходя из кабинета и заходя обратно. На каждого из них отчаянно смотрели бодрствующие. Задавание любых вопросов перед оглашением результатов наказывалось стандартно.

Я сидела на полу, прижавшись спиной к прохладной колонне. Дарэн дремал, положив голову мне на колени. Маленький разноцветный дракончик летал над моей рукой. Дракончик был результатом моего бесконечного ожидания, голода и затекшего тела. Он был участником великой битвы между Радужными драконами и прочими химерами, созданными радостным трепетом и сладким волнением переживших Экзамен учеников. Когда Залу было приказано не выпускать нас даже на минуту, мы сотворили себе по зверьку и устроили грандиозную битву между ними.

Первые полтора часа было интересно. Затем многие начали выходить из игры, чтобы просто поесть. Или попросить поесть. Потом стало скучно. Еще через полчаса – голодно. Мы сидели на полу, каждый занимался своим ничегонеделанием. Прошло шесть часов со сдачи Экзамена. Ну сколько можно?!

Темно в Зале. Моя голова клонится все ниже...

Мраморные двери со скрипом отворились. Тех, кто был к ним ближе, озарила полоска света. Учителя вышли к нам – уже стоящим на ногах и инстинктивно вытянувшимся по струнке. В Зале стало светло от мириадов цветных огоньков, струящихся со стен и летающих в воздухе.

– Скажу кратко, – фон Гард надел пенсне (значит, волнуется!) и развернул пергамент. – Дарэн и Криста – не прошли! У остальных – лицензия.

И, оставив учеников ошарашенно разглядывать нас с Дарэном, Учителя захлопнули двери. Я не успела осознать ситуацию – лишившийся чувств Дарэн рухнул мне на руки.

Последние лучи солнца разбили небо на тысячи длинных цветных осколков. Я разглядывала небесные витражи, сидя на широком деревянном подоконнике в комнате Дарэна. Мы любили сидеть с ним, болтая босыми ногами, и фантазировать, глядя на облака. Тыча пальцами в небо, смеясь и перебивая друг друга, мы дорисовывали зайцу недостающее ухо, паруса кораблю и крылья придуманной тут же летающей корове...

Сейчас на меня с неба пялился сотканный из клочков облаков одноногий полуолень. И не хотелось ничего придумывать. Мои воздушные замки взорвались, когда не приходящий в сознание Дарэн стал медленно умирать...

Час назад Линда сменила меня. Странно, что она пошла за мной. Любая помощь изгнанникам наказывается стандартно. Она шагала рядом, пока я тащила Дарэна на себе коридорами Академии. Линда расстелила постель; я закутала Дарэна в наше одеяло. Внезапно отказали ноги, я опустилась на пол возле кровати. Линда тут же села рядом и выдохнула: «Ну ты какая! Одни глаза!»

Я сидела на подоконнике, упрямо глядя в небо. Потому что повернуться не было сил...

Испокон веков простой люд опасался магов. Нас – учеников – сторонились с одинаковым энтузиазмом как на заросших узких тропинках, так и на широких улицах, предпочитая уступить дорогу. Во всем остальном мы были обычными шалопаями, мечтавшими если не прогулять занятие, то хоть выспаться на задней парте.

Для меня – воровки-сироты – Академия стала родным домом, а магия оказалась призванием... Я никогда не зубрила уроки, а рассказанная «на пальцах» очередная формула давала сногшибательный результат.

Мы часто думали над тем, кем станем и куда отправимся после получения лицензии. Все удивлялись, что я хочу остаться в Ака-

демии. «Свеженьким» первые пять лет не светило ничего, кроме должности лаборанта. С одной стороны, мне некуда было идти. С другой – открытого всем ветрам мага-стихийника с руками оторвut чуть ли не в любой Ассоциации.

Мне просто хотелось остаться Дома...

И вот сейчас я собирала вещи, чтобы уйти из Дома навсегда.

– Ну у тебя и глаза! – сказала Линда, зайдя в комнату со стопкой свежих простыней.

И опять ее ждало удивление – моя сумка была практически пуста.

– И это все?

– А что еще? – попыталась улыбнуться я.

– Еды возьми, одежду какую-нибудь... Я тебе свежих простыней принесла!

– И что я с этими самобранками буду делать? – разозлилась я. Сейчас мне хотелось только покоя. И никакой зудящей Линды с тряпками мне не...

– Прости, – лицо Линды покрылось пятнами.

– Это ты прости, – я обняла эту девушку, нелепо прижимавшую к себе чистые простыни. Свою названную сестру, обретенную в кошмарную ночь, когда мы вместе пытались спасти моего любимого. – Линда... – я расплакалась. Впервые за десять лет.

– Стой! Стоя-а-ать, я сказал! – внезапно вылетевший из-за кустов Ричард фон Гард полез под копыта моему коню, пытаясь остановить его.

– Стой! – в свою очередь заорала я коню и резко натянула поводья.

Обиженная лошадь сделала «свечу», магистр сел на задницу.

Через минуту успокоились все, кроме мага. Он вскочил на ноги и попытался схватить коня за щечный ремень. Скакун фыркнул и показал зубы, предупреждая дальнейшие попытки мага.

– Ты куда намылилась?! – не унимался старик. – Что же вы творите! Двое лучших учеников! Вам светило такое будущее! Один околел, а вторая поехала к Проводникам!

Я слезла с лошади. Откинула капюшон и посмотрела Учителю в глаза. Формулу «Испепеляющий взгляд» нам запрещали применять на практике. Теперь же...

Зеленая травка, голубое небо. Бабочка пролетела. Дедушка на месте. Очень злой.

Хочу себе такую же защиту.

– Ах ты, образина! – заорал фон Гард пуще прежнего. – Решила упокоиться прямо во дворе?

Я повела лошадь к воротам.

– Стой ты! – упавшим голосом попросил маг.

Я оглянулась через плечо.

– Это был второй этап экзамена. На сообразительность. На логику, на выдержку. Называй, как хочешь... Вы были лучшими, – маг приближался ко мне. Я отступила на шаг. – Вы должны были догадаться, что это уловка, – фон Гард выставил два пальца, будто желая попасть ими мне в глаза. – Дьявол! – он стал оседать на землю. – Теперь уже ничего не исправишь.

Я смотрела на небо. Вот плывет слон с маленькой головой и огромными ушами. А вот мой конь, на котором скачем мы с Дарэном...

Влажные лошадиные губы коснулись моей руки.

– Малыш, ты чего? – я разжала кулак. Из следов от ногтей сочилась кровь.

– Сожги меня дракон!!! – вопль Ричарда фон Гарда пронесся над болотом, подняв в воздух местных птиц, и вернул меня на пять лет вперед.

– Что опять не устраивает?! – заорала я, мстя ему за еще больше промокшую штанину – не ожидая такого подвоха от рядом идущего человека, я вновь по колено угодила в топь.

– Я своего дракона зову.

Через минуту перед нами приземлился дракон. Его чешуя, купаясь в лучах солнца, блестела всеми цветами радуги.

– И это все? – обескураженно спросила я.

– То есть? – поинтересовался маг, устраиваясь поудобнее на спине дракона.

– Я провела вас через все болото, чтобы потом вы просто улетели на драконе?

– А что ты хотела?

– Ну... точно не этого! – окончательно растерялась я.

– Ты совсем не изменилась, Криста, – Учитель покачал головой. – Перестань искать во всем двойное дно. Мир настолько прост, что люди и представить себе не могут.

Дракон взмыл в небо. Я смотрела на него, пока он не превратился в блестящий разноцветный шарик.

– Легкой поступи, Криста! – донесся до меня голос мага.

– И вам Легкой поступи, – прошептала я.

По спине пробежал холодок. По щекам текли слезы: то ли от солнца, то ли от счастья...

– Эй ты!

Это не мне. Я – простая оборванка, таких оборванцев полно в подворотнях Иортгарма.

– Стой, тебе сказано! – меня хватают сзади.

Я уворачиваюсь, но моя холщовая сумка остается у жилистого парня.

– Держи Проводника! – двое верзил перекрывают выход из подворотни.

Все бы ничего, но эти с виду неуклюжие создания – патрульные маги.

Первый – «стихийник», Земля. Мгновение – и я высушиваю его огнем. На месте, где верзила только что стоял, – лишь горстка песка. Временно, конечно, но мне хватит этих минут, чтобы убежать. Второй – эзотерик. С ним меньше мороки: формулы вампиризма будет достаточно. А потом и до этого обычного парня с палкой в руке очередь дойдет. Его-то вырубить проще всего.

В магическом патруле, помимо магов, всегда есть обычный человек. Он исполняет роль живого щита, или «живца».

Так, теперь я невидима для него...

Дьявол!

Попытка открыть глаза увенчалась адской болью в затылке.

«Палка», – привычно определила я.

Причем не магическая, а самая настоящая. Видать, этот жилистый парень долбанул своей палкой по внезапно опустевшему месту в пространстве. Увижу – испепелю!

Кстати, глаза открыты, а видимости... Я сцепила зубы и медленно досчитала до трех. Они надели повязку мне на глаза!

Хорошо, учтем. Помимо повязки, на мне еще несколько «замков»: на руках, ногах и возле сердца. Что же от вампиризма замок не поставили, предусмотрительные вы мои? Ваши проблемы.

Вновь обретший тело верзила-маг стоит рядом со мной, а жилистый парень протягивает мою сумку второму верзиле, тоже вернувшемуся в мир живых. Маг роется в сумке – там у меня хлеб и сыр – и вытаскивает свернутый листок пергамента. Разворачивает его, быстро читает.

– Раз-вя-за-а-ть! – старательно вопит верзила во всю глотку. Нет двойного дна. Да, фон Гард?

– Вы уж простите нас, – верзила упорно делал вид, что его волнует дорожная грязь. – Обознались. – У него покраснели уши.

– А ущерб вашей Ассоциации мы возместим, – встрял жилистый парень. – Вы только не волнуйтесь! Кстати, как она называется?

– Я – сотрудник Академии.

Верзилы присвистнули. Парень смотрел на меня, как на ожившее божество.

– Перешлем, – нашелся второй верзила. – А мы пошли.
– Еще раз простите. Недоразуменьице, да, – добавил его напарник.

Когда троица отошла на несколько шагов, восставший из песка патрульный маг не выдержал:

– Нет, ну вы представляете? – воскликнул он. – Первый промах за двадцать лет!

Эти трое давно скрылись из виду, а я все пялилась на чертов пергамент. Оправдывало меня то, что я никогда не держала в руках свою магическую лицензию.

Ругнувшись сквозь зубы, я свернула и опять развернула пергамент. Не могу поверить: этот хитрый жук выдал мне лицензию! После стольких лет скитаний, безнадёги и обучения навыкам Проводника мне выдают настоящую магическую лицензию! Я вертела ее в разные стороны, разглядывала вычурные буквы, которые никак не хотели собираться в слова. Рассердилась: осталось этот кусок бумаги понюхать и на зуб попробовать!

Закрываю и снова открываю глаза. Читаю:

«Лицензия на право использования собственных магических резервов. Выдана Кристине Люмпен, Стихийному магу высшего разряда».

Чтоб ты провалился, Ричард фон Гард, если это не было моей мечтой на протяжении более десяти лет. Ведь я не мыслю своей жизни без магии! Ради того, чтобы незаконно, но открыто в определенных кругах распоряжаться своей силой, я стала Проводником. Только... нет в моем новом мире места твоей лицензии, мой мудрый Учитель. Та жизнь сгорела вместе с одеялом и другими нашими с Дарэном вещами. И девушки Кристи больше нет.

Расскажу вам секрет, фон Гард: мне была дана от рождения привилегия самой придумать себе имя. Моя мать умерла во время родов, и никого не было рядом, чтобы дать мне имя. До встречи с шайкой воров Иортгарма меня звали одним именем; у воров – иным прозвищем. Для магов я выдумала Кристу.

Я привыкла сочинять и фантазировать, Учитель. Я чароплетка, которая, еще учась в Академии, вышла за рамки «родной» стихийной магии. Лицензия для меня – ограничение свободы. Мне не нужен твой подарок, прости...

Дмитрий Емельянов СТАЛАГМИТ

Проснувшись утром пятницы, Иван Федорович обнаружил, что вместо головы у него вырос сталагмит. Случай сам по себе, может, и не уникальный (месяц тому назад коллега Ивана Федоровича, господин Д., лишился головы подобным образом), но точно выходящий за рамки обыденности.

Сам же Иван Федорович крайне неохотно выходил за эти самые рамки, и даже сейчас, хотя и был расстроен утренними событиями, все же попытался вернуться в повседневность и слегка поскреб бритвой сталагмит в том месте, где могла бы быть борода.

По дороге на работу Иван Федорович с немалым раздражением замечал на себе взгляды прохожих. Особенно его разозлили двое с большими ледниковыми валунами вместо голов, проводившие его настороженными взглядами. Иван Федорович со злостью подумал: «Уж вам-то чему удивляться?»

На работе по такому случаю собрали совещание. Каждый в меру своих способностей высказывал соображения, давал советы, успокаивал. Никто не упрекал и не осуждал Ивана Федоровича за его сталагмит, потому как совершенно не было причин делать это, хотя каждый и искал их, чтобы вместо напряженного сочувствия испытать расслабляющее злорадство.

В этой связи совещание быстро закончилось примерно таким итогом: «Вырос и вырос, никто не виноват и ничего уже, видимо, не поделаешь, надо жить дальше».

И все было бы именно так, если бы один усатый бухгалтер на обеде не подошел к Ивану Федоровичу и немного насмешливо не сказал: «Вот все, кажется, не заметили, да и вы тоже, похоже. Но ваш сталагмит вовсе не сталагмит, а сталактит». Последние слова он произнес, слегка наклонив голову и приподняв брови, как бы на что-то намекая, будто произнося: «Если вы понимаете, что я имею в виду».

Придя домой и постояв возле зеркала несколько минут, Иван Федорович действительно приметил, что камень скорее врос в плечи, нежели вырос из них.

Ночью Иван Федорович скончался. Перед смертью он все бормотал: «Это ужасно. Просто невыносимо».

Потому как есть большие различия между тем, что выросло из твоей головы, и тем, что вросло в нее.

Полина Матыцына ФАНТАСТИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Прозвенел будильник. Раз, другой... И был наказан тяжелым хлопком по кнопке, отчего недовольно звякнул.

– Ну будет, будет, – успокаивающе произнес хранитель, выходя из пледа и пытаясь нашарить тапочки. – Просил же: потише! Остальным здесь торопиться давно уже некуда.

В будильнике тренькнуло.

– И что? – пожал плечами хранитель. – Это мне работать пора, а им лучше спать, чем надеяться.

Встав, он неторопливо зашаркал тапочками. Включил чайник, накинул плед на плечи, поежился от привычного уже холода и начал обход, стараясь не потревожить сон экспонатов.

Даже без света он видел их: бесчисленные витрины, в которых спали разноцветные шарики разных размеров и из разных материалов. На вид просто шарики, ведь их давно никто не касался. Только прикосновение человека делало их живыми.

А ведь когда-то они были не просто живыми, они порождали целые вселенные, и каждая чем-то отличалась от других. Но их время прошло, и за ненадобностью бывшую фантазию поместили в музей.

Поначалу этот музей пользовался популярностью: посетителям были интересны первоисточники и просто образцы безудержной человеческой фантазии. Часть экспонатов сотрудники, которых было тогда куда больше, даже копировали, торжественно вручая новому пользователю. Но время шло, интерес становился все слабее, а со временем о музее и вовсе забыли.

Хранитель печально посмотрел на крупный розоватый пластик.

– Были они смуглые и золотоглазые, – процитировал он. – Были, да...

Рядом с пластиковым шаром – небольшой шар из алого меха, от которого у него слезы – наверно, аллергия. И неважно, что на самом деле стало основой истории, о чем хотел сказать автор и чем руководствовался. Главное – эта глупая, глупая фраза: «Голос Аэлиты, любви, вечности, голос тоски, летит по всей вселенной, зовя, призывая, клича, – где ты, где ты, любовь?..»

А этот красноватый металл – вечная война иттов и тауринов, война, в которую оказался замешанным мальчишка с Земли...

Основное фантастическое допущение этой витрины, конечно, – жизнь на Марсе. И как же много здесь шаров-допущений

поменьше... Почему его всегда притягивает только она? Ведь в музее немало иных витрин, с иными фантастическими допущениями: о других мирах, о расах гуманоидных и диковинно иных, о технике и изобретениях, об общественном устройстве от утопического идеала до постапокалиптических антиутопий.

Стоит коснуться обычного на вид шарика, неважно, какого – теплого или холодного, пушистого или гладкого, твердого или мягкого, – и становится ясно: до Луны можно долететь на ядре, на Венере живут разумные существа, и сделать машину времени совсем несложно. Главное, предположить, что это возможно.

Зал за залом. Музей занимал немалую площадь, что изрядно раздражало некоторых чиновников, желавших найти ей применение получше. Но пока здесь хранилась безграничная фантазия человечества, воплощенная в фантастических допущениях. Здесь для каждого из них нашлось место, где его можно было взять, ощутить и осмыслить.

Люди – их фантазия – могли создать все на свете. Но почему-то год за годом воплощаемых фантастических допущений становилось все меньше и меньше. А остальные находили приют только в музее.

Раздался звонок. Хранитель вздрогнул, не веря своим ушам. Позвонили снова, и он торопливо зашаркал к двери.

Но зародившаяся было надежда тут же угасла.

Комиссия.

– Э-э-э... робот? – нервно поправил очки невысокий лысый толстячок с красным галстуком. Он явно не верил своим глазам, утверждавшим, что перед ним действительно робот – робот в пушистых тапочках с помпонами и в накинутом на плечи потертом пледе.

– А, чудак из одного-двух воплотившихся фантдопущений, – отмахнулся знакомый роботу худощавый прилизанный тип в неизменном клетчатом жилете. – Считает себя человеком, то есть очеловечившимся роботом. Устарел так давно, что и не припомню. Вы проходите, проходите.

За его спиной топтались двое темноволосых, типа «шкаф», людей в форме. Они были похожи, как братья – хранитель никогда не мог их различить.

Морось действительно не располагала к общению, и хранитель молча пропустил незваную четверку в музей.

– Тапочки, – хмуро произнес он, указывая на полку для обуви.

– Не смейся, – отреагировал клетчатый. – Тебе уже нечего беречь. Музей закрывается.

– Как?! А экспонаты?

– На свалку истории. Точнее, на аннигиляцию. Ведь они никому не нужны, все эти фантастические допущения об идеальных девочках-Алисах, о планетах с вечной зимой, о способных очеловечиться роботах, космических перелетах и разумных собаках. Если это и читают иногда, все равно не понимают, что взял за основу автор. А то и вовсе путают с идеей или, уяси Автор, с сюжетом!

– Музей нельзя закрывать! Если фантдопущения уничтожить, фантазия человека...

– ...придумает еще лучше. Про белого пушистого демона и прекрасную до божественности попаданку, – перебил хранителя толстяк в галстук.

– Да, сейчас фантдопущения о том, что где-то есть миры, населенные демонами, действительно популярны, но ведь однажды и они попадут к нам! А на их место придут, скажем...

– Придет что-то новое, – не дал договорить клетчатый. – Или хорошо уничтоженное старое. Приступить к аннигиляции!

Его спутники в форме шагнули в зал, доставая аннигиляторы.

У робота прихватило механическое сердце.

И тут в дверь снова позвонили.

Стоило хранителю открыть ее, несмотря на протесты клетчатого и толстяка, как в музей смущенно вошел подросток лет четырнадцати, рыжий и веснушчатый.

– Здравсти, – сказал он, шмыгая носом. – Это ведь музей фантастики?

– Здравствуй, – сказал робот. – Пока еще да.

– А билет дорогой?

– Посещение бесплатное, – вздохнул хранитель. – Закрываемся мы...

– Геннадий Викторович, – прорезал тишину гулкий бас одного из «форменных», – а ведь согласно параграфу восемнадцать, при наличии посетителей...

– Да это первый посетитель за последние два года! – сорвался на крик клетчатый. – Мы и так ждали до последнего!

– В музей пришел посетитель. Музей нельзя закрывать.

– Ждать еще два года? – почти взвизгнул толстяк.

– Согласно закону...

– Да запихните вы ваш закон... А-а-а!

– Ай-яй-яй, – «форменный» держал толстяка на вытянутых руках, заставляя его нервно болтать ногами. – Неуважение к закону карается согласно статье семнадцать, параграф второй.

– Чертовы киборги! – клетчатый был в ярости. – Все равно музей закроют, зачем оттягивать?

– Согласно закону, – киборг был неумолим, – при наличии посетителей...

Под приглушенные ругательства толстого и клетчатого все четверо покинули музей. И хранитель мог поклясться: один из киборгов подмигнул ему. Видимо, тоже был из воплощенных устаревших фантдопущений.

– В конце концов, что есть наш мир, как не воплощенное фантастическое допущение кого-то могущественного? – тихонько пробормотал хранитель и повернулся к мальчику. – Извини за сцену. Бери тапочки и проходи. Куртку не снимай: холодно.

Мальчик поблагодарил и устремился к витринам.

Он касался допущения за допущением, создавал из них существующие или еще не придуманные комбинации, любовался возникающими в сознании композициями. Роботу пришлось пять раз кипятить чайник, чтобы напоить горячим любопытного гостя.

– Здесь так здорово! – выпалил Юрка за шестой чашкой. – Почему же тут никого нет?

– Боюсь, сейчас мало кого интересует прошлое или будущее, или просто невероятное. Все живут настоящим во всех смыслах. Живи одним днем и все такое.

– Но это же...

– ...правильно. Не стоит зависеть ни на том, что было, ни на том, что будет.

– Ни на том, что есть, – сердито добавил Юрка. – Любой перекос плох. И потом, если не создавать невозможное, то ничего и не добьешься.

– Ну, не знаю... К тому же, сейчас ведь важнее всего сюжет. А идеи или фантастические допущения, особенно новые, уже мало кому интересны. Это нормально и...

– Завтра Юльку сюда приведу, – перебил его мальчишка. – Это сестра моя, младшая. Ей понравится, обещаю.

И умчался к очередной витрине.

Когда пришла пора закрывать музей, неугомонный Юрий ушел, пообещав вернуться, и не в одиночестве. Хранитель выключил везде свет и сел в скрипучее кресло-качалку.

– Время как спираль... У кого же это было? – пробормотал он.

Но идти изучать фантдопущения, посвященные времени, не стал. Главное, музей ожидала новая эпоха расцвета. Надолго ли – этого робот не знал, но сам шанс подарить еще паре поколений бесчисленные фантдопущения делал его счастливым.

А ведь с десятков посетителей – и можно будет поговорить об отоплении...

В витринах дремали фантастические допущения. Дремал в кресле-качалке старый робот-хранитель. А по вечерним улицам шел рыжий мальчишка. Впереди его ждали приключения и собственные невероятные фантастические допущения.

Евгений Худаев
ГРАНАТА В САМОЛЕТЕ

Скажите, бывает у вас предчувствие, что чего-то делать не стоит? Вы, вообще, прислушиваетесь к своим ощущениям?..

В тот день у меня было такое предчувствие, что не стоит лететь этим самолетом в Турцию. Нет, жене я ничего не сказал о своих опасениях. Да и что я мог ей сказать? «Любимая, давай отложим нашу долгожданную поездку в Турцию, а то мне кажется, что с нашим самолетом случится беда»?

Вряд ли Мария поверила бы такому слабому аргументу. Она не поверила бы даже более весомым причинам, если бы они были у меня. Маришка в мыслях уже находилась в Турции, плескалась в теплом море и нежилась на пляже под горячими солнечными лучами...

Мы успешно прошли паспортный и таможенный контроль. Моя тревога только усилилась.

«Все будет хорошо. Все будет хорошо», – успокаивал я себя.

– Гена, ты чего? – супруга дернула меня за рукав куртки. – С тобой все в порядке?

– Да, в порядке... – пробормотал я в ответ, изо всех сил пытаюсь придать своему голосу уверенность.

– На тебе лица нет...

Неожиданно даже для самого себя я совершенно успокоился, и страх покинул меня. На самом деле, самолеты довольно редко разбиваются. Намного проще погибнуть в автомобильной катастрофе. Люди на машинах каждый день бьются...

В зале ожидания пришлось просидеть еще два часа. Людей становилось все больше и больше. Все занимались своими делами. Кто спокойно дремал, устроившись на удобных сиденьях, кто оживленно болтал с приятелями. А кто болтался по магазинам дьюти-фри, закупая водку и сигареты...

И вдруг я увидел ЕГО.

Зал ожидания неторопливо пересекал мужчина лет тридцати пяти. Я вначале даже не понял, чем этот человек привлек мое внимание. Он был одет неброско, но аккуратно. Когда мужчина проходил мимо, мое тело покрылось «гусиной кожей», а волосы на голове, казалось, зашевелились от необъяснимого ужаса. Больше всего меня поразили его глаза. Это были не глаза, а две стеклянные льдинки, от которых веяло смертельным холодом. Я всего лишь на миг заглянул в эти глаза, и мне снова стало не по себе. Появилось такое ощущение, что я заглянул в бездонную

пропасть. Противно закружилась голова. Захотелось бросить все к едрене фене и уехать домой...

Поздно. К дверям зала ожидания подали автобус, и жена потащила меня к выходу. Автобус подвез нас к самому самолету. Мы вместе с другими пассажирами по трапу поднялись на борт.

Я уже сидел у иллюминатора, когда мою руку что-то столкнуло с подлокотника. Оглянулся. Это была нога в белом носке, принадлежавшая женщине с вызывающе ярким макияжем, которая сидела сзади.

– Мадам, держите свои ноги при себе, – посоветовал я ей.

– Я шо, ноги не могу вытянуть, – с обидой в голосе сказала соседка.

– Ради бога, вытягивайте, только не в мою сторону.

Нога медленно и неохотно покинула мой подлокотник. По лицу женщины я видел, что стал для нее врагом на вечные времена.

Тем временем пассажиры продолжали рассаживаться по своим местам. Все было бы отлично, если бы не несколько слишком шумных компаний. Неподалеку от нас три явно подвыпивших переростка рассказывали друг другу очень забавные, на их взгляд, истории. Причем события они описывали при помощи трехэтажного мата.

– Я этому козлу говорю: «Давай мирно разойдемся». Он мне: «Давай». Хочет пожать мне руку в знак примирения, а я ему по е...у как у...л! – описывая свои «подвиги», переросток наслаждался самим собой.

– Га-га-га! – заржали его приятели.

– А когда он упал, я добавил с носака по е...у!

– Га-га-га!

Одна из стюардесс сделала переросткам замечание, чтобы те прекратили материться. Ей тотчас ответили:

– Да пошла ты!

Вторая компания, состоящая из двух девиц и двух парней, устроилась совсем рядом с нами, через проход между рядами кресел.

– Я, когда сдавал задом, зацепил «mitsубиси» какого-то лоха, – рассказывал один из парней. – Говорю ему: «На десять баксов, и разойдемся». Лох ни в какую. Настырный попался, гад! Ладно, не хочешь по-хорошему... Я позвонил папику, и он все устроил. Приехали менты и все поставили так, что виноватым остался этот тупорылый лопух!

Господи, с каким быдлом приходится лететь на отдых в Турцию. Люди совсем совесть потеряли. Они, совершенно не стесняясь, хвастаются знакомым своими мерзкими поступками...

И тут мое сердце сжалось от ужаса. В салон вошел пассажир с ледяными стекляшками вместо глаз. Он двигался по салону с самым равнодушным видом. Я же невольно стал следить за ним. Мужчина занял место через несколько рядов перед нами. Он просто подошел к креслу и сел, не заглядывая в билет и не рассматривая номера мест, как это делали все входившие в салон люди. Складывалось впечатление, что этот человек всегда сидел в самолете на одном и том же месте.

Снова я пытался успокоить себя, но это получалось у меня довольно плохо. Я не понимал, как этот странный человек сумел пройти все проверки, и почему на него не обратили внимание...

Дверь самолета с мягким шипением закрылась. В проход вышли парень и девушка – стюард и стюардесса. Последовало стандартное объявление о том, что самолет такой-то компании выполняет такой-то рейс, время в полете столько-то...

И далее:

– Уважаемые пассажиры! Прослушайте, пожалуйста, информацию о правилах, которые вам необходимо соблюдать в полете. На борту самолета не разрешается употреблять спиртные напитки, курить на протяжении всего полета. Не разрешается вставать со своих мест и передвигаться по салону во время взлета, а также снижения и посадки самолета, когда включено световое табло.

Ага, щас! Для нашего человека это слишком тяжелые правила. Самолет набирал скорость по взлетной полосе, а по салону продолжали двигаться люди, совершенно не прислушиваясь к объявлению. Кто-то из мужиков разливал водку соседям в бумажные стаканчики...

Единственное, что соблюдалось из перечисленных правил – никто не курил в салоне. И на том спасибо.

Самолет оторвался от земли. В иллюминаторе стремительно уменьшались многоэтажные дома. И тут странный пассажир с глазами-льдинками встал и двинулся по салону к кабине пилотов.

– Мужчина, сядьте, пожалуйста, на свое место! – стюардесса загородила ему проход.

– Пропусти меня или я взорву самолет! – довольно громко сказал мужчина, вытащив из кармана куртки гранату.

Это была ручная оборонительная граната Ф-1, к которой прочно приклеилось прозвище «лимонка». Между прочим, осколки этой малышки разлетаются на восемьдесят метров. Короче, если граната взорвется, нам всем трындец.

Интересно, как ему удалось пронести гранату?

– Прошу вас, сядьте на место... – бестолково повторяла стюардесса, продолжая загораживать проход своей худенькой стройной фигуркой.

Пассажир не стал с ней спорить, он просто бросил гранату на пол. Она подкатилась к ногам моей жены. Кольцо на гранате отсутствовало. Значит, через три-четыре секунды произойдет взрыв.

Затем у меня в голове словно щелкнул невидимый тумблер. Каждая секунда растянулась чуть ли не на целую минуту. Нет, у меня не прошла перед глазами вся моя жизнь с самого ее начала. Этого точно не было...

Зато я увидел весь салон самолета. Я увидел, как покрывались смертельной бледностью испуганные лица мужчин и женщин. Я видел, как глаза их от страха увеличивались чуть ли не вдвое. Я видел, как на лбу у каждого выступали крупные капли пота...

У мужчин реакция оказалась намного лучше, чем у женщин. Мужики бросились врассыпную, позабыв о своих женах и подружках. Все верно, каждый сам за себя!

Через проход от нас бритый налысо качок выдернул из кресла сидевшую рядом с ним, визжавшую от ужаса девицу, прикрылся ее телом от готовой взорваться гранаты.

Я сорвался с места, легонько коснувшись рукой плеча жены. Успел сказать:

– Маришка, все будет хорошо...

Вот она, граната, матово блестит на полу. В следующий миг я лег грудью на ее ребристый корпус. Последнее, что я запомнил, это мощный толчок, словно меня ударил копытом конь. Невыносимая боль в груди, от которой захотелось кричать. Я даже открыл рот, но тут же погрузился в темноту. Я Умер!..

Боль мгновенно прошла, и я открыл глаза. Я ничего не мог понять. Тот же салон самолета, только весь в сизом дыму. Те же перепуганные, жутко орущие люди. И посреди всего этого хаоса – я, медленно встающий... Стоп, не совсем правильно выразился. Мое растерзанное взрывом тело продолжало неподвижно лежать в большой блестящей луже крови. Я это сам прекрасно видел. В то же время я встал во весь рост, не приложив к этому никаких усилий. Мое тело стало прозрачным и невесомым.

Не может этого быть! Я умер и превратился в призрака. Рассказать кому, так никто не поверит. Но мне некому было рассказать. Я находился в салоне самолета, среди сотни людей, но был теперь совершенно в другом жизненном или послежизненном измерении.

Самолет тем временем благополучно совершил посадку. Когда стюарды открыли дверь, вся безумная толпа пассажиров бросилась к выходу, словно стадо носорогов.

– Сволочь, ты прикрывался мной! – визжала девица на своего приятеля, бритоголового качка.

– Заткнись, сука! – кричал в ответ качок. – Радуйся, что этот придурок бросился на гранату, а ты осталась живой!

Толпа пассажиров неслась к выходу, стараясь как можно быстрее покинуть салон. Многие даже забывали забрать свои вещи.

– Вот это жесты! – возбужденно радовался один из компании переростков. – Надо рассказать пацанам...

Я видел, как этот переросток-дебил достал из кармана айфон и начал фотографировать мое мертвое тело.

Да, при жизни я бы сильно обиделся и возмутился. Я бы набил морду этому дебилоподобному человеку, а его айфон засунул ему же в... Сами знаете, куда можно засунуть айфон.

Скажите, стоило мне спасать этих зажавшихся ублюдков?

Но я теперь оставался совершенно равнодушным к происходящему. Меня ничего не радовало и не печалило в людской суматошной жизни. Мне было все безразлично, ведь это теперь не моя жизнь...

Неожиданно я увидел Марию. Зажимая двумя руками рот, она склонилась над моим телом. Маришка! Нет, все же что-то я мог испытывать. Я по-прежнему любил свою жену и не родившегося пока еще малыша. Да, простите, я забыл сказать, что моя Маришка была на третьем месяце беременности.

Прежде всего, я спас своих любимых людей. Правда, им предстоит жить одним среди таких ублюдков и уродов.

Чтобы как-то поддержать любимую женщину, я подлетел к ней и коснулся ее щеки. Мария вздрогнула, а может, это мне лишь показалось...

Юлия Зальцман ПЕПЕЛИЩЕ

Я уходила по пепелищу. Это все, что осталось от маленькой деревеньки в двадцать домов. Это все, что осталось от нее после того, как туда пришла я.

На месте трактира, недавно бывшего большим двухэтажным деревянным зданием с прекрасными резными ставнями, все еще догорали угли. Его я подожгла последним. Вместе с теми грязными свиньями, что там остались. Вряд ли они смогли почувствовать жар огня, жадно обгладывавшего их одежду и облизывавшего мягкие, податливые, по большей части уже мертвые тела.

Смерть. Это все, что они заслужили. Каждый из них. Большинство за то, что сделали. Кое-кто за то, чего не сделал.

Первые в моей жизни убийства ради убийства. До сегодняшнего дня я свято верила в ценность каждой, даже самой ничтожной жизни. Верила в то, что никто не имеет права эту жизнь забрать. Они заставили меня забыть об этой вере.

Я та, к кому они еще несколько дней назад уважительно обращались «госпожа знахарка», приходя за помощью. За глаза, впрочем, называя ведьмой и пугая мной своих детей. Что ж, мне не было до этого дела, я просто выполняла свое предназначение: помогала взойти урожаю, лечила и людей, и скотину, делала обереги и варила отвары. И ни словом, ни делом не заслужила того, чем они отплатили за мою доброту.

Меня не было дома три дня – знакомая знахарка попросила помочь. Я не хотела уходить, будто чуяла надвигающуюся беду, но муж с дочкой уверяли, что несколько дней смогут справиться и сами. Если бы я только знала, что им придется иметь дело не только с домашним хозяйством.

Вернувшись, на месте моей маленькой, родной, теплой избушки я увидела лишь пепел, в котором белели кости моего любимого мужа, дочиста обглоданные огнем, и распятую на старой яблоне дочь. Мой полный отчаяния вой волной прокатился по лесу, поднимая в небо испуганных птиц и заставляя лесных жителей прятаться по своим норам. Это не был вой человека. Уже нет. Вой зверя, лишённого всего самого дорогого, утратившего смысл жизни. Потерявшего все светлое и доброе, что в нем когда-то было.

Не знаю, сколько времени я сидела на земле, глядя пустым взглядом на то, что осталось от моих любимых. Ближе к ночи, двигаясь скорее машинально, чем осознанно, я собрала по од-

ной все кости мужа и аккуратно сняла с яблони дочь. Подчиняясь моему взгляду, рыхлая лесная земля сама разошлась, образовав две глубокие могилы. И также сошлась, навеки погребя под собой тех, кто совершенно не заслуживал такой смерти.

И я прекрасно знала, кто во всем этом виноват.

Пройдя через лес, я вышла к деревне в тот час, когда ночь уже начинает отступать, и все вокруг кажется тусклым и серым. Обычно, в это время деревенские жители уже просыпались, чтобы покормить скотину, выйти работать в поле или заняться другими обыденными делами. Но сегодня здесь все еще было тихо. Наверняка каждый из них чувствовал, что это предательство им с рук не сойдет. Гвардейцы короля-идиота, издавшего под влиянием нового епископа указ о смертной казни для любой знахарки или чародейки, не могли знать, где именно в старом густом лесу искать домик ведьмы. Кто-то им показал. С молчаливого согласия остальных. А теперь они надеялись, что крепкие двери, наглухо закрытые ставни и молитвы помогут им избежать моей мести. Глупцы.

Я медленно шла по деревне, а за моей спиной, в каждом доме, мимо которого я проходила, разгорался алый цветок будущего пожара. Колдовской огонь не загасить водой и не задушить плотным покрывалом, лишив его воздуха. Он созрет и одяло, и дом, и всех, кто окажется на пути. Потом перекинется на забор, на сараи, на хлева со скотиной и не остановится, пока не насытит свою жажду крови. Опасно спускать его с поводка, но сегодня мне все равно. Все они виноваты.

Но главная моя цель не здесь.

Я прекрасно знала, где их искать, и не ошиблась. Гвардейцы, грязные свиньи, вповалку спали кто на столах, кто на лавках, а кто и на полу трактира. Наверняка, они выпили вчера все алкогольные запасы трактирщика, празднуя победу над ведьмовским отродьем. Я тихо вошла и выбрала первого попавшегося на глаза вояку, взглядом подняв его в воздух. Спросонья и спяну он не сразу понял, что происходит, а потом попытался закричать, но не смог. Тело больше не подчинялось ему. Мне не составило усилий забраться в его воспоминания и найти в широко раскрытых в панике глазах то, что я хотела узнать. Словно наяву я видела, как они, два десятка обученных солдат, окружили избу. Как схватили мужа, кричавшего, чтобы забирали его, но пощадили ребенка. Видела, как дочка пыталась сбежать в лес через заднюю дверь, но два негодяя поймали мою хрупкую нежную девочку в легком белом платье. Видела, как один из них схватил ее за длинные черные волосы и поставил на колени перед стулом, к которому был привязан мой муж. Видела ужас, отчаяние и гнев в когда-то добрых

и ласковых голубых глазах, когда они заставили его смотреть, как эти двадцать ублюдков по очереди насилуют наше невинное дитя. Видела и понимала, что нет такого наказания, которое было бы достаточным за то, что они сделали. Ей было всего тринадцать.

Боль и гнев снова заполнили меня. Не было ни пассов, ни чужих, непонятных никому слов – это все лишь балаган для глупых, невежественных селян, ждавших от ведьмы чего-то чуждого, боявшихся каждой тени в моем доме, но все равно приводивших лечить коров, мужей и детей. И указавших гвардейцам путь к моему дому, с легкостью позабыв обо всем, чем я им помогала. Повинуясь лишь моей воле, двадцать тел поднялись в воздух. Кто-то из гвардейцев проснулся, кто-то вчера упился настолько, что ничего не почувствовал. Пока не почувствовал. А затем моя магия стала ломать им кости. По одной. Начиная с самых маленьких, постепенно переходя к крупным. Они бы умерли от болевого шока, если бы я позволила. Они бы орали во все горло, если бы я разрешила. Но в трактире стояла мертвая тишина. Эти почти трупы раскрывали рты в немом крике, захлебываясь слюной, без возможности издать хоть один звук. Мелкие сосуды в их глазах лопались от невероятного напряжения и ужасной боли, которую они испытывали, а мне все было мало.

Вы можете спросить, неужели одна ведьма могла бы сотворить такое. В обычной ситуации – нет. Но сейчас не было того, на что я ни была бы способна. Я хотела, чтобы они прочувствовали всю боль каждой частицей их грязных похотливых тел.

Когда каждый из них превратился в кожаный, существующий лишь благодаря моей воле мешок с переломанными костями, я разом отпустила их, позволив с противным звуком шмякнуться на пол. Я прекрасно знала, что за этой сценой с ужасом наблюдает трактирщик, спрятавший свою жену и годовалых мальчишек-близнецов в подвале. Наверное, надеялся уберечь их от меня. Но я-то знала, что сегодня эта деревня, полная предателей, останется пустой. Мягко развернувшись на каблуках грязных дорожных сапог и мазнув краем черного плаща по лавке, стоящей у самой двери, я тихо вышла из трактира. Не забыв оставить там маленький огненный цветок, который сожрет и трактирщика, и его семью, и все, что осталось от гвардейцев.

А вскоре я уходила по пепелищу, навсегда покидая эти места, унося с собой лишь то, что осталось от моей души.

Прах.

Владимир Торин
ПОСЛЕДНЕЕ ЛИБЕРТАНГО ОСЕНИ

Рассказ размещен в разделе «Нереал», поскольку его действие происходит в стимпанковом городе Габен.

«Габен – это город... это родной дом Кукольника, добрых и злых шутов, живых кукол, серых-серых людей, ярких-ярких людей, огромных блох и многих других... Мосты и улочки, перетекающие одно в другое, аэрокэбы, бурые стены, опавшие осенние листья, полосатые шарфы, длинные пальто, дирижабли, рассекающие хмурое небо, бой больших часов... Маленькие, счастливые или трагичные, истории самых хитроумных жуликов, самых живых и чувствующих кукол, самых честных констеблей или даже вещей».

Я не проснулся... И что мне осталось? Эта жизнь и эта смерть. И все ради чего-то или кого-то! Все всегда ради чего-то... Да? Ну и я так думал и играл. Следовал правилам, ходил на отведенное мне количество клеточек и недоумевал, почему так все происходит. За что? Почему волос на смычке рвется? Почему вздрагивает что-то внутри, когда тебе еще не сообщили, но ты уже знаешь? Почему нельзя сделать ход назад? В этой игре я растратил все мои ходы, все мои мелодии! Отыграл их все... кроме самой последней – для нее мне не нужна скрипка, для нее нужно только горло. Мелодия последнего – предсмертного вздоха – мое последнее либертанго.

Да, я играл... Играл с ложью и правдой! Играл с одними и другими, чтобы понять однажды, что играл я сам с собой!

Понимаете, я – кабаре-клоун, один в этой комнате, и я растратил все мои добрые поступки и злодейства за кулисами кабаре. Их уже никто не помнит, и лишь эхо от смеха, вызванного моими старыми шутками, еще витает под пустыми сводами. А пятна от слез, вызванных моими сердобольными трагедиями, еще можно разглядеть в ветхом красном ковре. Глубоко в пыли... Если согнуться в три погибели и подсветить лампой. Эти пятна... Только он и остался – от всего зрительного зала. Только ковер, да эхо под сводами.

Вся эта история – всего лишь миг между тем, как мне стало плохо, и тем, как за мной пришла смерть.

Люси нет в комнате. Хотя мне в эти мгновения и кажется порой, что я ощущаю вес ее хрупкого тела там, с краешку, на кровати. А может, она и сидит там, в своем платье... Этот цвет... Я даже не знаю, как назвать цвет ее платья. Если бы алый был очень

сильно потертым, ношеным, шитым-перешитым – это был бы алый. Мы придаем слишком много значения мелочам. Особенно цвету. Особенно, когда умираем. «Я помню зеленый». Ива была зеленой. Ранняя осень. Здесь все произошло осенью. Началось, закончилось, продолжилось, снова закончилось. Или вернее – снова заканчивается...

Я встретил Люси под старой раскидистой ивой. Я помню эту иву... Она растет неподалеку. Старая ива, она тоже умирает, но ее агония – не в пример длиннее моей. И у нее даже нет подушки, бедная старая глупая полумертвая ива.

Моя же голова лежит на подушке в лоскутной наволочке. Эта подушка принадлежала еще моему деду. Вот такое наследство. Были бы у меня внуки, они бы унаследовали немного смеха, я надеюсь. Да... Это была бы баночка с тугой крышкой. Открываешь, и чуть-чуть смеха вылетает, как пылинки пудры. А ты захлопываешь баночку, чтобы все не растратить сразу. Немного смеха в стылые холодные дождливые дни. Дни, как тот...

Идет дождь. Красный мой зонтик над нами. Она в пальто и платье цвета не-алого. А руки ее дрожат в моих. И я как дурак стою и не знаю, что сказать. Циничные клоуны не бывают счастливы. Вслух, по крайней мере. Счастливый клоун? Это как же! Тут не помогут избитые шутки или сарказм. Ты просто не бываешь к такому готов – это самый неожиданный из всех экспромтов, и ты выглядишь, как дурак, когда счастлив. Дурацкое счастье... Забыл слова...

Дождь капает. Слезы ее каплют на мой красный шарф. И мы стоим под той самой ивой. А Люси смеется. Ну и плачет. В то же самое время. Это же я.

Дождь капает на зонт, и тот тает, стекает грязными багровыми кляксами в лужи под нашими ногами. И где-то играет что-то... Будто за стеной. А, нет – здесь играет... Это зубы мои скрипят от досады. Нет никакого дождя. Нет никакого счастья. Нет никакой Люси. Это все просто сон, я знаю. Мой повторяющийся из раза в раз сон! Но сейчас... Хм... да. Сейчас – это в последний раз. Мой последний сон. Я мертв – уже на самом деле. Без сомнений...

Мое лицо лежит на прикроватном столике, мои руки стоят в шкафу. Хотел бы я сказать, что это метафора, но нет – нет у меня уже сил для метафор... Я просто распадаюсь на куски. Листки отрываются от календарика, но некоторые из них почему-то совершенно белые – без дат. Пустые дни... Я злюсь на себя же, потому что я никак не могу вспомнить, как я потерял все мои воспоминания капля за каплей! Мои забавные туфли прибиты к стене над моей головой... Это я сделал? Мне показалось это забавным? Или я собирался куда-то идти? Или носки туфель,

торчащие к потолку, указывают, что мне пора... вверх? А все книги, что я когда-либо прочел, – под кроватью. Они вываливаются из-под перины, и я не знаю, что с ними делать. Ни в одной нет совета или указания, инструкции утешения, обезболивания... Да, я прикалачиваю туфли к стене, а книги держу под кроватью. Это ли безумие? Каждому, кто назовет меня безумцем, я отвечу: «Мистер Зритель, а не пошел бы ты к черту!» И мне даже не будет стыдно...

Во дворе кабаре-театра осень! Как-то слишком осенне даже для нее: слишком много листьев, и ветер их разносит туда-сюда по влажной земле, будто расхаживает в нерешительности, боясь остановиться и спросить: «Уже все? Пора?» Или это я боюсь? Боюсь, что как только перестану думать, меня не станет?

Все опавшие листья напоминают странички календарика этой осени. Дни и числа, отрывающиеся и разлетающиеся, отсчитывающие время до конца.

Я знаю, что это конец: конец всего этого, и клоун из кабаре играет в последний раз «Последнее либертанго Осени»... Вы ведь помните, что это такое?

Моя старая кровать. Она стоит в пустой комнате, бледной, как грим, как мертвенное мое лицо под гримом. Она стоит в бледной комнате, но окно открыто, и там осень. А мне вот уже мерещится, что кровать стоит под деревьями, и листья падают прямо на нее – прямо на меня. И нет сил их сдуть.

«Мой маленький клоун, – слышится голос Люси, моего нежного алого цветка. – Почему ты так безнадежно грустен?»

И что мне ей сказать на это? Почему я так грустен? Она серьезно? И я не могу ответить ей, что я так зол, понимаете, и грустно мне, потому что она мертва. Мертва, ну вы знаете, как мертвы холодные люди в земле. Как мертвы старики, забытые в своих заплесневелых квартирках, или как дети, которые были слишком слабы, чтобы жить. Она мертва – как мертвые... Нет у меня уже сил для метафор, вы простите...

Она убила себя несколько осеней назад... Просто взяла и убила. Нерешительно решилась. Вот бы было наоборот. Вот бы она решительно не решилась! Но нет... Люси зачем-то взяла большие портняжные ножницы и вырезалась из своей жизни, из моей жизни. И платье – не-алое, стало определенно алым. Цвет важен. Особенно в эти мгновения. Мелочи важны, когда умираешь и никак не умрешь. Пытка – иметь возможность мыслить. Пытка – иметь возможность осознавать. Пытка – ждать. Особенно для нетерпеливых людей... Ну когда уже? Когда? Я не могу больше ждать... «Почему я так грустен?» – спрашиваешь ты? Смешно,

Люси, очень смешно... Это сарказм, Люси. Не смешно на самом деле. В груди болит...

И что же ты оставила после себя? Такую страшную боль и непреодолимое желание уйти так же – вот что. Я так безнадежно грустен, потому что все время, что после тебя, я не могу найти себе места. Иду – и не могу прийти. Сажусь – и тут же встаю. Пытаюсь думать, но... Ищу что-то важное, без чего никак нельзя, и при этом я знаю, что найти уже невозможно. Почему я так грустен?

И правда, ведь как можно грустить, стоя под этой ивой, обнимая тебя и держа зонтик над твоей головой. И чешется красный клоунский нос, а дождь стучит по моему котелку – несмотря на зонт. Черный фетр впитывает капли, как ковер впитывал слезы зрителей. Это в последний раз я тебя вижу. Последний повтор моего единственного сна. Я знаю, это последнее наше с тобой свидание. В последний раз я слышу от тебя эту прекрасную ложь: «Я не уйду никогда», и в последний раз я тебе верю.

Я держу зонтик над твоей головой и лежу на своей старой кровати, гляжу в бурый от пятен протечек потолок. Слишком много утекло, все протекло... Сознание раздваивается, как суть в двусмысленности. Прости меня, но прежде чем я уйду прочь, мне нужно кое-что тебе сказать! Знаешь, я позволяю тебе украсть одну вещь – эта вещь дорога для меня! Зайдешь ко мне в гости. Откроешь дверь своим ключом. Потом иди на кухню. То, что нужно тебе, там, в старой банке из-под чая. С запиской и инструкциями. Я ухожу с мучительной болью в сердце, потому что я вынул его и положил в банку из-под чая... А засохшие чайники царапают его. Царапают-царапают-царапают... и немного покалывают. А ты что думала, Люси? Что это из-за тебя сердце болит? Как же! Размечталась! Вот дура! Ты вообще ни при чем. И мне все равно. Ты меня больше не волнуешь. Именно поэтому я попросил того, кто найдет сердце в банке, закопать его в твоей могиле. Я знаю тебя: сейчас ты должна начать спорить, упираться, стоять на своем. Ты всегда такой была, ничего мы не могли решить просто так, в этой непримиримости ты и была вся. Послушай, Люси... Да помолчи ты хоть минуту! Люси, не бойся! Ты должна принять его! Слышишь? Я не могу забрать его обратно – видишь, у меня руки заняты. Как чем? Зонтиком! Сжимаю его, прижимаю к груди, гляжу в потолок. Хватит спорить, Люси! Ты снова меня довела, видишь? Довольна?

Я делаю глубокий вдох! Мой почти-почти последний вздох!

И он приходит! Мой Джаз-смерть, моя смерть!

Для меня все вот-вот изменится! Все изме...

Я будто снова у той проклятой ивы. Я оглядываюсь и вижу жнеца, стоящего за моей спиной! Странно. Я почему-то думал,

что он будет в полосатых штанах и белых перчатках! Прислонится к фонарному столбу и сыграет на трубе что-то грустное, но не очень – не хочу слез. Но и слишком веселого не нужно – это смерть, как-никак, – пусть даже смерть клоуна. Кстати, именно смерть клоуна, а вовсе не клоунская смерть – что было бы даже трагикомично: так прикидываться, можно и до инфаркта себя довести...

А он стоит просто как черная тень в своем сюртуке и цилиндре. Нависает, будто пытается спросить время или дорогу, и стесняется задать вопрос незнакомцу. Покачивается... И чернеет мгла вместо его лица.

Он говорит мне, мой Джаз-смерть:

– Ты ведь знаешь, грустный мальчик, как все произойдет? Знаешь, что будет дальше? Полосатые штаны и белые перчатки? Хм... Да у тебя клоуновское чувство юмора, дружок. Прости, что я так скучен, я часто не оправдываю ожиданий, представляешь? Ну да ладно... Суть в том, что это не мнение и даже не слух, разносимый ветром сквозь поколения. Ты просто умираешь... И все тебя забудут. Вот как-то так. И нет никаких «почему?», «за что?», «почему я?», «почему сейчас?» Нет... не порти все. Не плачь. Ты знал! Знал, что так случится. Просто надеялся, обманывал себя, пытался не сойти с ума еще сильнее... Все уже позади... почти. Просто возьми меня за руку и закрой глаза! И знаешь, что? Не нужно так переживать. Не стоит, дружок. Ты все надел, ты захватил весь нужный реквизит, ты помнишь все слова. Поверь, это твоя лучшая роль! Самая лучшая за всю жизнь.

Пожалуйста, возьми меня за руку. Закрой глаза...

Пожалуйста, сыграй для меня это прекрасное «Последнее либертанго Осени»!

ПОЭЗИЯ

Николай Проценко
АНГЕЛЫ

АНГЕЛ ВИТАЕТ НАД ПРАВЫМ ПЛЕЧОМ

Ангел витает над правым плечом,
Машет взволнованно белым крылом –
Влево склонилась моя голова:
Слышу я слева соблазна слова.

Влево моя голова склонена –
Слева внушает соблазн Сатана...
В душу проникло вселенское зло!
Ангел, скорбя, опускает крыло...

АНГЕЛОВ СТАЯ ПОРХАЕТ

Капля за каплей стекает
С небес восковая Луна.
Ангелов стая порхает...
Ужасна их белизна!

Лица будто из мела –
Болезненность выдают;
Полупрозрачность тела...
А Господу гимн поют.

Мог бы Луну спасти я,
Дав холод своей души.
Да только дела земные
Еще я не завершил.

Душа моя не покидает
Свой бранный земной приют...
Луна все тает и тает...
Ангелы – поют.

АНГЕЛЫ МНЕ СВЕЧИ ЗАЖГЛИ

Я лечу в безбрежности неба.
Ангелы мне свечи зажгли.
Мне теперь не надо ни хлеба,
Ни воды, ни грешной земли.

Я покинул брренное тело –
Я устал смертельно болеть,
В теле жить душе надоело.
Хорошо лететь и лететь!..

Я о том, кем был, забываю!
И погасли свечи!! Темно!!!
Я вернуться в тело желаю! –
Но истлело тело давно...

Заманили в небо свечами –
И поверил ангелам я!..
Но задули ангелы пламя...
...Нет путей из Небытия...

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ КАЧАЛ ГОЛОВОЙ...

Аэропланы в воздухе плыли.
Рожки умело вправлял акушер.
Ехал в невидимом автомобиле
Изобретатель и инженер.

Путал сверхточный компьютер задачу.
Слушал астролог гармонию сфер.
Грубо у бармена требовал сдачу,
Судя по внешности, сам Люцифер.

Взвод погружался в педальной подлодке.
Свинчивал мастер железных людей.
Рад был ученый копатель находке:
Дому, построенному из идей.

Кто-то рыдал на пластмассовом трупе –
Видно, в нейтринной подстанции сбой...
С ведьмой-красавицей эль пил я в ступе;
Ангел-хранитель качал головой...

**ВИДНО, АНГЕЛЫ ХРАМА СВЯТОГО
ПОВЕНЧАЛИ С ТОБОЙ НАС ТОГДА**

Я бродил с тобой в темном подвале.
А над нами – брошенный храм.
Там шаги наши гулко звучали,
Стены вторили нашим словам...

Заколочены двери досками;
Мы спускались в подвал сквозь окно;
Стекол не было в ломаной раме –
И зияло, как бездна, оно.

Мы во мраке подземном дрожали,
Обнимал темнотой нас подвал.
В этом темном церковном подвале
Я тебя целовал, целовал...

Мы расстались. Но снова и снова
Вспоминаю тебя сквозь года –
Видно, ангелы храма святого
Повенчали с тобой нас тогда.

ЗАБЛУДИЛСЯ ГДЕ-ТО АНГЕЛ СНА

Глаз я до рассвета не смыкаю –
Заблудился где-то ангел сна.
Днем о прошлом я не вспоминаю.
Ночь – воспоминаньями полна.

В памяти всплывают, как живые,
Образы давно прошедших лет,
Лица – беззаботно-молодые –
Тех, кого уже на свете нет.

Я пока еще живу, не зная,
Где отметка о последнем дне.
Но настанет время: вспоминая,
«Умер», – скажет кто-то обо мне.

И АНГЕЛЫ МАШУТ ПРИВЕТЛИВО МНЕ

Небесные арфы звучат в вышине.
Как сладко мне звон их слушать!
И ангелы машут приветливо мне,
Маня в небеса мою душу.

«В грехах ты себя понапрасну не грой!» –
Зовет меня глас Господний.
А в пекле гремит барабанная дробь,
Раскрыты врата преисподней.

Душа не стремится ни в небо, ни в ад,
А в теле остаться хочет.
Напрасно небесные арфы звучат!
И зря барабан грохочет!

НАВСТРЕЧУ ИМ – АНГЕЛОВ СОНМ

Противоречивость во мне.
Какая – не знаю я сам.
Душа моя, в адском огне
Пылая, летит к небесам.

Всевышний и благостный Бог
Перстом указывает ей путь
В свой светлый небесный чертог,
Чтоб вечность ей там отдохнуть.

Но шлет за душой моей Бес
Подземного воинства рать
В погоню до самых небес –
Стремясь мою душу забрать.

Навстречу им – ангелов сонм
(И несть им, безгрешным, числа!)
И в битву священную он
Вступает с исчадьями зла.

Воители Бога сильны.
Но Дьявола не побороть:
Бессмертными слуг Сатаны –
Как ангелов – сделал Господь.

На небе, земле, под землей
Два воинства, копыя скрестив,
Ведут нескончаемый бой –
Про душу мою забыв.

ПАДШИЙ АНГЕЛ ПОВИНИЛСЯ

Падший ангел повинился.
Бог благой – и Он простил.
Ангел в небо возвратился,
В Царство Божье воспарил.

Света горнего сиянье
И Эдема благодать
Вседержитель щедрой дланью
Дал прощенному опять.

И осанну в общем хоре
Ангел истово поет,
В райских кущах, в их просторе,
Не ища запретный плод.

Но украдкой в ад взирает:
Бездна чудно глубока!
Тайно ангела терзает
По прошедшему тоска.

С УЛЫБКОЙ АНГЕЛЫ НА НЕБЕ ЖДУТ КОГО-ТО

Отряд святых – отряд угодных Богу –
По морю, яко посуху, пешком
Сандалями ступает строго в ногу
На чудом созданный в волнах аэродром.

Над океаном, темным и бездонным,
Святые шествуют – бесстрашны и легки.
Апостол Петр, приветствуя колонну,
Прикладывает к нимбу кисть руки.

По трапу в винтокрылую машину
Заходят чинно за святым святой...
Под ними – океанские глубины,
Над ними Бог, с небесной чистотой.

Заняв места, святые внемлют Богу
И к небу очи возвели они.
Поправив пурпуром сияющую тогу,
При взлете каждый пристегнул ремни.

С улыбкой ангелы на небе ждут кого-то –
Им информация подробней не дана...
Но в море падают обломки вертолета! –
Без промаха стреляет Сатана.

Янь Данко
ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

ОДИНОЧЕСТВО ВДВОЕМ

Две Черных Дыры: одна из них Бог,
Другая же Дьявол. Любой бы не смог
Остаться один в мировой пустоте –
Им вечно вдвоем по Вселенной лететь
И расстаться не сметь.

ТРАВА ГОРОДОВ

В городе душном вязко и пусто,
И катятся люди, как камни с горы.
Зачем же дивиться, ругаться и злиться,
Что путь в твое сердце закрыт?
Небо сверкает во снах, но растает,
Стоит лишь крылья поднять...
И всякий узнает, споткнувшись у края,
Что душу так просто сломать!

Коснись земли едва – я трава,
Баюкаю шаги твоих ног.
Родись и сгинь в любви – сон листвы
Дарует вмиг тебе новый срок.

Чего же ты хочешь, коль счастье морочит
Обманчивым светом умы?
Твой путь беспокойный – познание и войны –
С обличья Вселенной не смыть.
Гордись небесами... Они под ногами –
Тобою растоптаны в прах,
Травкою поросший. Священные мощи
Зарыты в него чудных птах.

Смерть и рождение – дело мгновения,
А между ними июнь с ноябрем.
Впитают всё зимы, их льды нерушимы,
И где-то за ними твой дом.
Сердце и разум впадают в маразм,
Друг друга ни в грош не ценя...
В погоне за небом ты бросил свой жребий,
Так пей же удел свой до дна!

Василий Севрюк КОТЫ И СОБАКИ

Осень в этом году выдалась теплая. Оттого, проехав одну неделю в новых осенних ботинках, я вновь перешел на летние. Убирать я ботинки обратно в коробку не стал, а просто оставил их стоять под вешалкой. Неожиданно для меня это стало причиной того, что в мои ботинки нассал кот.

Конечно, это было не совсем неожиданно. Все-таки кот у меня был давно, да и, бывало, шлодничал. Нормальный такой кот, с характером, но не сволочь. Одним словом, настоящий товарищ, с которым жить интересно. Однако же нассать в новые ботинки – такого я от него не ждал.

Вначале я, конечно, рассердился, но в тот момент, когда я уже собрался одарить кота пришедшими на ум ругательствами, мне вспомнился один случай, о котором и поведаю вам сейчас.

Ведь кота этого подарил мне еще котенком один товарищ. Сейчас мы с Колькой уже сильно сдружились, а тогда только начинали общаться. Это, в общем-то, обычный парень с вполне заурядной внешностью, если не брать в расчет двух деталей.

Во-первых, хоть Колька еще совсем не стар, он отрастил себе огромную черную бородину. Просто диву даешься, насколько она длинная. По форме борода похожа на лопату, а кончик до того выгорел, что стал почти белым. Обычно таких людей представляют с длинными волосами или серьгой в ухе, или полностью покрытыми татуировками, но ничего подобного нет у Кольки. В общем, он выглядит аккуратно и ухоженно. Разве что иногда носит цветастые рубахи.

Отчасти наличие такой бороды объясняется второй необычной деталью. Вместо правой руки у Кольки крюк. Когда мы только начали общаться, мне, конечно, было интересно, как и где он потерял руку.

Сидели мы один раз с ним в баре. Это был один из немногих баров, куда Кольку пускали с его огромным псом. Пес этот – бурят-монгольский волкодав. Размеры этих собак довольно внушительные, не зря в Бурятии их называют «баабгай», что переводится как «медведь». Колька своего пса назвал Тамерланом, вполне подходяще. Как и положено, несмотря на свои грозные клыки, пес этот – самого доброго нрава. Его огромная милая морда может внушить страх разве что человеку несведущему и не общавшемуся ни разу с собаками. Поэтому я был очень удивлен,

когда на мой вопрос: «Где твоя рука?» – Колька, сделав глоток янтарного пива, ответил:

– Тамерлан скушал.

И потрепал стоявшего рядом пса за ухом.

Я даже онемел от такого ответа. Мало того, что, глядя в добрые и наивные глаза Тамерлана, я не мог себе такого представить, так еще и сама история – крайне неординарная. Не каждый день можно встретить человека, которому его же собственная собака откусила руку, а он не отвез ее после этого к ветеринару на усыпление.

Да что там говорить, и история-то такая могла произойти только с очень злым или глупым человеком. А я хоть и мало знал Кольку, но за то время, что мы вместе подрабатывали грузчиками, уже успел с ним о многом поговорить. Это, кстати, отдельная история, как он ловко одной рукой управлялся со своими обязанностями. Воистину, иногда встречаются такие калеки, которые как будто только по бумажке инвалиды. А на самом деле, скорее, мы все перед ними неполноценны и нуждаемся в помощи.

Вероятно, по моему виду Колька понял, что не до конца объяснил ситуацию, и, глотнув пива, добавил:

– Он тогда еще щенком был. Прихожу я как-то раз домой, гляжу – он что-то на полу в коридоре грызет. Я посмотрел – а это моя кисть. Он, конечно, ее целиком не съел, но после этого я все, что осталось, выкинул.

Тут уже перед моими глазами поплыли различные сюрреалистические картины в стиле «Головы-ластика». Я даже вначале забоялся переспрашивать. Ведь так вот живешь-живешь, уже все страхи из детства покинули твой мозг. Жизненный опыт тебе подсказывает, что в темноте ты скорее повстречаешь наркомана с ножом, чем вампира или терминатора. А тут на тебе. И главное, так спокойно об этом говорить. Значит, это нормально, и только ты тут простачок.

Все эти мысли успели промелькнуть у меня в голове, несмотря на то, что пауза в Колькином рассказе была небольшой.

– Я, – продолжал он, – когда руку потерял, сильно переживал. Чуть с ума не сошел. Заставил врачей мне руку мою заспиртованную отдать после ампутации. Так и хранил ее дома, в банке вначале. Это, значит, что-то вроде этапа отрицания у меня было. Потом, по совету психолога, отправился путешествовать. Вроде помогло. Полегчало. Но с рукой так и не смог тогда расстаться. В путешествии видел руку одного святого, засушенную, и футляр такой красивый. Я тоже решил так сделать. Обработал руку специальным раствором. А сам устроился в столярную мастерскую помогать и чтобы заодно научиться, как футляр сделать. С одной

рукой, понимаешь, в таких делах сразу сложности возникают. Хоть и намного меньшие, чем совсем без рук. Но я и таких ребят видел, которые еще как ловко ногами управляются. Но это к истории дела не имеет. В общем, затянулось изготовление футляра. А в это время отец приехал из Сибири навестить меня и привез Тамерлана в подарок. Я не ожидал, конечно, но, в общем-то, обрадовался. Он тогда еще маленький совсем был и такой уморительный. Ну и вот, играл один раз и как-то достал коробку из-под обуви, что под кроватью стояла, да и сжевал мою руку.

На этом моменте Колька снова потрепал пса за ухом и рассмеялся. Глотнув еще пива, он продолжил:

– Я тогда, понимаешь, в первый раз в жизни понял... нет, даже не понял, а ощутил. Ведь понять — это так, ерунда. А я именно прочувствовал, что прошлое — оно в прошлом. Что его уже нет рядом. Ни в квартире твоей, ни за тридевять земель, ни в параллельном мире каком-нибудь. Даже все эти «если бы да кабы» — они не прошлое. Они о настоящем. Но это же ощущение, как тут объяснить словами? А вот Тамерлан мне все это смог внушить. Просто съел мое прошлое, как корова языком слизнула.

Колька весело заулыбался, и я отчетливо помню, как на его бороде и усах уютно оседала пивная пена, которую он тут же вытер рукавом.

«Вот это душа», — думал я тогда.

Этот-то разговор и вспомнился мне, когда я держал в руках обоссанные ботинки, а едкий запах бил мне прямо в ноздри, несмотря на то, что я уже неделю шмыгал носом из-за легкой простуды.

Я подумал, что сейчас помою ботинки, высушу их и побрызгаю одеколоном — и через недельку запах выветрится. И о том, что ботинки обоссанные, можно будет узнать только если подносить их к лицу, чего с ботинками, вообще-то, обычно не делают.

Однако самое главное — теперь это уже точно мои ботинки. На все сто процентов мои. Только что они были новые. Я бы их еще долго носил и думал, подходят они мне или нет. И мне бы казалось, что они немного жмут, или что в их внешнем виде чего-то не хватает. Я бы боялся их испачкать. И только по прошествии долгого времени они бы стали моими, а может, и нет. А вот кот решил эту проблему сразу.

То есть, конечно, на деле, кот нассал в ботинки — значит, теперь это его ботинки. Но, во-первых, у меня с котом все общее, а во-вторых, в конце концов, сам я все же себе в ботинки ссать не стану.

С этого момента я понял, что кот каким-то образом не только ботинки, но и все вокруг делает своим, а значит — и моим. Кот-то

мой. Не потому, что мне его подарили, а потому, что я его кормлю, глажу, убираю за ним, и ему со мной хорошо.

Кот всю мою жизнь каким-то способом делает моей. А так вот без кота жил бы я этой жизнью и думал, моя она или нет. Тут жмет, там трет, ничего непонятно. Кот, конечно, не делает так, чтобы моя жизнь мне нравилась, но это другой вопрос.

К сожалению, я не знаю, как так происходит, и потому не могу дать вам универсальный совет, чтобы почувствовать подобный уют. Но все же вы можете попробовать завести кота или кошку, и пусть они вам зассут все, что нужно.

НЕРЕАЛ**Рони Ротэр
МЫ НЕ РАБЫ...**

Принц был достаточно взросл, чтобы рассуждать, но еще слишком мал, чтобы сопротивляться, а потому и был нещадно избит. Король пнул сына в последний раз, уже не больно, а так – чтобы закрепить пройденный материал, и отвернулся. Выждав пару секунд, принц молча отполз в угол к брату. Из левого, не подбитого, глаза обильно текли слезы. Мальчик, вздрагивая, слизывал их с разбитых губ, с горечью думая о том, что дискуссии надо было затевать после еды.

Тусклого света жировой коптилки не хватало, чтобы видеть выражение отцовского лица, но принц знал – на ужин сегодня надеяться не приходится. В котле над очагом пыхала и брызгалась вязкая похлебка из картофельных очисток. Хотя большую их часть притащил наследный принц, ему-то и оставаться голодным.

«В следующий раз сначала поем», – сглотнув слюну, подумал мальчик.

Королева-мать докурила, выбила трубку о вертел и сунула ее за корсаж. Черное жерло трубки торчало оттуда, и казалось, что у матери дыра меж грудей. Королева прокашлялась и сипло позвала:

– Эй, девки, помогите-ка!

Принцессы, занятые игрой с кошкой, даже не повернули головы в ее сторону.

– Ну-ка ты, твое высочество, – королева подошла и, ухватив ближайшую принцессу за косу, дернула за собой. – Оглохла, что ли?

Девчонка, подбодренная материнским тычком, бросилась к очагу – снимать котел с огня.

– Сварю я когда-нибудь эту тварь! Проку никакого! – королева с досадой пнула кошку.

Та метнулась к двери и, протиснувшись между прутьев, выскочила прочь.

Король взглянул на жену с упреком:

– Не обижай животное.

– Кто бы говорил, – усмехнулась та, вытаскивая из ниши в стене ложки и мельком глянув на сжавшегося в углу принца.

– Я по делу, – поднял палец король. – Слыхала, чего он болтал?

Ее величество согласно промычала, бросила ложки на стол. Дети подтянулись ближе, остановились в почтении у стола. Лишь

побитый принц не шелохнулся, хотя левый, еще влажный от слез глаз посверкивал из сумрака голодными искрами. Пока королева шуршала сухарями, высыпая часть из корзины на стол, король раздал ложки детям.

– Повезло тебе, Гулгад, – рассмеялся отец, вручая обгрызенную потемневшую деревянную ложку младшему сыну. – Если б не выкрутасы Тибрайда, ходил бы голодным ты, а не он.

– Почему? – осторожно принимая ложку, спросил мальчик.

– Потому, – ответила мать. – Свою сломал? Сломал. Пока не принесешь новую, есть тебе нечем. Скажи спасибо брату.

Гулгад обернулся и показал Тибрайду язык.

– За стол, – разрешил король. – Дай бог, чтоб не в последний раз.

После столь короткой молитвы последовал такой же короткий ужин. Котелок опустошили в минуту, сухари сгрызли до крошки, ложки облизали и вернули в нишу.

– Спать, – объявил король.

Очаг потух сам собой. Король с королевой, недолго повозившись на своем ложе, захрапели. Дети спали тихо, словно и во сне боясь вызвать родительский гнев.

Тибрайд не спал. Кошка снова пробралась в дом и, найдя среди королевских детей самого несчастного на сегодня, легла у него в головы, словно желая подбодрить. Время от времени она шевелилась, и мальчик чувствовал, как шершавый горячий язык касается его заплывшего века, а усы щекочут лоб. Потом притихла и она.

– Тибрайд, ты спишь? – донесся до мальчика едва слышный шепот сестры.

Тибрайд открыл глаза, шмыгнув носом.

– Выходи, – послышалось уже с порога.

Кошка, потревоженная движением, муркнула и перебралась на нагретое место. Принц перелез через брата, обполз младшую сестру и, послушав дыхание взрослых, пробрался к выходу.

– На, ешь, – принцесса протянула брату три куска зачерствевшего хлеба.

Тибрайд ломаться не стал.

– Какая муха тебя укусила? – вздохнула принцесса, разглядывая лицо брата.

– Навозная, – огрызнулся Тибрайд.

– Не груби, я старше.

– А я наследный принц. Я главнее.

– Ты ж кричал, что не хочешь быть королем.

– Не хочу.

– А чего тогда?

– Выпендриваюсь. Еще есть?

– Хлеб? Нет.

– Ладно. Спасибо, Ингерн.

Они взялись за руки и поднялись на пригорок, под которым, в отдалении от большого селения, стояла их лачуга. Сели на траву, и Тибрайд, глядя на огни селения, сказал:

– Ты старше. Скажи, почему мы не там?

– Тибрайд, Тибрайд... – покачала головой принцесса. – Опять за свое. Мало тебя отец лупит?

– Мне все равно. Почему все там, а мы здесь?

– Потому что в нас течет королевская кровь. Твой отец – король. Когда-нибудь ты сам станешь королем этого селения.

– Я не хочу!

– Не кричи, разбудишь всех.

– Я не хочу быть королем, – понизив голос, повторил мальчик. – И не буду. Не хочу отдуваться за каждого из тупых, злых, жестоких, сытых, гладких и противных жителей этого поганого городка. Какой осел это придумал?!

– Так всегда было, Тибрайд. Так полагается. Если в селении не будет короля, кого же тогда будут наказывать? Ведь люди совершают плохие поступки каждый день.

– Это... это дурость! – проворчал Тибрайд. – Какой-то дурак напакостит, а я должен буду за него у столба или под плеткой отдуваться, да?

– Это честь, а не дурость! Шестнадцать поколений нашей семьи были здесь королями. Ты станешь семнадцатым. Мать рассказывала, что когда короновали отца, было здорово – еды хватило на целых четыре дня!

– А, знаю я эту историю. С дедом тогда переборщили. Только папашу так просто не возьмешь – поздоровее деда будет. После предпоследнего прощения, когда ему ногу пропороли, помнишь, как его приволокли полумертвого? А сегодня ничего, этой самой ногой так меня отдубасил... Нет, я все-таки не понимаю, почему каждый не может сам отвечать за свои грехи.

Ингерн покачала головой, с сочувственным упреком глядя на брата, и назидательно подняла палец:

– Потому что король в ответе за всех жителей своего селения. Он – совесть и разум своего народа. Король сочувствует всем и переживает за каждого, будь то простой человек, слуга или раб. Он принимает их боль, все их грехи и провинности на себя, тем самым избавляя народ от самого страшного – от мук совести.

Тибрайд поморщился:

– Наслушалась мамочкиных проповедей?

– Да, наслушалась! – вскинулась Ингерн. – Я сама когда-нибудь стану королевой в каком-нибудь городе и матерью.

– Ага, и будешь плодить новых королей. Ждешь не дождешься своего принца? Ну почему я не родился в семье раба денег? Вот была бы сказка! Слуги народа тоже живут хоть куда.

– Ну, ты разметался! – хлопнула ладонями по коленям Ингерн. – А кухаркой ты стать не хочешь?

– Хочу! – вызывающе выпятил подбородок наследный принц. – Вот возьму и убегу! Поступлю в академию кухарок! Я умный, меня возьмут.

– Не возьмут, – возразила сестра.

– Возьмут! – нахмурился Тибрайд.

– Не возьмут, – поддразнила его принцесса.

– Я тебе говорю, возьмут! – потряс кулаком принц.

– Не возьмут. – Ингерн показала брату правую ладонь. На ней было выжжено королевское клеймо. – Вот поэтому. Король не имеет права работать. По-моему, это не так уж плохо – тебя кормят, поят, одевают.

– Кормят обедами, а одевают в тряпье, – насупленный Тибрайд глядел на метку на своей ладони. – Все равно убегу. Буду работать. Стану слугой народа. Буду думать умными мыслями. Или рабом денег. А потом стану кухаркой. И буду управлять всей страной. И отменю королей.

– Дурак, – сказала сестра. – Кого же тогда бить будут? Хватит болтать лишнее. Сухари сейчас переваришь, опять есть захочешь. Как заснешь на голодный живот? Пошли спать, а то сил не будет. Завтра уйму домов обойти надо, налог собрать.

– Не хочу, – мотнул головой Тибрайд. – Я сегодня больше всех собрал. А что из этого получил? Три сухаря.

– Ну и сиди, – пожала плечами Ингерн, поднялась и ушла.

Тибрайд остался один. Он смотрел на клеймо и думал, что избавиться от него нетрудно – надо завтра, когда никого не будет, накалить в очаге вертел и прижечь ладонь. Он потерпит, отец и не такое выдерживает на прощении. А рука заживет. Зато потом, когда он убежит, никто не узнает, что на самом деле он – наследный принц! Он станет, он обязательно станет кухаркой!

Кира Щукина ТЕНЬ

Все началось с обычной работы по стыковке двух модулей. Рутинная процедура, отработанная мной со Стейси до мелочей, процедура, в которой никогда не бывает сбоев. Не в первый раз. Автоматика сработала на отлично, стыковка состоялась, но во мне поселилось чувство тревоги. Гормональные сбои никто не отменял, критические дни тоже, поэтому я списала все на них. Тень, мелькнувшую за окном, объяснила временным помутнением в глазах. Мы со Стейси решили называть иллюминаторы окнами. Иллюминатор – такое большое и громоздкое слово. Пока выговоришь, язык сломается. Поэтому – просто окно. И вот эта тень на фоне Земли. Секунда, не больше. Я не обратила внимания. Я не обратила бы внимания, если бы не холодок по спине. Банально, но как еще описать это чувство?

Со мной такое было один раз. Накануне смерти бабушки. Мне было тогда семь лет, был вечер, мы с мамой сидели за столом, пили чай, и мне уже давно было пора идти спать. Свет от абажура, уютный, теплый и оранжевый. И вдруг по потолку мелькнула тень. Быстрая, страшная, вселившая в меня мгновенное чувство ужаса. Мелькнула в другую сторону. И исчезла. На следующее утро бабушка умерла. Мама потом посмеялась надо мной: «Это была просто муха! Что за глупости!», но я и тогда, и сейчас уверена, что это были вовсе не глупости. И не ерунда. Как эта тень сейчас.

Я не стала рассказывать Стейси. Она бы посмеялась надо мной, слишком трезвая и здравомыслящая. А нагнетать обстановку не хотелось, мне и так было не по себе. Чувство тревоги, поселившееся с момента появления тени, не уходило. Но все работало отлично, сбоев не было, ничего не происходило. Мы провели на станции трое суток. Я бы сказала – три дня, но здесь не существует понятия «день». Утро, день, ночь сменяют друг друга лишь по часам.

Раньше я любила, закончив всю работу, сидеть и смотреть в окно. Друзья меня иногда спрашивали: а ты разве не испытываешь чувство одиночества, когда ты на станции? Как это – вы знаете чувство, когда ты ощущаешь себя пылинкой во Вселенной? Так вот, у меня его нет. Точнее, не было. После промелькнувения тени на меня обрушилось одиночество и осознание собственного ничтожества. Не перед лицом Вселенной, а просто ничтожества. Раньше я думала, как прекрасен космос, – он ведь и правда красив. Наша голубая планета, звезды, не затуманенные зем-

ной атмосферой, и да, человек мал и слаб, но он преодолел и выбрался. Я гордилась человечеством и гордилась собой – чего уж там греха таить. Но тут... Говорят, такое испытывают люди в депрессии. Но все мои психологические тесты перед вылетом в очередной раз показали, что я не склонна к депрессии, а мое психическое здоровье находится в отличном состоянии. Но все, чего мне теперь хотелось – это лечь лицом к стене, лежать и ничего не делать. Стейси спрашивала меня, все ли в порядке, но что я могла ей сказать? Я видела тень? В сумасшедший дом она бы меня не отправила, его тут не найдешь, но на Землю бы сообщила. Сообщила, несмотря на то, что мы подруги, и обязана была сообщить. Я бы ее не упрекнула. Человек с поехавшей крышей может натворить в космосе немало неприятностей. Поэтому я промолчала. Я проверила все приборы и системы станции, проверила раз, и два, и десять – но никакие показатели не отклонялись от нормативных значений. Все было в порядке.

Через три дня, закончив свою работу, мы отправились домой.

Было начало октября, когда нас отпустили после всех необходимых медицинских тестов и освидетельствований. С психологами мы тоже общались – ничего. Черт с ним со всем, сказала я и велела себе забыть об этом, как о той тени на потолке. Мало ли в этом мире теней? Совсем не обязательно, чтобы они что-то значили. Обман зрения, иллюзия, минутное повышение глазного давления. Кто знает.

Я решила, что в воскресенье пойду по магазинам. Как можно вывести себя из состояния депрессии? Накупить красивых платьев, туфель, украшений и всякого счастья. Хоть я и астронавт, красоту еще никто не отменял.

Торговый центр, огромный, в котором люди, люди, люди и магазины, магазины и магазины. Я не отказала себе ни в чем. Я купила себе все, что хотела. Духи и платья, сумочки и туфельки, браслеты и кольца. Мне было не остановиться. И когда я со всеми этими пакетами начала двигаться к выходу, мне позвонила Стейси.

«Ты представляешь, – начала она, – я с Дэном договорилась сегодня поехать гулять в парк. Такая прекрасная осень, и мне так хотелось после возвращения погулять! Эти кленовые листья, которыми можно шуршать, или сплести венок, или смотреть на то, как они отражаются в лужах, золотые деревья и осенний воздух. Но Дэн сказал, что он плохо себя чувствует! Ты представляешь, я вернулась из космоса, я рассчитывала на эту прогулку, а он заболел! Причем я совершенно уверена, что не столько заболел, сколько изображает, что он так устал. Якобы он так много работает, что не может отвезти меня в парк! Ну смешно же, в самом

деле! Постой... у меня тут что-то... Что-то странное... Темное... Черное... Оно... Боже... Оно идет за мной!» – и в трубке раздался дикий истошный визг, ударил меня, оглушил, ввинтился в мозг, продлился несколько секунд и замолк.

Пакеты выпали у меня из рук. Я застыла на лестнице, не понимая, что мне делать и куда бежать. И вдруг поняла, что все люди на этой лестнице тоже застыли. Движение прекратилось. Я повернула голову – и все, вся толпа, собравшаяся в торговом центре, повернула головы. Я сделала шаг вперед – и все сделали шаг вперед. Повернулась – и люди на ступенях повернулись вместе со мной. Она пришла.

**Юлий Шанс
ГРИГОРИЙ**

***Ты мой создатель, но я твой повелитель...
Мэри Шелли, «Франкенштейн»***

Сергей с озлоблением раскрошил дымящийся окурочек в чайной тарелке (пепельницы он давно выкинул). Очередная попытка бросить курить провалилась... Еще несколько минут назад образ дымящейся сигареты и острое ощущение затяжки казались столь привлекательными, что он снова не устоял и стыдливо пошел просить сигарету у соседей по подъезду. Он намеренно не отправился в киоск покупать целую пачку. Вся пачка была бы ни к чему. Эта сигарета должна была стать всего лишь еще одной и, в этот раз, уж точно последней-препоследней. Теперь, когда тяга к никотину была удовлетворена, шарм синего дымка в сознании вновь сменился на депрессию от собственного бессилия. Сергей знал, что соседи уже хихикали над ним. Бульдозерист Васька с пятого этажа вообще не дал ему курева в этот раз. Сказал, что у него якобы нет, хотя у него оно было всегда. Выручил только дед Максим с первого этажа. Уж лучше бы и он не дал! Выкуренная сигарета перечеркнула неделю мучений воздержания и сломала волю к дальнейшему сопротивлению. Сергей знал, что эта сигарета снова не будет последней.

В расстройстве он уставился в телевизор. Шла передача про древних языческих богов майя. Она уже заканчивалась, но Сергей успел заметить, что эти боги постоянно курили. А у одного из них так вообще дымящаяся сигара торчала прямо изо лба. Певучая, как легкий наркотик, идея вползла в голову Сергея. Он прыгнул за компьютер и ввел в поисковик ключевую фразу: «Как воззвать к богу курения майя».

Свечи, сигареты, спички и блюдце с водой были наготове. Полная луна светила в окно. Сергей зажег свечи, выключил свет, прикурил, выпустил дым над блюдцем и начал мантру:

– О великий бог курения, взываю к тебе... О великий бог курения, взываю к тебе...

Минул час, но ничего не происходило... Теряя надежду, Сергей упорно снова и снова пускал дым над блюдцем и повторял мантру. Наконец, потеряв веру в успех и уже собираясь прекратить ритуал, Сергей вдруг услышал за спиной приятный мужской баритон:

– Да хватит уже голосить-то, здесь я, здесь, уже час как. За-ставь дурака богу молиться...

Оцепенев от страха, Сергей медленно повернулся. В кресле сидел небесной красоты мужчина лет сорока в безупречном серебристо-сером костюме современного покроя. Его голову венчала шикарная шевелюра из дыма стального оттенка. Сергей потерял дар речи.

– Вы уж извините, что сел в ваше кресло без приглашения, но божеству не подобает испрашивать разрешения у смертных, сами понимаете, – произнес пришелец, видя замешательство «жреца».

– А по телевизору показывали, что у вас во лбу сигара... – робко изрек Сергей.

Мужчина извлек из кармана пиджака две голубые сигареты и протянул одну Сергею. Вторую закурил сам. Вкуснейший аромат наполнил комнату. Сергей затаился и сразу испытал эйфорию – сильнее, чем от марихуаны.

– Вы перепутали меня с верховным богом мая, так называемым богом К. Он что-то вроде Зевса у древних греков. Изо лба у него торчит не сигара, а раскаленный нож из вулканического стекла. Меня же именуют богом Л, по вашей земной терминологии. Я его младший *партнер по бизнесу*.

– У богов тоже есть партнеры по бизнесу, оказывается? – изумился Сергей обкуренным сознанием.

– В этой ипостаси меня называют *эгрегором курения*, но можете называть меня просто Григорием.

Только сейчас Сергей до конца осознал, что все что с ним происходит – реальность и кинулся преследовать свою цель:

– Я очень хочу бросить курить, я перепробовал все: никотиновые таблетки, пластыри, гипноз и...

– Я в курсе, в курсе... – прервал его Григорий.

– Скажите, почему все это оказалось неэффективным? Каким образом вы удерживаете нас?

– Тяга к никотину – это лишь часть проблемы у курильщиков. Гораздо более важна психологическая составляющая. Нами так специально задумано, что день курильщика разбивается перекурами примерно на двадцать периодов. Через каждые сорок минут среднестатистический курильщик имеет как бы законный отдых, притом не только умственный и физический, но и психологический. Он служит убежищем от монотонности труда и жизни. Когда бросивший сталкивается с «непрерывностью» существования, то пластыри, таблетки и гипноз не могут ему помочь. Особенно усилится тяга вставить в битву дня отрезки «перемирия» при стрессе, чтобы перевести дух.

– То есть если много раз в день пить чай чтобы отвлечься, то шансы бросить курить возрастут?

– Верно. Но вам и это не поможет – сила воли не та, извините за прямоту, – эгрегор курения выпустил в лицо Сергею струйку дыма.

– А почему же Иисус не помог мне? – пытался Сергей, проглотив обиду.

– На бога надейся, а сам не плошай, – ухмыльнулся Григорий.

– А он правда был? Он правда бог? – выпалил Сергей и испугался безбожности своего вопроса.

– Видите ли, с нашей эгрегорской точки зрения, это не так уж и важно, *был ли тогда* Иисус богом на самом деле или нет. Если масса народа сейчас в него верит, значит, он *сейчас является таковым*. И чем больше верующих и чем сильнее их вера, тем он более бог.

– А вы сами встречались с Христом, там, на небесах? – не унимался Сергей.

– Видел, но не встречался. Мы эксплуатируем ваши пороки, в то время как он избавляет вас от них. Поэтому он считает нас нечистой силой. Тем не менее, мы все же почитаем его *как великого эгрегора*, – поведал пришелец свыше.

– Вы поможете мне, даже если он не помог? – продолжил канючить Сергей.

– Да, но за все нужно платить, – констатировал эгрегор курения.

– Я готов, но что я могу дать вам? – удивился Сергей. – У вас же и так все есть?

– Богу – богово, кесарю – кесарево, а *Григорию – Григорьево*, – ответил эгрегор.

– Что вы имеете в виду?

– *Эманации*, мой друг, эманации. Мы ведь *энергетические* сущности. Питаемся энергией своего стада, подобно древним тантрическим богам.

– Несколько абстрактно для меня, – признался Сергей.

– Каждый раз, когда вы делаете затяжку, я даю вам словить маленький кусочек кайфа. Но взамен беру себе два-три таких кусочка из вашего здоровья, – пояснил небесный гость.

– Гуманно, ведь вы, боги, могли бы взять хоть сто кусочков за один, – рассудил Сергей.

– Жадность фраера погубит, – не согласился бог Л.

– Оказывается, вы, Создатели мира, тоже используете наши земные пословицы?

– Вообще-то, это *вы мой создатель*.

– Как так?

– Еще в каменном веке, когда первый из майя закурил скрутку табачных листьев и испытал эйфорию, в Космос была послана первая энергетическая эманация курения, и я был зачат.

– Непорочно? – вырвалось у Сергея.

Григорий посмотрел на него как на дурака. Эгрегор колебался, то ли ему рассмеяться, то ли жестко наказать опрометчивого наглеца прямо здесь и сейчас. В воздухе повисла пауза.

Сергей почуял неладное и поспешил извиниться:

– Простите меня, раба божия!

– Гм... называйте лучше себя *овцой* заблудшей из моего стада, – поморщился эгрегор.

– Хорошо, готов быть овцой, только избавьте меня от напасти!

– взмолился Сергей.

– Но чтобы овца могла уйти, она должна привести взамен себя другую овцу, а точнее, десять. Логично?

– Почему десять, а не одну? – удивился Сергей.

– Потому что мне нет смысла утруждать *загон* открывать-закрывать, если число овец не увеличится.

– Ну, тогда овца могла бы привести две. Одну за себя, а вторую за хлопоты на воротах.

– А накладные расходы как же?

– Тогда три.

– А на развитие бизнеса?

– Ну, четыре.

– А налоги?

– Пусть пять.

– А прибыль?

– Получается шесть.

– Хорошее число, но мое последнее слово – девять. По рукам?

– Что вы имеете в виду?

– То, что за свое освобождение от привычки курить вы должны приучить к курению девять некурящих, – удивился недогадливости собеседника Григорий.

– Нет, я не могу пойти на такую сделку, – выдавил из себя Сергей.

– Не можете?... Ну, дело ваше, только оплатить мой визит вам все же придется. Расчетчик, принесите калькуляцию наших транспортных и прочих затрат! – эгрегор щелкнул пальцами так, как обычно подзывают официанта в ресторане.

В комнату вплыла пожилая презентабельная дама бухгалтерской наружности, с волосами из седоватого дыма, и протянула ему лист с раскладками.

– Та-ак... по пересчетной таблице за это у нас полагается рак одного легкого. А жить-то он будет? – спросил Григорий у расчетчицы, глядя в цифры.

– Да, но инвалидом. Одно легкое ему вырежут, – отрапортовала дама.

– Ладно, на том и порешим, – резюмировал эгрегор.

И в тот же момент Сергей вдруг ощутил адскую боль в груди.

– Но я не знал, простите... – пропищал он.

– Незнание закона не освобождает от ответственности. Или вы полагаете, что мне больше нечем заняться, кроме как шляться с сопровождающим персоналом по ложным вызовам? Я ведь уже не мальчик, мне не тысяча лет. Счастливо оставаться! – Григорий поднялся с кресла.

– Хорошо, я подпишу! – завыл от боли Сергей.

– Вот и чудненько. Юрист, нотариус!

Григорий снова сел и снова щелкнул пальцами. Боль в груди у Сергея мгновенно прекратилась. Из ниоткуда в комнату процокали на шпильках две девушки, одна с волосами из белого дыма, вторая – из черного. Блондинка положила на стол уже готовый договор в трех экземплярах.

– Подпишите здесь, здесь и здесь, где галочки, – указала она.

– Обратите, пожалуйста, внимание, на пункты раздела два про обязательства сторон и раздела пять про ответственность сторон, – посоветовал Григорий.

Сергей взял договор и стал читать. От волнения буквы прыгали перед глазами.

– Дата, разумеется, указана по *Григорианскому* календарю, – заметил эгрегор.

– То есть после того как я сделаю курильщиками девять человек, мне совсем не будет хотеться покурить? – спросил Сергей, оторвавшись от договора. – Совсем-совсем?

– Никакой тяги, как будто вообще никогда не курили.

– А как я буду привлекать новых клиентов? Что я конкретно буду должен делать?

– Мы выдадим вам девять суперсигарет. Тот, кто выкурит лишь одну, сразу превратится в курильщика. Как будто он курил уже пять лет. Ваша задача – соблазнить девять некурящих людей возрастом до тридцати лет скурить разок по одной в течение девяти месяцев. В разделе номер два договора все оговорено, читайте.

– А если я не найду столько клиентов за указанный срок?

– Помилуйте, за девять-то месяцев? Тогда вам вырежут одно раковое легкое, как вы слышали. Старт болезни уже дан. Каждый скуривший суперсигарету будет ослаблять вашу болезнь, а последний излечит вас полностью. Читайте внимательно пункт пять.

Сергей взял ручку, подписал договор и сразу ощутил себя мерзавцем. Нотариус и юристка тут же забрали свои экземпляры договора со стола, вышли из комнаты в коридор и там растворились в никуда, как дымка.

Григорий положил на стол пачку суперсигарет, которая выглядела вполне по-земному:

– На тот случай, если ты невнимательно читал пункт пятый, обращаю твое внимание, что за каждую из девяти этих сигарет отвечаешь уже не легким, а головой. Ни одна не должна пропасть впустую. Это дорогостоящий продукт высоких технологий. И предупреждаю, не вздумай дурить! Хоть ты и мой создатель, но *Я твой Повелитель!*

Сергей не смог промолвить ни слова. Эгрегор по-отечески похлопал его по плечу и проследовал за своим персоналом. Пребывая в шоке, Сергей посмотрел на часы. Был час ночи.

Прозвенел будильник. Очнувшись от полудремотного состояния, Сергей с трудом сел на край кровати. Он не спал всю ночь. Снотворные не помогли. Хорошо что сегодня у него был выходной. Он выглянул в окно – там все было как обычно: косые лучи солнца резали желтую осеннюю траву, прохожие спешили на работу, бездомные кошки потихоньку вылезали из укрытий. Сергей подумал было, что то, что произошло ночью, это все неправда, но тут его взгляд упал на договор на столе. Обреченно вздохнув, он достал из пепельницы один из вчерашних окурков и задымил. И решил для определенности проверить свои легкие.

...Врач хмуро смотрел то на результаты анализов крови, то на рентгеновский снимок грудной клетки и наконец произнес:

– Честно говоря, снимок не ахти, равно как и анализы... Нет, нет, ничего катастрофического, маркеров туберкулеза или рака не обнаружено... *пока...* Но если срочно не бросите курить, то, боюсь, последствия будут плачевными. Мне странно то, что три месяца назад вы делали у нас флюорографию, и *она была хорошей.*

– Я брошу, я обязательно брошу, доктор, – заверил Сергей. Голос его дрожал.

Договор уже начал исполняться.

Сергей вышел из поликлиники и побрел к церкви.

– Отец, я хочу исповедаться, – сообщил он статному священнику хриплым голосом.

– Я не батюшка, я диакон. Протоиерей *Григорий* исповедует за час до вечерней службы. Сегодня вы уже опоздали, так что приходите завтра. – Священник посмотрел на убитого горем Сергея и, смягчившись, прибавил ласково: – *Овца заблудшая.*

Услышав имя батюшки, Сергей опешил. Нет, он был уверен, что батюшка и эгрегор – это не одно и то же лицо. Но все же ему подумалось, что это не простое совпадение. К тому же, фраза диакона «овца заблудшая» показалась ему необычайно грубой

для священнослужителя. Он вспомнил про предупреждение Григория и поспешно вышел из церкви.

...Несколько часов Сергей слонялся по улицам в раздумьях. В голову лезли всякие глупости. Например, а не заявить ли на Григория в полицию. Сергей понимал, что полиция не сможет ни легкое ему спасти, ни эгрегора поймать, но его сознание отчаянно продолжало искать выход.

– Серега, привет, че такой хмурый? – кто-то толкнул его в плечо.

Сергей поднял глаза. Перед ним стоял друг детства Алексей.

– Привет. Да я вот вчера с богом курения беседовал, – произнес Сергей в качестве теста на восприятие окружающими его ситуации.

– С кем с кем? А-ха-ха! Тебе надо работать юмористом на телевидении, – развеселился Алексей.

– Я совершенно серьезно, – упорствовал Сергей.

– И я тоже! Ну, пока, мне сюда! – хихикнул Алексей и свернул в подворотню.

Этот диалог убедил Сергея в том, что рассказывать свою беду ему нельзя или же его упрячут в заведение для душевнобольных.

Час или два он брел в прострации куда глаза глядят.

– Извините, вы не угостите нас сигареткой? – звонкий девичий голос вывел Сергея из ментального оцепенения.

Перед ним стояли три девочки лет шестнадцати и стыдливо улыбались. Самая дерзкая, рыжая, находилась в шаге от него, а две другие, шатенки, метрах в пяти. Сергей обрадовался неожиданной удаче и торопливо вытащил из пачки в нагрудном кармане рубашки три контрактные сигареты. Девушка наградила его белоснежной улыбкой. Сергей заворожено посмотрел на ее здоровые зубы, еще не испорченные никотином, и его рука с сигаретами застыла на полпути.

– Ну, мы же ждем! – кокетливо поторопила малолетка.

– Несовершеннолетним курить запрещено! – вдруг рявкнул Сергей так грозно, что девочки попятнулись от него в страхе. Затем быстро зашагал прочь и... закурил одну из этих сигарет сам.

Около полуночи прохожие вызвали скорую помощь для упавшего на улице молодого мужчины. Подроспевшие через двадцать минут парамедики констатировали смерть. Вызванная затем полиция ничего подозрительного не обнаружила, за исключением пачки сигарет «Gregory» с девятью окурками внутри.

Елизавета Лещенко БУМАЖНЫЕ ЦВЕТЫ В КАМИНЕ

Как обычно, мы не обсуждали, как и где провести вечер пятницы. Вот и на этот раз, не сговариваясь, собрались в гостиной Маргарет и, образовав нетесный полукруг по центру комнаты, сидели в уютных отсветах огня настоящего старинного камина. Со сводчатого потолка свисали зеленые веточки омелы, с бутонами, готовыми распуститься над... В общем-то, каждый из нас ждал наступления Рождества не без надежды на какое-нибудь, хотя бы маленькое, чудо.

Сегодня высокие окна были задрапированы плотными, темно-бирюзового цвета шторами, ниспадающими до пола, на стеклах красовались грациозные бумажные олени в серебристых блестках, диван и кресла были покрыты пушистыми, почти белыми покрывалами, а торец камина украшали венки из живой хвои, сочащиеся ароматной смолой.

Время от времени по дороге проезжали автомобили, подсвечивая заснеженные деревья за окном, и тогда уличный зимний свет на несколько секунд сливался с отблесками каминного огня и настенных ламп, и обстановка комнаты становилась продолжением вечернего пейзажа нашего тихого поселка.

Невольно вспоминался вечер Самхейна, когда гостиная Маргарет была украшена оранжевым и черным, в вазах стояли не цветы, а листья клена и упавшие на землю веточки с поздними ягодами. Светильники не горели вообще, зато из углов комнаты улыбались тыквы-рожицы, в их искусно вырезанных глазах танцевали живые огоньки пламени, а посреди ковра развалился огромный черный кот, похоже, чувствовавший себя как дома (хотя это был единственный вечер, когда мы его здесь видели).

Его шерстинки словно жили собственной жизнью, хаотично вставая дыбом, искрясь и потрескивая. Если же кот еще и мурлыкал, то казалось, что представляет он собой некое электрическое поле или, скорее, шаровую молнию, застывшую перед тем, как изменить траекторию. Никто из нас так и не решился его погладить, хотя он и выглядел (или старался выглядеть) миролюбивым и дружелюбно прищуривал фосфоресцирующие глаза, оглядывая нас.

Маргарет в тот вечер была как никогда оживленной и разговорчивой. На ней были серые свободные брюки в крупную клетку и вязаный свитер тепло-кирпичного цвета. Волосы она заплела в две косы, ничем не закрепленные на концах, и если одна из них

расплеталась больше чем наполовину, девушка снова заплетала ее. При этом она нежно почесывала ступней спину «трещащего» кота, который, вытягиваясь от удовольствия во весь рост, казался невообразимо большим – хотя у него каким-то образом и полу-чалось занимать совсем немного места на полу.

– Это Кат Ши, – сказала Маргарет, в очередной раз заплетая распутившуюся косу. – Сегодня он мой гость.

При слове «гость» мы все невольно вздрогнули и отвели глаза от Маргарет и ее искрящегося друга, потому что услышали стук в окно.

Стволы растущих перед домом деревьев чернели на фоне оранжевого кусочка неба, подсвеченного заходящим солнцем последнего осеннего дня. На одной из маленьких веточек, царапающих оконное стекло, сидел отчаянно цепляющийся за нее лапами и все еще размахивающий крыльями – чтобы не упасть – ушастый соенок. Он явно хотел, чтобы его впустили в комнату, что мы с радостью и сделали (кто из нас не мечтал приручить сову?!)

Играя с умным птенцом, мы совсем забыли о Кат Ши, и тут он подал голос – в ответ Маргарет улыбнулась и легко кивнула ему. Кот потянулся на передних лапах, то ли распрямляя свою длинную спину, то ли кланяясь, его шерстинки громко затрещали, а когда мы снова повернулись в его сторону, Кат Ши бесследно исчез.

В этот вечер, как и всегда, когда мы, не сговариваясь, собирались здесь, обстановка в гостиной была особенной, и то, что мы видели из окна комнаты, всегда перекликалось с тем, что находилось внутри.

Но самым странным в гостиной Маргарет было не это, и даже не то, что здесь никогда не работали наши телефоны и фотоаппараты (мы уже давно перестали таскать их с собой – как и созваниваться перед тем, как собраться у Маргарет) – внутри камина всегда лежал маленький букетик искусно сделанных бумажных цветов, которого не касалось пламя.

Рассказывание историй (реальных или нет) было «основной темой» наших спонтанных вечеринок у камина. Но когда бы мы ни просили хозяйку дома поведать нам «секрет ее маргариток», она, как всегда улыбаясь глазами, тихо отвечала: «Это слишком длинная история»...

Мы все были очарованы Маргарет (а не только Джейреми, влюбившийся в нее с первого взгляда). Ее полудетские губы – как и немного раскосые, темно-зеленого цвета глаза, – казалось, всегда немного улыбались.

Сегодня на девушке было длинное, до пола, светло-бежевое платье без рукавов, на поясе украшенное широкой бирюзовой лентой, расшитой серебристым узором. Густые волосы – чуть темнее нежно-персиковой кожи – были подвязаны атласной лентой цвета высветленной бронзы.

Говорила Маргарет редко, но каждый из нас наслаждался звуками этого голоса: тихого, но звонкого, как серебристые колокольчики, как танец маленьких снежинок в лунном свете, как смех Сахарной Феи, как напев древнего волшебного народа, селившегося на высоких деревьях...

В этот вечер – как и всегда – девушка оставалась тихой и улыбчивой и старалась держаться поближе к камину, как будто ее задумчивый взгляд, обращенный к огню, не давал тому угаснуть. Джейреми, не сводивший с Маргарет глаз, сейчас сидел совсем близко к ней, она не отстранялась и смотрела ему в глаза прямо, с нежной улыбкой (всякий раз, когда он заговаривал с ней), но, как и в любой другой вечер, не позволяла его руке нечаянно соприкоснуться со своей.

Я рассеянно и умиленно наблюдал за ними, про себя гадая, сколько еще пройдет времени, прежде чем кудрявая голова Джейреми впустит в себя очевидную мысль: он и Маргарет совершенно не подходят друг другу, – и о том, узнает ли когда-нибудь моя длинноногая и всегда немного бледная сестра (требовавшая, чтобы мы называли ее не иначе как Тин-Тин), что он целый год отчаянно пытался обратить на себя ее внимание, но сдался, решив, что она никогда уже не предпочтет реальной жизни свой «непостижимый» внутренний мир.

Эти мысли, тепло комнаты, негромкие разговоры друзей и мерное потрескивание вишневых веточек в недрах «волшебного» камина заставили мои веки отяжелеть, а тело – блаженно обмякнуть, и я сам не заметил, как погрузился в сон.

Видимо, проспал я достаточно долго, потому что разбудила меня сильная ноющая – от неудобного положения – боль в спине. Наконец-то разлепив глаза и кое-как размяв ноги, я огляделся вокруг. Потирая виски, я пытался собрать воедино пазл памяти, вспомнить, как оказался внутри заброшенного старинного особняка – спящим, привалившись к стене, сидящим на собственном полупустом рюкзаке.

Мало-помалу туман в голове рассеялся, и я вспомнил, как мы трое оказались здесь: за несколько дней пребывания на курорте нам наскучило катание на лыжах и посещение сауны, и Тин-Тин уговорила меня и Джейреми прогуляться по местной довольно

живописной деревушке. Моя сестра, как всегда, горела желанием «найти что-нибудь странное и сфотографировать», поэтому бродили мы достаточно долго, и когда нашли то, что искали, все изрядно вымотались, к тому же поднялся ветер.

Внутри старинного дома было на удивление тепло и сухо, и мы сидели возле стены, обмениваясь впечатлениями от длительной прогулки. Я не помнил, как уснул, но солнце еще не село, значит, я спал недолго.

Перед тем как разбудить Тин-Тин и Джейреми, я решил кое-что проверить. Подойдя к старинному камину, я не удивился, почувствовав легкий запах только что сгоревшей бумаги, и меня не испугало то, что я увидел, смахнув перчаткой еще теплый пепел. Надпись, выточенная легким шрифтом с изящными засечками, гласила: «Thank you all for being with me». На долю секунды ко мне вернулось ощущение тепла, а уши уловили отголосок тонкого серебристого смеха.

Когда мы спускались на дорогу, я немного отстал, чтобы еще раз оглядеть старинный дом снаружи. Джейреми держал Тин-Тин за руку, чтобы она не соскользнула по склону, жестом объяснил им, что отстану и всю дорогу шел чуть поодаль, догнав их только на подходе к лагерю.

Они все еще держались за руки.

Станислав Никишкин ПОСЛЕДНИЙ ЧЕЛОВЕК

«Сегодня 15 мая 2021 года. Я даже не знаю, зачем я пишу это письмо, ведь прочитать его будет некому. Видимо, сейчас это нужно мне самому. Когда ты остаешься в одиночестве, размышлять становится гораздо проще. Я сейчас словно Создатель, совсем один, наедине со своими мыслями. В такой ситуации подобное сравнение меня даже не коробит. Наоборот, я испытываю некий подъем духа. Думаю, именно так можно охарактеризовать мое состояние. После долгих-долгих дней давящей безысходности я наконец почувствовал подъем.

Сегодня я вдохнул воздух, не пользуясь фильтром скафандра. Это удивительное ощущение, а ведь я, как и другие, никогда не думал об этом.

Мой друг Мэтью Свифт, американец, скончался всего несколько часов назад. Совсем недавно я разговаривал с ним, он улыбался, а потом просто упал – и все. Конец...

Непредвиденный вышел финал. Мы все ждали удара из космоса, ядерной войны, пандемии неизвестного вируса, чего-то глобального и мощного, а вместо этого просто начали беспорядочно умирать. Мы стремились познать космос, но не успели полностью изучить самих себя. Никто не знает, что произошло. Китай, Мексика, Индия, США, Россия, Европа... абсолютно не связанные между собой люди просто умирали. Первым таким случаям никто не придавал значения, но когда счет пошел на десятки тысяч, все изменилось. Нашу команду ученых-вирусологов в составе десяти человек вывезли в специально развернутый за полярным кругом, на Земле Франца-Иосифа, научно-исследовательский центр. Если в смертях виноват вирус, то холод убил бы его, поэтому и было выбрано именно это место. Перед отправкой мы прошли все виды противовирусной обработки. Нам выдали специальные скафандры, снабженные антибактериологическим фильтром, автоматическим анализатором состава воздуха и прочим оборудованием, которое нам так и не пригодилось. Нас словно готовили к высадке на другой планете, но дело происходило на Земле.

Центр был оснащен всем необходимым, но напрямую с образцами крови либо тканей мы не работали. Нам присылали только результаты анализов и биопсии тканей. Пользовались исключительно электронной почтой. Мы перелопатили горы информации, пытаюсь найти ключ, увидеть закономерность, но

не находили ее. У этих смертей не было ничего общего, за редкими исключениями, которые никак не объединялись в систему. А потом и у нас произошел первый случай... и еще один... Трупы коллег мы выносили из помещения на мороз. Так и оставляли, не снимая с них скафандры. Затем проводили многочасовую обработку помещений. В наших глазах поселилась грусть... нет, это была не грусть, это был страх. Страх перед неизведанным.

Сейчас мне не страшно, я ведь знаю чего ждать.

Очень скоро мы перестали получать почту. А затем и продовольствие. Перестали приходить ответы на наши радиозапросы. Запасы продовольствия на базе были рассчитаны на полгода, мы же здесь пробыли всего два месяца, так что еды пока хватало.

Последних троих мы вынесли с Мэтью вчера. Думали, что у нас есть еще несколько дней... но Мэтью уже нет.

Боже, как приятно дышать....

Мое имя – Игорь Ткачев, и я последний человек на Земле.

Но как же мне хочется верить в то, что это не так...»

Огромное существо, чей рост в три раза превышал рост человека, держало в длинных прозрачных пальцах клочок бумаги, исписанный карандашом.

«Что там?» – раздался вопрос в его мозгу.

«Записка. Посмотри», – так же мысленно ответило оно.

«Это на русском? Не люблю его. Как им удалось выдумать такой язык? Мы же дали им один язык, а они... Передай содержание, а не картинку».

«Готово».

«М-да... Надеюсь, ты не испытываешь жалости».

«Нет, они же простейшие, для этого и были созданы».

«Да, именно так. Обидно, что так ничему и не научились. Но хорошо, что эксперимент вовремя был прерван. Второго Марса нам бы не простили».

«Это точно...»

«Сейчас уберем все – и на обнуление. Мы выполнили свою задачу».

...

«Почему молчишь?»

...

«Передай мне свои чувства!»

«В запросе отказано».

Существо разжало пальцы, и лист бумаги выпал из его руки.

«Мы могли бы научиться у них наслаждаться своим существованием», – внезапно открыло оно мысленный канал.

«Невероятная глупость и полнейшая бессмыслица!!! Единственный смысл в существовании – это выполнение своей задачи, а после – обнуление. А иначе все существование сводится к пустому потреблению ресурсов».

Существо вновь закрыло канал. Посмотрев вверх, оно увидело северное сияние, переливающееся в бесконечно черном небе. Длинные пальцы отключили защитную оболочку. В мозгу зазвучали сигналы предупреждения, а тело под воздействием кислорода начало окисляться. Существо не стало блокировать болевые ощущения, которые сопровождали этот процесс. Впервые оно сделало что-то само. Что-то неверное, но выполненное по своей воле. И впервые испытало неведомое ранее чувство искреннего счастья.

Оно направило в общедоступный информационный канал свои ощущения и вскоре закончило свое существование.

Родион Кудрин

ВОЛШЕБНАЯ СКРИПКА

Жила-была маленькая девочка по имени Кира. Больше всего на свете она любила играть на скрипке. Каждое утро Кира придумывала новую мелодию и играла ее весь день, не замечая времени. К вечеру девочка открывала окно, из которого музыка звучала так нежно и красиво, что прохожие невольно замедляли шаг. Многие из них останавливались у дома Киры, чтобы насладиться волшебными звуками скрипки.

Вначале люди лишь озадаченно смотрели по сторонам, не в силах понять, что именно заставило их отложить столь важные дела и задержаться. Удивленные взрослые слушали льющуюся из распахнутого окна чарующую музыку и изредка ощущали легкое покалывание в груди. Словно под влиянием упоительных звуков скрипки начинали таять маленькие льдинки в их сердцах. Лишь у детей, стоявших рядом с родителями и слушавших удивительную музыку, в груди было тепло и спокойно. Теперь мальчики и девочки точно знали, что скрипка должна звучать именно так, как сейчас. И это была настоящая музыка, которую детям и их родителям хотелось слушать бесконечно долго.

С каждой новой секундой холодные сердца взрослых медленно оттаивали. Не в силах сдвинуться с места, мужчины и женщины слушали прекрасную музыку, словно зачарованные. Они постепенно вспоминали свое давно забытое детство и уже по-новому смотрели на стоявших рядом детей. Повседневные дела, еще совсем недавно казавшиеся такими важными, теперь вполне могли подождать. Родители с любовью прижимали к себе детей, внезапно вспомнив, что это самое главное из всех неотложных дел.

Кира была счастлива оттого, что ее музыка дарила радость и согревала людские сердца. На душе у девочки всегда было тепло, потому что уже при первых звуках ее скрипки лица людей под окном невольно озарялись восторженными улыбками. А когда музыка стихала, слушатели не сразу расходились по своим делам – они надеялись, что скрипка заиграет вновь. Вместе с прекрасной музыкой люди уносили с собой тепло и доброту, которые еще долго согревали их сердца.

Во время отдыха Кира разговаривала со своей скрипкой, рассказывая ей о том, что новая мелодия очень понравилась всем, кто ее услышал. Инструмент в руках девочки, казалось, слегка подрагивал от восторга, но, конечно, не мог ничего сказать в

ответ. Лишь одна Кира могла слышать едва уловимые звуки радости, которые издавали струны скрипки. Девочке представлялось, что это не просто музыкальный инструмент, сделанный из дерева и металла, а живое существо, которое может не только замечательно играть, но и внимательно слушать. Кира очень любила свою скрипку и считала ее волшебной. Для маленькой девочки скрипка была самой близкой подругой, с которой можно поделиться сокровенными мыслями и чувствами.

Скрипка тоже очень любила Киру. С того дня, когда девочка впервые взяла инструмент в руки, между ними завязалась настоящая дружба. Скрипке особенно нравилось, когда Кира играла на ней или рассказывала о чем-то интересном. Им всегда было хорошо и легко вместе. Сочинять музыку и исполнять ее на радость людям нравилось и Кире, и ее скрипке. От этого и мелодии, которые они придумывали каждый день, были такими проникновенными.

Многие известные музыканты приходили к дому Киры, чтобы послушать ее удивительную музыку. Пока звучала скрипка, они не могли ни думать, ни говорить, ни шевелиться. В эти мгновения была лишь прекрасная музыка – и ничего больше. Только потом, когда скрипка умолкала, музыканты делились своими впечатлениями друг с другом. Они думали, что секрет музыки Киры заключается в ее удивительной скрипке. Многие музыканты завидовали маленькой девочке, которая обладала таким уникальным инструментом. Никто из них даже не догадывался, что скрипка в руках злого или завистливого человека может просто отказать играть.

Однажды известный музыкант, восхищенный прекрасной музыкой, звучавшей из окна, попросил Киру позволить ему сыграть на удивительной скрипке. Девочка согласилась, и молодой скрипач начал играть. Но скрипка не стала помогать ему, и музыка не зазвучала. В воздухе раздавались лишь отрывистые и грубые звуки, которые ничем не напоминали волшебную музыку Киры. Казалось, что скрипка стонет в неверных руках и хочет поскорее вырваться из них. Несколько раз она едва не упала на пол, пытаясь освободиться от того, кто ей не нравился.

Огорченный музыкант с сожалением вернул скрипку Кире и спросил, почему в его руках инструмент не звучит так же красиво, как у нее. Девочка ответила, что скрипка чувствует человека, который берет ее в руки, и помогает только добрым людям с чистым сердцем. Музыкант задумался над этим, а потом признался Кире, что завидовал ей и злился на себя за то, что такая маленькая девочка, как она, может сочинить и сыграть прекрасную музыку, а он – взрослый человек – не может.

Скрипач пообещал Кире, что перестанет завидовать и злиться, а научится быть добрым и отзывчивым к людям. Тогда он и попробует сыграть на ее инструменте еще раз. Кира посмотрела на свою скрипку, словно спрашивая ее, как поступить. В знак согласия струны едва дрогнули под тонкими пальцами девочки, и Кира тотчас успокоила их, прижав к грифу.

Кира была очень доброй девочкой и умела находить красоту во всем, что ее окружало. Она твердо знала, что настоящее чудо всегда прячется от глаз людей и открывается лишь тому, кто проявит доброту и терпение. Там, где другие не замечали ничего особенного, Кира находила красоту и превращала ее в чудесную музыку, а волшебная скрипка помогала девочке дарить людям радость. Кира была счастлива оттого, что каждый день делала мир чуточку добрее. Красивая музыка, словно солнце, согревала все живое вокруг.

Через несколько недель молодой музыкант снова попросил у Киры разрешения сыграть на ее скрипке. Прежде чем доверить ему свой волшебный инструмент, Кира спросила, нет ли сейчас в его душе прежней зависти и злости. Скрипач ответил, что теперь он стал по-настоящему добрым человеком, и скрипка обязательно это почувствует. Взяв в руки волшебную скрипку, музыкант ощутил тепло, которое исходило от инструмента. И музыка зазвучала легко, красиво и проникновенно. Никогда прежде музыканту не удавалось сыграть так хорошо. Волшебная скрипка в руках счастливого скрипача дарила радость и доброту всем, кто слушал эту чудесную музыку.

Кира была рада тому, что на свете стало на одного доброго человека больше, и что теперь музыкант тоже сможет восхищать людей своей музыкой.

Волшебная скрипка вернулась в руки Киры, и вновь зазвучала прекрасная мелодия, чарующая своей гармонией и добротой...

Алина Неборская

ПАРА ДНЕЙ БЕЗ ОДИНОЧЕСТВА

Мороз щипал нос, забирался под широкую куртку, хватал старуху за руки, словно звал за собой куда-то в белоснежную даль, где метель играла снежинками, где облака белым покрывалом застилали небо. До дома – несколько сотен шагов. Он был виден вдалеке. Это тот маленький огонек посреди зимней ночи. Из трубы поднималась вверх белая полоса дыма. Потухшие глаза старухи спокойно глядели вдаль. Рядом с ней стоял мальчик.

– Еще немного, – произнес он.

На вид ему было лет десять. Нахмуренные брови – так всегда делал папа, – мятый шерстяной платок; шуба застегнута только на четыре пуговицы: две отлетели, а пришить уже не доведется. Мальчика звали Карл. И у него были самые добрые глаза, которые только доводилось видеть Рите. Ей оставалось немного. До дома. До тепла. До смерти.

Пару дней назад приходил доктор.

Пару дней назад она встретила в лесу Карла.

Именно тогда он помог ей дойти до дома. И на следующий день.

И сегодня – тоже.

Карл держал вместе с ней санки за одну веревку. Думал – так ей легче. Рита и сама справлялась. Она скрипела старушечьим голосом сказки, придуманные на ходу. Скрипели и ноги ее, и снег под валенками. Рите казалось, что мальчику должны нравиться сказки. Оба, и ребенок, и старушка, искренне верили, что друг для друга делают нечто хорошее.

Так и было.

В санях – нарубленные в лесу дрова да старый топор. Вряд ли за такое старушку погладили бы по головке, да только делать нечего – денег не было, а жить хотелось.

Пару дней назад...

Карл остановился возле калитки, отпустил веревку, пожелал Рите доброй ночи и убежал домой.

– Доброй ночи, – тихо прошамкала старушка, глядя, как он бежит, проваливаясь в снег.

Что происходит, когда человек умирает?

Рита уперлась взглядом в потолок. Потрескивали поленья в печке, за окном шумел ветер, а сон все не шел.

Возможно, через какое-то время после того, как случится то, о чем сказал доктор, кто-нибудь да вспомнит, что в доме номер пять на улице Горького жила баба Рита. Возможно, кто-нибудь спросит, где она. Возможно, ее тело найдут на следующий день, а не через неделю, как Марью Ивановну с другого конца деревни.

А может, только Карл о ней вспомнит.

* * *

Маленькая ладошка прикрыла морщины на лбу старушки. Карл закусил губу, мутные слезы намочили мятый платок, в носу неприятно щекотало.

Возле двери стояли сани с дровами.

Водянистые глаза старушки все так же смотрели в потолок, холодные руки прижимали к груди край одеяла.

Однажды и он так лежал. Мертвый, никому не нужный. Тогда Карл все ждал, что появится кто-то и спасет его, заметенного снегом в той самой чаще, откуда Рита таскала дрова.

Маленькая ладошка таяла, чувствуя самый страшный на свете холод – холод мертвого тела. Снегом рассыпался платок, стеклышками льда отвалились пуговицы, ледяной водой пролились на пол слезы Карла.

Пара дней без одиночества. Пара дней тепла и веселых придуманных сказок.

Всего пара дней. То, что мог бы подарить каждый.

В открытую дверь заглянула соседка, пробежалась по луже на полу, растоптала маленькие льдинки. Подняла крик, рванулась к старому трескучему телефону.

Снег залетал в дом, падал на пол, на потертый коврик у входа, на пружинистую кровать, на красное одеяло; нежно касался морщинистого рта, еле-еле тронутого улыбкой.

Елена Семагина КТО ОТЫЩЕТ ВХОД В СКАЛУ...

Поклонимся мы тому,
Кто отыщет вход в скалу...

Хрут сердито оглянулся на гомонящих девушек. Бегают по полям, расппевают глупые песенки...

Хрустальный смех разлился в воздухе, и совсем рядом пролетела молоденькая красавица. Она оказалась так близко, что Хрут почувствовал легкое колыхание волос и аромат бархатной загорелой кожи, однако сделал вид, что ничего не замечает.

Видимо, озадаченная невниманием, девушка остановилась на расстоянии нескольких шагов, обернулась и замерла, очаровательно склонив головку и наблюдая за Хрутом. Тот видел ее краем глаза, но изо всех сил старался не показывать интереса.

Наконец девушка не выдержала и подошла ближе.

– Отчего ты такой печальный, пастух? – спросила она насмешливым голоском и легонько поводила босой ногой по траве. – Ты всегда сидишь один с таким угрюмым видом, словно злобный дух забрал всю твою радость!

Хрут быстро глянул на нее и тут же отвел взгляд, уставившись на залитое солнцем поле перед собой. По траве размеренно прогуливались овцы. «Злобный дух забрал радость...» Как же! Знал он этих духов, которые являлись во снах, а потом тревожили покой и днем, беззастенчиво пользуясь своей обворожительностью.

– Отправлялась бы ты, куда шла, Рунгерд, – сердито проговорил он. – Не видишь, я делом занят...

– Ах, делом, – она подошла еще ближе, поколебалась немного и села рядом. Легкое платье нежно коснулось травы. – Видимо, овцы разбегутся, едва завидят твою улыбку. Впрочем, им это не грозит. Знаешь, как зовут тебя в селении? Хмурый Хрут!

– А тебя как зовут? Егоза? Сумасбродка? Беги лучше, радуйся со своими подружками. Носиться по полям, напевать глупые песенки – только на это вы и сгодитесь.

– Ах, Хмурый Хрут, да ты еще и притворщик! Тебе же страсть как хочется, чтобы я не уходила! Все в селении замечали, как ты смотришь на меня из-под косматых бровей. А твоя матушка не раз говорила о том, что хорошо бы нашим семьям объединить хозяйства...

– Да тебе лишь бы повеселиться! Какое уж тут... – Хрут изо всех сил пытался заставить голос не дрожать, но тот предательски

срывался. Смотреть за овцами, надо смотреть за овцами. Вон та, крайняя, сейчас, кажется, сбежит... Да какой там, его овцы самые спокойные в мире; непонятно, зачем вообще их пасти!

– Права, конечно, твоя матушка, – продолжала как ни в чем не бывало Рунгерд, задумчиво перебирая пальцами длинные пшеничного цвета волосы. – Хозяйство надо бы расширить. Да только мне по нраву веселые парни, а ты кому нужен, такой угрюмый?

Она явно ждала ответа, но пастух молчал. Тогда девушка зевнула с нарочито скучающим видом и спросила:

– А что это за песенки ты вспоминал?

– Да те, что сейчас ты с девушками пела. В голове крутится и крутится, как муха назойливая.

Рунгерд оставила в покое волосы, слегка отклонилась назад и пристально посмотрела на Хрута. Затем вдруг задорно рассмеялась, обнажив крепкие, так и блестящие на солнце зубы, словно услышала смешную шутку. Потом она встала, без смущения опершись на плечо пастуха, и протянула:

– А я-то думала, что тебя развлекут наши песни! А знаешь что, может быть, ты поступишь, как в них поется? Все равно торчишь здесь целыми днями! Так почему бы не найти вход в скалу?

– О чем ты говоришь? Неужели веришь в эти древние сказки?

– Верю не верю, а ты бы попробовал!

Неожиданно Рунгерд закружилась на месте, раскинув руки, словно изящные белые крылья. Платье ласково обвилось стройное тело, волосы прилипли к покрасневшимся щекам. И полилась песня:

Кто печать в себе хранит,
В жертву дарит аконит*,
После вслед идет за тенью
К полнолунному свеченью.
Там встречает Рюбецаль**,
Гномов подземельный царь,
Там услышит чудеса –
Горных эльфов голоса:
«Поклонимся мы тому,
Кто отыщет вход в скалу...»

В следующее мгновение Рунгерд уже неслась прочь к горному хребту.

* Аконит – в скандинавской мифологии растение, которое выросло на месте гибели бога Тора, победившего ядовитого змея и погибшего от его укусов. (Прим. авт.)

** Рюбецаль – в скандинавской мифологии горный дух-повелитель гномов, обладает даром перевоплощения. (Прим. авт.)

Хрут не заметил, как вскочил на ноги. Он чувствовал, как неистово колотится сердце, как дрожат вспотевшие ладони, а во рту пересохло, словно он весь предыдущий день провел в трактире. Ну и Рунгерд! Кто бы мог подумать, что эта девушка знает такие песни, а теперь еще и скачет по горным дорожкам с невероятной ловкостью. Словно луч света, блеснуло среди черных камней ее платье. Белая птица, горный дух, а не девушка.

Хрут оглянулся на поле, где все так же смиренно паслись овцы, облизнул пересохшие губы. Никуда овцы не денутся! Матушка хотела, чтобы женой Хрута стала Рунгерд, только та никогда в сторону ее угрюмого сына не смотрела, а сейчас вот – рядом села, песни поет... А теперь еще и убежала одна в горы (куда же ее подружки делись?), и он, Хрут, просто не может оставить ее там одну. Конечно, она маленькая сумасбродка, а он никогда еще не оставлял работу, но...

Хрут сердито сплюнул и направился вслед за девушкой, которая уже скрылась из виду. Вскоре он шагал по каменистой дороге, поднимаясь все выше под слепящими лучами солнца. Оно нестерпимо пекло, но далеко на горизонте небо уже выпускало сапфировые перья, воздух сгущался и слегка дрожал. Очевидно, к ночи будет гроза.

Но куда делась эта неугомонная Рунгерд? Не иначе как, действительно, вошла в скалу. Или вон в то огромное дерево, непонятно как выросшее на голом камне. А корни-то... Словно когтистая лапа! А еще и трава какая-то рядом с корнями. И даже вроде бы синее что-то... Никак цветок?

Удивленный пастух подошел ближе. На коре высохшего дерева дрожал небольшой цветок цвета аметиста.

«Аконит», – пронеслось в голове.

Кто печать в себе хранит,
В жертву дарит аконит...

Рука сама потянулась к стебельку.

«Пропела что-то шаловливая девчонка, и вот, пожалуйста, цветок тут как тут, да еще и там, где вырасти никогда не смог бы, – думал Хрут, поднимаясь выше в горы. – Да неужели я буду верить в эти рассказы, что любой смертный может прийти к нужному месту и отыскать потайной вход в недра скалы? Куда же подевалась эта Рунгерд? Ох, найду ее, ответит она за свои шуточки!»

И только он об этом подумал, как рядом раздался заливистый смех. А потом за огромным валуном мелькнуло белое платье.

Недолго думая, пастух ринулся туда, обежал валун и в нерешительности остановился: девушки не было, зато лежал мас-

сивный камень, черный, как уголь. И словно паутина, покрывали его древние руны.

– Рунгерд! – позвал пастух и вздрогнул от того, как чуждо прозвучал его голос. – Рунгерд, – произнес он уже тише и нерешительно усталос на камень.

Отчего-то он знал, что нужно делать. Акони́т лег на черную поверхность и показался особенно ярким. Хрут достал из-за пояса нож, неуверенно покрутил его в руках и спрятал обратно. Нет, не так.

У ног лежал камешек размером с кулак, такого же цвета, как тот, на котором безвинно распростерся цветок. Двигаясь, словно во сне, Хрут поднял его над головой и со всего размаху опустил на цветок. Тотчас тонкое тельце было раздавлено, перемолото в кашу. Алчная поверхность алтаря медленно, со вкусом, впитывала в себя сок растения.

Растерянный пастух выронил орудие казни. Он словно очнулся от тяжелого сна и теперь изумленно осматривался. А мир менялся: словно задышала, ожила скала, задвигались по ней сумрачные тени. Воздух окончательно застыл, все звуки исчезли, уступив место великой тишине. Хрут слышал лишь свое дыхание и гулко бьющееся сердце.

Вот пряткая тень соскользнула со скалы и бросилась ему под ноги, тут же растаяв в солнечном свете, который хоть и помертвел, стал серым, но все-таки пробирался к скале.

И снова Хрут вспомнил:

После вслед идет за тенью
К полнолу́нному свечению.

Что значит – «за тенью»?

Пастух улыбнулся, впервые за очень долгое время: если уж акони́т он нашел, и алтарь, и сумел правильно совершить жертвоприношение, то тени точно приведут куда надо. Вон они, прыгают, будто живые. Куда-то вправо бегут, дальше за скалу, а там, кажется, есть вход в пещеру.

Смело пошел он за теньями, будто вливавшимися в пещеру. Хрут без страха пролез в нее – она оказалась небольшой – и уже не удивился, увидев на стенке изображение полной луны. Хотя нет, не на стенке. Там была маленькая, едва заметная дверь, которую было бы очень сложно найти, если бы не знаки.

Пастух толкнул дверь, и та поддалась с удивительной легкостью. За ней начинался туннель, слишком узкий и низкий для человека, но ведь здесь наверняка обитают гномы и горные эльфы! Так что можно потерпеть неудобства.

Пока Хрут полз на четвереньках по туннелю, он думал о том, как удивительно складывается его судьба. Все произошло так, как напела Рунгерд, и дальше, несомненно, все будет так же. Эх, да у гномов в подземельях несметные сокровища собраны! И уж, конечно, они поделятся с ним, Хрутом. Да как иначе, ведь они должны подчиниться ему – он ведь нашел вход в скалу. Сам Рюбецаль склонит голову перед некогда простым пастухом, которого звали Хмурым Хрутом! Он теперь не будет хмурым, нет, с золотом и воинством подземелий он сможет покинуть селение, ненавистных овец и найти себе достойную пару. И любая с радостью согласится стать его женой. Да хотя бы та же Рунгерд!

Кстати... Хрут остановился, чтобы вытереть пот со лба и немного передохнуть. Сесть ему не удалось, поэтому он лег на живот, содрогнувшись от прикосновения холодного камня, и положил подбородок на руки. Дышать было трудно, воздух с хрипом прорывался через пересохшие губы. Темнота надежно скрывала конец туннеля. Плечи, зажатые с двух сторон, чувствовали скопившуюся влагу.

Кстати, почему Рунгерд сама не пришла сюда? Что ее остановило? А может быть, это ловушка?

Холод отступил, сменившись паническим жаром. Хрут увидел разноцветные снежинки перед глазами, почувствовал, как подпрыгнуло сердце. Может быть, она специально заманила его сюда... Зачем? Неужели она из тех запредельных существ, которые могут обращаться людьми и завлекать ласковыми речами в ловушки?

Но он быстро взял себя в руки. В песне же пелось: «Кто печать в себе хранит...» А что это значит? То, что не каждый может найти в горах цветок и алтарь, и, тем более, не каждому тени укажут путь к двери. А ведь он так быстро все нашел, даже знал каким-то образом, как совершить обряд – не иначе как кто-то невидимый нашептывал ему. Значит, он, Хрут, хранит в себе печать, некий знак, делающий своего владельца достойным золота горных жителей.

Хмурый Хрут облегченно рассмеялся. Ай да пастух! Не прост он, оказывается. Только почему девка так поздно свою песенку вспомнила? Столько лет рядом была, закружила ему голову, а только бегала, резвилась...

Догадка вспыхнула, словно солнце в пасмурный день: да не знала Рунгерд ничего, просто в нужный момент загадочные силы подсказали ей слова заговора. Недаром же она была такой странной, рядом села, завлекала в сети, столько всего сделала, чтобы Тот, кто хранит в себе печать, смог найти вход в скалу!

Хрут пополз дальше. Его рубаха намочла от пота и пещерной влаги, глаза щипало, ладони и колени стерлись до крови, но он упорно полз. Хотя по-прежнему было совершенно темно, ему мерещились впереди блики золотых россыпей. В голове (а казалось, что из самих гор) звучали чудесные песни, которые могли исполнять только горные эльфы. Гномы маршировали перед его взором, признавая своим повелителем.

Но вот действительно стало светлее. Хрут теперь мог различить тусклый блеск влаги на стенах. Появился свет, неуверенный, бледный, словно рожденный молочной луной. И он становился все ярче. Вне сомнений, туннель подходит к концу.

Кто-то рядом засмеялся тихим серебристым голосом. Хрут вздрогнул и остановился. Сначала он никого не заметил, но, приглядевшись, смог увидеть впереди маленьких человечков, не выше двух дюймов. Они были совершенно голые и, насколько Хрут мог судить, женского пола.

Их смех эхом отражался от стенок туннеля. Затем одна из крошечных девушек подбежала к изумленному пастуху, и тот с еще большим удивлением увидел знакомые черты: перед ним была Рунгерд, настоящая Рунгерд, только уменьшенная во много раз, обнаженная, светящаяся все тем же белесым светом.

Девушка плутовски склонила головку и вдруг принялась танцевать, соблазнительно выгибая крошечное тельце и продвигаясь все дальше вглубь туннеля, а с нею вместе закружились и ее подружки. Зачарованный Хрут следовал за ними, уже не чувствуя ни боли, ни усталости. Наоборот, все тело наполнилось легкостью.

Туннель оборвался, уступив место небольшому залу, заполненному алмазным сиянием. Крошечные девушки исчезли, но воздух наполнился шорохом крыльев волшебных существ, запахло истомой и сладострастием. Хрут чувствовал, как прикасаются к нему нежные руки невидимых красавиц. Скоро он стал различать их очертания в дрожащем воздухе: перед ним мелькало то стройное бедро, то тонкие руки, то соблазнительные улыбки. Прохладные пальчики касались его лица, теребили волосы, бежали по груди. Слышался тихий смех и томные вздохи.

А потом у дальней стены зала воздух заискрился яркими молниями, и на том месте возник холм, состоящий из отборных слитков золота.

Хрут уставился на богатства, забыв дышать. Голова закружилась, смех невидимых красавиц превратился в гул, а на языке появился пряный солоноватый привкус. Затем – темнота.

Когда Хрут очнулся, то понял, что все еще находится в пещере. Но теперь не было ни женщин, ни света, ни золота. Все погрузи-

лось во мрак, хотя каким-то чудом пастух еще видел очертания стен. Похоже, сам камень слегка светился.

По сероватым стенам снова, как тогда, за алтарем, задвигались тени. Но они принадлежали не соблазнительным невидимкам. Хрут видел очертания мерзких чудовищ, ходивших по залу.

Он закричал, замахал руками, как бы пытаясь отогнать рой назойливых мух, вскочил, но тут же сел на пол, не в силах устоять на дрожащих подгибающихся ногах. Его лица снова коснулся кто-то невидимый, но теперь это были не сладострастные пальчики, а шершавая когтистая лапа, оставившая на щеке глубокую царапину. Кровь потекла к шее, смешалась с липким потом.

Несколько мгновений Хрут оставался один, слыша лишь собственное хриплое дыхание. Затем кошмар начался снова: черные тени восставали из стен, к несчастному пастуху тянулись когти, а пещера наполнилась тошнотворно-мерзким горьковатым запахом. Какая-то отвратительная морда вынырнула из сумрака прямо перед глазами, и Хрута словно с головы до ног облили крутым кипятком – так окатило его волной ужаса.

Он уже не кричал. Сначала мерзкие демоны подземелий приближались будто бы неуверенно, растягивая сладкие мгновения смакования человеческого страха, а потом накиннулись на пастуха, сдирая одежду вместе с кожей. На том месте, где раньше сверкала золотая грудка, появился огромного роста старик, уродливый настолько, что даже демоны перестали казаться мерзкими. Слово выдолбленное из грубого камня лицо с безобразным крючковатым носом и насмешливыми красными глазками повернулось к несчастному пастуху, а вокруг старика завертелись в бешеном танце маленькие девы с перекошенными от злой страсти лицами. И пока Хрут погружался в черное озеро бесконечной боли, в его ушах все звучал их смешливый напев:

Поклонимся мы тому,
Кто отыщет вход в скалу...

Когда когтистые лапы вырывали из груди Хрута еще бьющееся сердце, все мелькало и мелькало в душном красном воздухе прекрасное лицо Рунгерд...

В ту ночь небо разгневалось. Его раздирали вспышки молний, сотрясали могучие раскаты грома. Люди в своих домах пытались плотнее закутаться, лишь бы не слышать этого небесного хохота, дети прятались под скамьи и там засыпали, свернувшись калачиками, подобно котяткам.

Дом Хельги тоже спал. Она и сама пыталась задремать, но никак не удавалось. И вот, наконец, когда тяжелые веки сомкнулись, ее разбудил сбивчивый стук в дверь.

Некоторое время Хельга лежала, думая, что ей послышалось, что это всего лишь ветка бьется под ветром. Но стук повторился, уже более настойчиво.

Хельга вздохнула, встала и начала одеваться. Кому это вздумалось блуждать по деревне в такую погоду?

Она открыла дверь. На улице под сплошным потоком дождя стояла темная фигура. Снова вспыхнула молния, и Хельга разглядела лицо своей соседки, Уны. Из-под капюшона плаща выбивались темные волосы, змеями облепляющие лицо. Женщина мелко дрожала, наверное, от холода.

– Ох, Уна! – запричитала Хельга, отходя назад и давая неожиданной гостье войти. – Кто же выходит из дому в такую ночь?

Уна закрыла за собой дверь, прислонилась к ней спиной, не сделав дальше ни шагу. Хельга видела, как бледна соседка, как дрожат ее губы, а взгляд безумно блуждает.

Наконец Уна заговорила:

– Я никогда не решилась бы беспокоить тебя, Хельга, тем более такой ночью. Но ты тоже мать, и должна понять меня: Хрут не вернулся.

– Хрут? Так он же испокон веку пасет овец на поле за деревней. Куда он мог пропасть?

– Ах, Хельга, я не знаю. Он ушел рано утром, но к вечеру не вернулся. Овцы разбрелись по всей округе, несколько вернулись в деревню, но Хрута нигде нет. Мужчины вечером пошли искать его, но уже начинался дождь: если и были какие-то следы, то их смыло. Они и так долго искали, вернулись совсем недавно.

– Это ужасно, Уна, но почему же ты пришла ко мне? Хрута здесь нет.

– Я понимаю и прошу прощения за беспокойство, но мне подумалось, что твоя дочь Рунгерд может знать, где мой сын. Мы ведь хотели соединить наши семьи, Хельга. Рунгерд отказывалась, и я не виню ее сейчас, но прошу тебя, помоги: спроси у дочери, не знает ли она, где Хрут.

– Я бы с удовольствием помогла тебе, Уна, но боюсь, не смогу этого сделать. Рунгерд, бедняжка, сильно заболела и сегодня весь день пролежала дома в лихорадке. Она и шагу не могла ступить, не то чтобы видеться с Хрутом.

– В лихорадке? – Уна еще сильнее задрожала. – А я так надеялась...

Снова загремел гром. Словно небо хохотало.

Алина Болото СНЕЖАН

День у Марины не задался с утра: внезапно заболела гриппом уборщица Зинаида, и начальница в четверть девятого позвонила из здравотдела с настойчивым пожеланием болящую подменить. Фельдшера к тому времени уже разбежались по объектам, секретарь еще вчера отпросилась караулить сантехника. Кто крайний? Конечно, литсотрудник! Не начальнице же мыть полы, в самом деле. Да у нее и совещание с девяти!

Выслушав указания начальства, Марина вздохнула, положила на рычаг трубку служебного телефона и посмотрела в окно. Декабрь выдался снежным. За ночь во дворе поликлиники намело сугробы, и теперь дворник и команда санитарок разгребали подходы к зданию. Несмотря на толстый слой снега, лопаты то и дело скрежетали по асфальту, дворник хриплым голосом объяснял, что при таких заносах нужна техника, и при этом кто-то свистел. Что за ерунда?

Марина подошла к окну ближе и на секунду прижала нос к холодному стеклу. Между рамами намело снега: уборщица служебных помещений Зинаида не слишком рьяно относилась к обязанностям и щели осенью не законопатила. Потому и слышимость отличная! Свистит. Но кто или что? Не дворник же, Михалыч, тому уж точно на работе не до свиста!

И тут Марина поняла, что свист доносится не снаружи, а изнутри кабинета. Или из-за стены?

За стеной, в соседнем кабинете, работали две длинноволосые девушки – операторы компьютерного набора поликлиники. Музыка временами оттуда можно было услышать, но свист... А может, они чайник со свистком завели?

Пока Марина раздумывала над природой звука, свист прекратился так же внезапно, как и начался.

Между тем время шло, а работа стояла! А статья-то не дописана, вот закончится у начальницы совещание, она вернется и спросит, чем тут литсотрудник занималась. Полы не мыты, текст не дописан, а Мариночка непонятные посвисты слушала!

Кабинетов в центре санпросвета было три: два маленьких и один большой. И еще отгороженный пластиком кусок поликлинического коридора, где за столом в окружении шкафов сидела секретарь. Тряпки и ведро уборщицы хранились в углу за шкафом.

Только Марина вытащила швабру и ведро, открылась дверь. Бывало, что блуждающие по административному этажу пациенты,

вместо приемной главного врача, заходили в центр санпросвета. Тогда санпросветовцам приходилось им разъяснять, что печати ставят не здесь.

Марина опустила ведро на пол, а швабру перехватила удобнее.

– Что вы ищете? – спросила она у заглянувшего в помещение мужчины в кожаной куртке и черной кроличьей шапке.

Мужчина почему-то обрадовался, вошел и закрыл дверь.

– Вас! – ответил он.

Высокий. Не седой, а белый. Белые волосы, белые брови, белые ресницы, голубого цвета глаза.

«Альбинос?» – подумала Марина.

А вслух сказала:

– Начальница еще на совещании. Вы по какому вопросу?

– По какому вопросу? По личному. Извините, к вам в щель под дверь мой снежан заполз!

– Кто к нам заполз?! – Марина в ужасе осмотрелась и на всякий случай взяла швабру наперевес.

– Снежан. Вы не бойтесь, он редко кусается!

«Оно еще и кусается?! – подумала Марина. – Только этого не хватало!»

– Змея, что ли? – спросила она.

– Не змея, снежан! Он не мог далеко уйти, где-то рядом!

Незнакомец тихонько посвистел, как будто звал собаку, присел на корточки и начал осматривать низ шкафа и плинтус. Марина попятилась. Она ничего не знала о снежанах, но зато помнила, что в пятидесяти метрах от поликлиники находится здание городской психиатрии. Вполне возможно, что альбинос просто промахнулся дверью.

– А давайте мы кого-нибудь позовем, и нам помогут поймать снежана! – предложила она, осторожно продвигаясь к двери.

Незнакомец резко поднялся, и теперь между ним и Мариной оказалась только вытянутая швабра.

– Не надо никого звать! Снежан и так напуган!

«А я нет?» – подумала Марина и сделала еще один, совсем маленький шаг к двери, по-прежнему прикрываясь шваброй.

Но альбинос тоже шагнул назад, и теперь дверь оказалась прямо у него за спиной. Чтобы выйти, надо было протискиваться между шкафом и беловолосым психом.

– На что он похож, этот ваш снежан? – Марина решила сделать вид, что поверила и подождать более удобного момента.

– Проще сказать, на что не похож. Вот эта штука на шкафу совсем на него не похожа!

Он смотрел куда-то вверх, и Марина на секунду оглянулась, чтобы тоже посмотреть на шкаф. И тут же швабра была выбита у нее из рук, а ее саму оттеснили к стене.

– Вы же не собираетесь кричать, правда?

Рука на горле оказалась неожиданно теплой, Марина мгновенно утратила дар речи и только кивнула в знак согласия. Незнакомец не усиливал хватку, он просто внимательно смотрел на жертву льдисто-голубыми глазами, и в то же время второй рукой что-то пытался снять со шкафа.

– Ну вот!

Альбинос поднес к лицу Марины маленькую фарфоровую статуэтку. Ей показалось, что статуэтку, потому что Оно было живым и извивалось в пальцах. Похожее на крошечную белую лисичку. Мелькнули красные бусинки глаз, оскаленная в ярости пасть. Снежан?

– А теперь мы вас оставим. Извините за причиненное беспокойство!

Альбинос отпустил Марину, небрежно сунул снежана во внутренний карман куртки и прошагал к выходу. На мгновение из коридора повеяло холодом, но сквозняк исчез, едва за незнакомцем захлопнулась дверь.

Марина с трудом отклеилась от стены, споткнулась о брошенную швабру, чуть не упала. И тут снаружи раздался пронзительный женский крик, потом еще один. Марина рванулась вперед, распахнула дверь и тоже закричала, потому что лютый холод хлынувшего из коридора снега ожег ей голые ноги. Обутые утром вместо сапог сменные туфли тут же утонули в снегу. Стоя по колено в сугробе, она увидела равномерно засыпанный снегом поликлинический коридор, по которому деловито шагал уходящий незнакомец. Вот он повернул на лестничную клетку и исчез. С полузасыпанного снегом порога на цепочку человеческих следов с ужасом смотрели девушки из табельного отдела.

Человеческих?..

Янь Данко ДОМ ПОДАРКОВ

Проснулся я оттого, что кто-то стащил с моей ноги носок. Ушастое нечто возвышалось надо мной, умильно скаля свои три с половиной зуба. Существо из кошмаров и детских страхов. Мой коллега.

– Ну что уставился? – спросил он, сама невинность, продолжая заталкивать в мой полосатый носок кусочки угля. – Казенные кончились, переходим к личному составу.

– Вот с себя и снимай!

С непоколебимой невинностью гремлин показал мне голые пятки. Да-а-а...

Медленно пробираясь по дому, я сторонился многочисленных коробок, ящиков, мешков, сундуков, чудом избегал столкновения со шкафами, доверху набитыми все тем же добром – подарками для населения земного шара, от чернолицей Африки до снежной Антарктики. Это для вас преддверие Нового года – позитив и сладкие хлопоты, сулящие веселый и вкусный праздник. Для таких, как мы, это толчея и дикая, сносящая с ног суета. Запаковка носков, ответы на письма, олени, не желающие впрягаться в сани, неупокоенные снеговики в ближайшей деревне, бойкот, который устроили елки в соседних лесах... и гости, бесчисленные в своем количестве и разнообразии посетители. Вон, слышали этот звонок?

– Сноубелл, открой.

Я направился к двери. За ней обнаружился какой-то красноносый пропойца с посохом. Рядом – снегобаба в кокошнике, груди навывкат, роскошная, румяная. Стоит, улыбается. И тут красноносый достал початую бутылку и затараторил что-то. Едва различил слово «дружба».

Я отошел. Позвал нашего, который с языками дружит. Он приосанился, улыбнулся, подошел к ним и такой с пафосным видом заявил:

– Водка, матрешка, медведь, балалайка, ура!

– Ура-а-а-а! – крикнули ему в ответ.

И оставили нас в покое. Судя по отдаленному звуку фейерверков из выхлопных труб, больше не вернуться. И все-таки здорověцкие у них сани: на салютной тяге! У нас таких нет.

Наконец я мог исполнить свою мечту: добраться до холодильника. Он был под стать дому: высотой с десяток метров. И все эти метры ломались от шоколадных конфет, мармелада, пудингов,

киндер-сюрпризов, пирожных и тортов «Пражский», поставленных друг на друга. Я разглядел несколько трещин на стеклянных полках. Поморщился.

– Где?! Черт возьми, где хоть кусочек хлеба?! Какая-никакая картошинка! Куриный окорок!

– Все съели, Сноубелл.

– Яичница! Пара кусочков сала!

– И это съели.

– Ну, ушаны, скоро вас есть буду. Так-с! Внимание всем! Объявляю Сноубелльскую премию! Ее получит тот, кто достанет мне жратвы. – Я покосился на собственные ноги. – И носки!

С приближением праздника по дому развесили веревочные лестницы. Все передвигались исключительно по ним. От пола до потолка тянулись бесконечные пирамиды подарков. О кровати и думать не приходилось – ее тоже заняли. Довелось спать на весу. С ножиком, точно пират, я прыгал от коробки к коробке, вскрывая их и проверяя, точно ли в них упаковано то, что написано на этикетках. Наши, они такие: могут и перепутать. Так, в коробке с надписью «фантики от конфет, гранд-коллекция» оказалась бензопила, в коробке с аккуратными буквами «новый айфон» – какая-то мишура, в которую был аккуратно завернут детеныш анаконды. Ох, шутники... Поймаю – напихаю змей за шиворот. Л-ладно, просто налью суперклея в тюбик для зубной пасты. «Момент»!

Последние приготовления неминуемо завершались. Вот уже запакованы бесчисленные подарки, ушастая свита гордо восседает на вершинах гор из коробок, неловко балансируя. Особо досталось Самому: за год он отъел приличную ряху. Теперь-то я понял, в кого ушли все окорока и яичницы. Жаль, навернуться ему все же не суждено: коробочные горы стоят плотно, без мало-мальского зазора. Ох, люди-люди, знали б вы, к чему ведут ваши желания! Хорошо вам – загадывать, надеяться на лучшее. А у нас ваши желания копятяся. Вот здесь вот. С самого начала года.

Зато в конце...

На какое-то время меня объял страх, что ничего не будет. Может, Там что-то нарушится, и все сорвется? Как всегда перед Моментом, трушу и сомневаюсь.

А потом я заметил.

Крохотный ленивый вихрь – словно игрушечный смерч пришел и закрутил снежинки. Смерч рос, опоясывая середину большого зала. Вот уже в него стали проваливаться подарки, на которые он налетел.

И тут началось. Все словно обезумели. Много дней мы жили ради одного часа. Весь год ждали и надеялись на него. Один за другим ушастая братия хватала подарки и со всей дури швыряла в портал! Неизвестно, по каким параметрам, по каким соображениям Оно распределяло подарки, как читало и стирало надписи, у него ведь нет ни рук, ни глаз. Но вы представьте, если б мы сами взялись это развозить!

И я, я в стороне не остался. Схватил верхушку пирамиды и с бешенством, самоотдачей и диким криком кинул коробку в вихрь. В меня словно бес вселился. Одну за другой я хватал коробки, сундуки, ящики, незнамо откуда взятые бочки и спихивал их в жадное жерло. Краем глаза приметил, как мой утренний обидчик, раскрутив мешок над головой, лихо бросил его – все туда же. Как толстяк грузным кунг-фу пнул в портал целую стопку. Дикая смех, вой и крики стояли в доме. Каждый оттягивался по-своему, но всех объединяло то дикое, животное чувство, невероятное, сладостное освобождение. Ради этого стоит жить! И весь год терпеть толчею, растущую с каждым днем. Думать, что придет Новый год, и жители нашей планеты получат свои подарки: кто самолет, кто уголек, кто тортика кусок. И общее, ни с чем не сравнимое счастье охватит Землю. Загорятся елки, полыхнут огоньки, и кипучее узорное небо опрокинется на радостный люд свистящим, ревушим, блестящим дождем фейерверков. Ради этого стоит страдать, голодать, терпеть неудобства и унижения. Для одного мига.

Я застыл, как замороженный, перед вихрем. Он занимал полкомнаты. Кто мог, тащил подарки из других комнат, кто не мог, в изнеможении улегся на полу, наслаждаясь невозможным, необычным простором. Я стоял с подарком в руках. На лбу выступил пот. Уши нервно подергивались.

– Кажется, это последний, – шепнул я.

Как следует размахнувшись, забросил в портал коробку и повернулся, чтобы уйти. Но вдруг получил удар: другая коробка с ускорением вылетела из вихря и сбила меня с ног. Мы покатались вместе, и катились бы до горизонта, если б не утренний монстр, остановивший меня лапой.

– По-моему, это тебе, Сноубелл.

– Ч-что? – от неожиданности я стал заикаться. – М-мне подарок?

– Давай, открывай скорее. Ты что, не хочешь узнать, что там?

Взясь со скотчем, картоном и лентами, я вдруг ощутил необъяснимую радость. Одно дело – когда чужое распаковываешь, а совсем другое – когда свое. Особенно если не надо дрючить Службу гремлинов за то, что они положили туда анаконду. Осо-

бенно если время не поджимает. Особенно если тебя окружили друзья и весело кричат хором:

– Давай! Давай! Давай!

Наконец я справился с коробкой. Выдернул начинку, посмотрел на нее и замер.

– Но это же... это...

В моих руках оказалась красная шапка с помпоном и белая накладная борода. Народ стоял, так и разинув рты. У кого тридцать зубов, у кого три с половиной. Никто из наших не мог предположить, да и смириться с моим неожиданным повышением.

И все же нашелся тот ушан, который ободряюще хлопнул меня по плечу и шепнул:

– Надевай. Теперь ты – Санта!

Игорь Мосунов
НАВСТРЕЧУ

Посвящается Яну Бжехве и Стивену Кингу

В последнее время пан Клякса был сильно озабочен. После обеда он куда-то уходил, не говоря ни слова своим ученикам. Возвращался всегда задумчивый и рассеянный, путал их имена, а однажды приготовил на ужин торт из копченой рыбы. Ученики понимали, что происходит что-то нехорошее, непривычное, но не решались заговорить с профессором первыми. И тогда первым заговорил пан Клякса.

Как-то после ужина в спальню к мальчикам влетел Матеуш и сообщил, что профессор зовет к себе Адама, Артура и Альберта. Трое учеников поспешили в кабинет пана Кляксы. Профессор был взволнован, но в его глазах читалась твердая решимость. Он велел своим подопечным сесть на диван, сам расположился в кресле и начал разговор:

– Я позвал вас троих потому, что вы – мои лучшие ученики, и вместе нам предстоит решить нелегкую задачу.

– Мы отправляемся в путешествие? – осторожно спросил Альберт.

– И да, и нет, – ответил учитель. – Мы отправляемся в сказку.

– Что же здесь особенного? – выразил недоумение Артур. – Мы ведь не раз бывали в сказках.

– Я не совсем точно выразился. – Профессор понизил голос и продолжил: – Это не сказка, это взрослый роман.

– Взрослый роман? – удивился Адам. – Но что мы будем делать во взрослом романе? И кто нас там ждет?

Профессор встал и зашагал по кабинету.

– Ты прав, нас там никто не ждет. И все-таки мы туда отправимся. Я чувствую, что нужно вмешаться, не то станет совсем худо. А сейчас возвращайтесь в спальню, соберите все необходимое в дорогу и ложитесь спать. Выходим завтра на рассвете.

Ученики встали, пожелали учителю спокойной ночи и покинули кабинет. Последним выходил Адам. Профессор поманил его пальцем и прошептал что-то на ушко. Адам кивнул и побежал догонять остальных.

Спальня гудела, как улей. Все гадали, в какой же роман собирается отправиться профессор и зачем вообще понадобилось идти в какой-то роман да еще и вмешиваться в ход событий. Внезапно шум смолк. На пороге стоял пан Клякса с Матеушем на плече.

– Во всем слушайте Матеуша и не пропускайте занятий, – тихим голосом обратился к ученикам профессор. – Я надеюсь, что мы скоро вернемся. Пожелайте нам удачи.

– Удачи! – крикнули ученики.

– А теперь спать, – улыбнулся пан Клякса, выключил свет и вышел.

Адам, Артур и Альберт проснулись, когда все остальные еще спали. Их осторожно разбудил Матеуш. Ученики быстро собрались, умылись, надели рюкзаки, уложенные накануне, и поспешили к выходу. Профессор уже ждал их на крыльце. Он тоже был с рюкзаком.

– Доброе утро, – поздоровался он. – А теперь идите за мной.

Пан Клякса повел их в парк, к каменной стене, где находились железные двери, ведущие в сказки. Ученики не были здесь уже две недели. Стена потрескалась и потемнела. Профессор остановился, обернулся и заговорил таинственным голосом:

– Недавно в этой стене появилась новая дверь. Я каждый день прихожу сюда и наблюдаю за ней. Дверь увеличивается. Она и ведет в тот самый роман, в который мы отправимся. Если мы не вмешаемся, то в один прекрасный день эта дверь займет всю стену и вытеснит все сказки.

– Профессор, объясните: что это за роман, о чем он? – спросил Артур.

Пан Клякса потрепал его по голове и ответил:

– Это роман о безумии, мальчики. Мы с вами должны остановить безумие. – Затем он обратился к Адаму: – Ты не забыл взять то, о чем я просил тебя вчера?

– Не беспокойтесь, пан профессор, не забыл, – Адам похлопал по своему рюкзаку.

– Хорошо, тогда пошли.

Пан Клякса повел учеников в дальний конец стены и остановился возле большой черной двери. Надпись на ней гласила:

СТИВЕН КИНГ. «ТЕМНАЯ БАШНЯ»

Профессор достал из кармана серебряный ключ, открывающий любые двери, повернул его и открыл тяжелую дверь. Из-за двери на путешественников пахнуло жарой. Перед ними расстилалась пустыня.

«Человек в черном пытался укрыться в пустыне, а стрелок преследовал его».*

Пан Клякса и ученики ступили на твердый сланец и зашагали вглубь пустыни. День только начинался, и солнце было еще высоко.

* Строка из романа С. Кинга «Стрелок». (Прим. авт.)

– Нам далеко идти? – спросил Альберт.
– Мы должны найти заброшенную хижину. Там мы сможем укрыться от жары, – ответил пан Клякса. – Далеко заходить мы не можем: здесь очень опасно. Найдем хижину и будем их ждать.

– Их? – Адам вопросительно посмотрел на профессора.
– Да, их. Я имею в виду человека в черном и стрелка. Я должен с ними побеседовать.

– Они живут в этой пустыне? Что они здесь делают?
– Нет, мальчики, они путешествуют по разным мирам, иногда их пути сходятся, иногда расходятся на долгое время. Но в ближайšie дни они должны пройти здесь – мимо хижины. Там мы и будем их ждать. И старайтесь поменьше болтать в их присутствии, а лучше вообще молчите.

Спутники увидели хижину ближе к обеду и поспешили к ней. Рядом была конюшня, вернее, то, что от нее осталось. Они зашли в хижину и уселись на солому. Солнце поднималось все выше, и все уже изрядно устали. Подкрепившись, путешественники уснули и не заметили, как наступил вечер. Их разбудил мягкий вкрадчивый голос:

– Кто вы такие и что вам здесь нужно?

Это был человек в черном. Он стоял на пороге, одетый в сутану с поднятым капюшоном, его глаза светились в темноте белым светом. Профессор и ученики поднялись и поклонились.

– Я профессор пан Клякса, а это – мои ученики: Адам, Альберт и Артур. Мы путешествуем.

– Нехорошее вы выбрали место для путешествия, – проворчал человек в черном.

– Да мы и сами не рады, что зашли сюда, – вздохнул пан Клякса. – Переночуем и утром же уберемся прочь.

– Сэр, разделите с нами трапезу, – пригласил гостя Адам.

– Да-да, мы вас очень просим, – приятным голосом поддержал Адама профессор. – У нас есть жареное мясо, вино, сыр, овощи, сладкие булочки.

Человек в черном недоверчиво посмотрел на гостеприимных путешественников, снял капюшон с головы и промолвил:

– Что ж, будь по-вашему, да и с дороги надо отдохнуть, приотмился я малость.

– Вот и хорошо, – кивнул профессор, и мальчики стали выкладывать продукты на скатерть, постеленную прямо на соломе.

Когда «стол» был накрыт, пан Клякса налил по кружке вина себе и гостю, ученикам – лимонад, потом легонько толкнул плечом человека в черном и спросил:

– За что выпьем?

– За удачу! – оскалился тот и засмеялся.

Выпили, закусили мясом и овощами.

– Кто вы и куда путь держите? – начал беседу профессор.

– Я – человек в черном, иду по важному делу. – Тут он наклонился к пану Кляксе и зашептал ему на ухо: – Заманиваю в ловушку стрелка, будь он неладен.

– Выходит, вы здесь важная персона?

– А то! – Человек в черном выпил вторую кружку вина, отведал сыра и продолжил: – Я все здесь знаю, каждый кустик, каждую травинку. – Он опять наклонился к уху профессора и зашептал: – Я даже знаю, где находится Темная Башня. Только я никому не скажу, – он злобно захихикал, подцепил ножом большой кусок жареного мяса, отправил его в рот и принялся с удовольствием жевать.

– А стрелок? – спросил профессор. – Что если он заставит вас рассказать о Темной Башне?

– Да ни в жисть! Я его вокруг пальца обведу. Этот стрелок – простофиля. А ежели чего, то можно и бес-траву применить. – Гость стал серьезным и снова зашептал: – Зажигашь бес-траву, а в ее пламени демоны пляшут. Посмотрел на них, и считай – проиграл! Твоя душа у меня в кармане.

Человек в черном откинулся на стену хижины, вытер тыльной стороной ладони жирный рот и зевнул.

– Ловко, – пан Клякса притворился удивленным.

Он еще о чем-то хотел спросить у гостя, но тот надвинул капюшон на глаза и захрапел. Профессор с учениками убрали еду и тоже улеглись спать.

Когда они проснулись, человек в черном уже отбыл. Путешественники вышли в пустыню, побродили вокруг и, не найдя ничего интересного, вернулись в хижину, где хоть и было сыро, но все же царила спасительная прохлада. А снаружи начиналась страшная жара.

Стрелок изнемогал от жары, но не подавал вида. Держался он прямо и уверенно, шел, постоянно всматриваясь вдаль. На бедрах в такт шагам покачивались револьверы.

«Он где-то рядом, – думал стрелок, – где-то совсем рядом».

Увидев хижину, стрелок ускорил шаг.

«Пожалуй, передохну», – подумал он.

Стрелок тихонько вошел, сел возле спутников и закурил. Пан Клякса, заметив его, вздрогнул.

– Вы – стрелок?

– Он самый, – нехотя ответил тот и тоже спросил: – Когда он ушел?

– Либо ночью, либо на рассвете, – предположил профессор.

– Мы спали. Проснулись, а его уже нет.

Стрелок расслабился, вытянул ноги и прислонился к стене. Пан Клякса встал и представился:

– Я – профессор пан Клякса, а это – мои ученики: Адам, Артур и Альберт. Мы путешествуем.

Стрелок приподнял шляпу со словами:

– Роланд Дискейн, последний из ордена стрелков.

– А мы как раз собирались пообедать, – засуетился пан Клякса.

– Обедайте без меня, – заявил стрелок, – я немного отдохну – и в путь. Человек в черном совсем близко, я это чувствую.

– Куда вам спешить? – стал уговаривать его профессор. – Солнце еще высоко, а человек в черном никуда не денется. Да-леко ему не уйти. Вы его в два счета настигнете.

– И то правда, – согласился стрелок, – от меня не уйдешь.

Мальчики стали раскладывать еду на скатерти, а пан Клякса разливал напитки. Налил две кружки вина и одну протянул Роланду Дискейну.

– За Темную Башню! – произнес тост стрелок и залпом выпил вино. Потом неторопливо взял кусок мяса, положил в рот и стал медленно пережевывать, наслаждаясь его вкусом.

– Так значит, вы ищете Темную Башню? – спросил профессор.

– Да! – уверенно ответил стрелок. – И я найду ее! Тогда все встанет на свои места.

– А что потом? – осторожно поинтересовался пан Клякса. – Что станете делать потом?

– Еще не знаю, – неопределенно ответил Роланд. – Устроюсь куда-нибудь на работу, женюсь, детишек заведу.

– Хорошее дело, – закивал профессор. – А то давайте к нам в академию, пристроим кем-нибудь. У нас весело и интересно.

Стрелок усмехнулся:

– Сначала я должен отыскать Темную Башню. Такова моя цель, таково мое предназначение.

– Так, так... А человек в черном? Не боитесь его?

– А это видали? – Роланд выхватил револьверы и направил их на воображаемую цель. – Стреляю без промаха. И ведь какой негодяй этот человек в черном! Он может сказать вам, что пойдет направо, а сам отправится налево.

– Ай-яй-яй! – покачал головой пан Клякса, а вслед за ним и ученики.

– Да! – кивнул стрелок. – Но ничего, я его все равно поймаю, и он мне все расскажет.

– А ну как Темной Башни вовсе не существует? – ляпнул Альберт.

Профессор с укоризной посмотрел на него. Роланд легонько надвинул Альберту шляпу на глаза и задумчиво произнес:

– Нет, малыш, существует. Предание гласит.

Наступил вечер, стемнело. Стрелок попрощался с путешественниками, принял от них еду и питье в дорогу и зашагал по следу человека в черном. Он шел прямо и уверенно, постоянно всматриваясь вдаль. На бедрах в такт шагам покачивались револьверы.

– Вот так они и ходят друг за другом, – пояснил пан Клякса ученикам. – Тлен это все и мишура.

– А чем заканчивается этот роман? – спросил Адам.

– В том-то и дело, что ничем, – ответил профессор. – Книга завершается первой строчкой, и все опять идет по кругу. Поэтому мы здесь. Мы должны закончить этот роман, закончить раз и навсегда.

– Но почему дверь в стене увеличивается?

– Она увеличивается, мальчики, потому что этот роман находит все больше почитателей. Люди увлечены алогичными поступками, неоправданной жестокостью, мистикой. Они перестали читать сказки, верить в доброе и светлое. Пришло время, когда людям необходимо помочь. Этот наш долг. А сейчас берите одеяло, кружки, и идем на воздух. Адам, а ты захвати то, что я тебе велел взять в академии.

Адам достал из рюкзака бутылку какой-то жидкости и поспешил вслед за остальными прочь из хижины. Стояла теплая ночь, в небе были видны тусклые звезды.

– Расстелите одеяло, садитесь в кружок и возьмите по кружке, – скомандовал пан Клякса.

Когда все уселись на одеяло, профессор открыл таинственную бутылку и стал наливать всем по полной. Альберт попробовал языком и скривился:

– Это что, алкоголь?

Адам и Артур тоже стали пробовать жидкость на язык.

– Да, мальчики, это алкоголь. Абрикотин. Волшебный напиток. Я против того, чтобы детям давали спиртные напитки, но сегодня можно. Необходимо освободить сознание.

Профессор подал знак, и все выпили.

Пан Клякса посидел, подумал, прислушался к своему разуму. «Мало, – решил он. – Надо выпить еще».

Выпили еще по кружке.

– Теперь в самый раз. Возьмитесь за руки, друзья мои, и думайте только о хорошем. Мы должны помочь людям, должны закончить этот бестолковый роман. Думайте о хорошем...

Профессор и ученики взялись за руки и образовали магический круг. Единое целое. Их тела ощутили воздушную легкость, а мысли свободно перетекали от одного к другому, усиливаясь

и нарастая... Вот Адам отдает бездомной собаке свой завтрак, гладит ее, а собака заглядывает ему в глаза... Альберт купается в море, внезапно его накрывает волной, он захлебывается и тонет. Но чья-то сильная рука хватает его и вырывает из морских объятий. Он на берегу, он спасен... Тихая улица. Артур еще совсем ребенок. Он играет с мячом у края трибуары. Мяч катится на проезжую часть, Артур бежит за ним. Из-за поворота неожиданно выезжает машина. Визг тормозов, крики. В последний момент водитель сворачивает в сторону, врезается в дерево и разбивается насмерть, чтобы не убить ребенка. «Разве смерть – это хорошо?» – мысленно спрашивает Артур. «Иногда да, – отвечает профессор. – Этот человек поступил очень мужественно, он пожертвовал собой ради твоей жизни. И ты не зря об этом вспомнил...» Пан Клякса вспоминает свою первую любовь, цветы, признания, окрыленность, ощущение того, что ты можешь все... Постепенно образы расплываются... Луч солнца... Букашка ползет по руке, а ты смотришь на нее и улыбаешься... Первый крик новорожденного... Облака в небе... Теплый дождь... Голос матери... Смех... Рождество, елка, подарки... Светлые сны... Звезды...

Высоко в небе вспыхнула звезда. Она начала двигаться с востока на запад.

Роланд Дискейн вдруг почувствовал непреодолимую грусть. Он остановился и простоял на одном месте несколько минут. В его сердце происходило какое-то неясное движение.

Человек в черном снял капюшон, посмотрел на звезды и замедлил шаг. Одна звезда двигалась. Он глядел на нее как зачарованный. Затем не спеша обернулся и посмотрел в то место, где находился стрелок. Их разделяло несколько десятков миль, но человек в черном увидел его. Увидел сердцем. Нерешительно сделал шаг, потом другой, третий. Впервые они пошли навстречу друг другу.

Звезда наконец остановилась и вспыхнула с новой силой. Это была Вифлеемская звезда. Где-то в пустыне заплакал младенец. Стрелок и человек в черном поспешили на плач...

– Пожалуй, не стоило мне мешать вино с абрикотином, – сказал пан Клякса у двери с надписью: «Стивен Кинг. Темная башня».

Ученики пожали плечами.

На следующий день профессор по обыкновению прогуливался после обеда в парке. Первым делом он решил взглянуть на каменную стену, в которой располагались двери в сказки. Дойдя до конца стены, пан Клякса удовлетворенно вздохнул. Дверь в роман исчезла, а на ее месте вился молодой зеленый плющ.

Елена Резникова
МЕСТЬ ВЕЛИКОГО И МОГУЧЕГО

Эта история произошла на самом деле. А может быть, и не на самом деле. А может быть, и вовсе не произошла. Но если так и будет продолжаться, обязательно произойдет.

Мария Ивановна, учительница русского языка и литературы, была вне себя от возмущения. Ей случайно пришлось услышать разговор двух ее учениц. Она, конечно, знала, что молодежь разговаривает на своем «языке», чтобы чем-то отличаться от взрослых, но этот язык был НАСТОЛЬКО далек от того, чему она учила, что она была поражена несказанно. Ей сразу припомнились слова Тургенева о русском языке. О великом, могучем, правдивом и свободном русском языке!

«Но не настолько же свободном!» – возмущенно думала Мария Ивановна.

И тут же на память ей пришли слова Паустовского: «С русским языком можно творить чудеса».

«Да уж... – подумала учительница. – Уже таких чудес натворили с ним, что порой думаешь: а вообще-то, мы на русском языке разговариваем?! Бедный русский язык! Сколько же можно это терпеть?! Ведь любому терпению когда-нибудь приходит конец!»

И она оказалась права. Он пришел.

Две подружки-выпускницы стояли у подъезда и обсуждали сегодняшние события:

– Прикинь! На меня сегодня один чувак наезжал. Предлагал замутить вечером.

– По чесноку?

– По чесноку. Он еще толкал, что у него тачка клевая и бабок много.

– Да сто пудов, он тебе по ушам ездил! Точняк, лошара какой-нибудь!

– Да я сразу врубилась. Сказала, что родаки не отпустят и тича обещала прийти!

– Отпад!

– Ну, пока, чмоки-чмоки!

Не успели они замолчать, как начало твориться что-то ужасное. Вокруг внезапно потемнело. Воздух стал мутным, словно кто-то размешал его огромной ложкой вместе с песком и соком чеснока. Стало трудно дышать. Прямо на девушек по тротуару наезжало непонятное существо: огромный четырехногий скелет,

кости которого были видны сквозь мутноватые полупрозрачные шары, нанизанные на кости, как бусы. Вместо головы у него была стопудовая гиря. Под ее ручкой на ниточках висели и вращались в разные стороны шары-глаза, а в середине была пасть, похожая на шар-дыру. Когда скелет поднимал копыта, был слышен странный звук – «чувак... чувак», – словно он вытаскивал ноги из полужидкой липкой грязи. Впереди себя это чудо-юдо толкало двухколесную тачку, в которой одна на другой сидели старушки, держа в руках пучки чеснока. Старушки хохотали во все горло и кричали:

– По чесноку! По чесноку!

Девушки сначала замерли от страха, а потом стали пятиться к двери подъезда. И тут, словно с того света, раздался голос:

– По-стой-те! Это же я-а-а-а – ваш чувак-лошара! Я при-вез тач-ку и мно-го ба-бок! Я хо-чу за-му-тить с ва-ми и по-ез-дить вам по ушам!

В это время из-за тачки выползли две какие-то массы, которые постоянно меняли свои очертания: они то становились похожими на людей (мужчину и женщину), то распадались на серо-бурые шары, издавая при этом «чмок, чмок». И все это приближалось к девушкам.

Подружки закричали от ужаса и бросились в подъезд. А вдогонку им несло:

– Куда же вы?! Это же мы – ваши родаки! Мы идем домой ждть тичу!

Мария Ивановна, учительница русского языка и литературы, видевшая все это из окна своей квартиры, усмехнулась и сказала:

– Это – только начало! То ли еще будет!!!

Александр Калинин

ДРАКОНОВЫЕ МЕТОДЫ

Рыцарь Ангстрем спешил перед огромной пещерой, освещенной изнутри колдовским светом. В ней герою предстала удручающая картина.

Наследная принцесса Доминика сидела, словно приклеенная, за партой посередине пещеры. Над девушкой нависла грозовая туча, которая потрескивала и плевалась снопами искр. А рядом спал ужасающих размеров дракон.

Рыцарь обнажил меч.

– Иду на ты, – изрек он древнюю формулу, которая разнеслась гулким эхом под высокими сводами.

Но огромная рептилия, не открывая глаз, лишь вяло поинтересовалась:

– Ты нападешь на безоружного?

– Какой же ты безоружный? – разразился праведным гневом герой. – У тебя острые когти, здоровенные зубы, смертоносное дыхание. Да ты можешь просто раздавить меня своим весом! И не смей тыкать благородному рыцарю Ангстрему!

– Да ну? – чудище приоткрыло из любопытства один глаз.

– Кажется, первым тыкать начали вы. Даже меч достали для продолжения такого общения. И в зубы вам, кстати, я тоже не заглядывал. Хоть уверен, что дыхание будет не свежее. Все то, что вы перечислили, дано мне от рождения природой. Потому, согласно вашему же рыцарскому кодексу, попрошу нападать, используя лишь собственные зубы и ногти, – зеленокожий насмешливо глянул на рыцаря.

Доминика пыталась докричаться до Ангстрема, но колдовство глушило ее голос. А тот мялся перед самым носом дракона, так и не решаясь ударить.

Далее произошло то же самое, что и в прошлые разы. Доминика лишь в бессилии сжимала зубы. Дракон отказался нападать на рыцаря, а тот не мог зарубить безоружную тварь. И пробраться к девушке не мог, тем более в доспехах – туча не позволяла. Электростатические разряды вновь и вновь отбрасывали его. От отчаяния Ангстрем чуть не закололся мечом, но дракон посоветовал тому более благородную смерть – броситься вниз с края мира.

И рыцарь ускакал.

Принцесса, не выдержав этого спектакля, снова разразилась потоком брани:

– Изверг! Безжалостное животное! Чудовище! Это был лучший из лучших! А ты его, как остальных, отправил на верную погибель!

Дракон прекрасно слышал ее сквозь незримый колдовской экран.

– Принцесса, да ладно вам! – скривился он. – В который раз повторяю: планета имеет форму шара, и ни с какого края ваши рыцари не бросятся. Объедут вокруг и доказательства принесут. А вы как раз успеете сдать мне экзамены, подданным глобус смастерите для пущей убедительности. Если, конечно, не хотите, как предыдущая принцесса, десять лет учиться.

– Да ты что! – ужаснулась принцесса. – Через десять лет мне будет четверть века! Столько не живут!

– Ага. И по биологии надо поднатаскать. – Зеленокожий прикинул в уме. – Этак через дюжину лет только.

– Нет, нет! – замотала головой принцесса. – Я вас внимательно слушаю! Обучайте!

– Трижды два в квадрате?

– Двенадцать! – Доминика вздохнула и заявила: – Вот сдам экзамены, вы меня отпустите, а я подданных не стану просвещать, плюс отменю этот рыцарский кодекс дурацкий!

– Только попробуйте. Снова выкраду. И заставлю учить высшую математику. Поверьте, вам не понравится. Вот, к примеру, принцесса Кентаврийская показательные деревни мне строит. Говорю: брось эту бутафорщину, ты благосостояние всего народа подними. Но нет. Чувствую, придется повторно в науку брать. Еще на десяток лет.

Принцесса начала прилежно выводить пером сочинение на тему «Почему происходит смена дня и ночи». Взглянула на дракона и буркнула:

– Зачем вам все это?

– Как зачем, юное создание? Работа у меня такая тяжелая – быть прогрессором. Вы ведь – местная знать, значит, должны много знать. А со знанием, вероятно, придет и умение. Тогда можно будет вступить с вами в контакт. И вы наречете меня наконец братом по разуму.

Людмила Чернышенко МАШИНА ВРЕМЕНИ

Заведующий лабораторией Теории Времени обобщил отчеты сотрудников и, написав в сводном отчете: «За истекший период получены новые данные, подтверждающие представление о том, что Время течет», понес отчет директору.

А я встретила заведующего в коридоре.

– Я изобрела Машину Времени, – сказала я.

– Ну и что? Изобретательство – не наша работа. Изобретательством занимается лаборатория Изобретения Времени.

– Так ведь внедрим в производство!

– Внедрением занимается лаборатория Внедрения Времени, – начиная раздражаться, возразил заведующий. – Но они и говорить с вами не захотят. Они сейчас заняты внедрением часов, у которых стрелки идут в обратном направлении. Очень важное изобретение! Одна фракция Верховной Рады им уже заинтересовалась. А для вашей машины никто даже опытный экземпляр изготавливать не станет.

– Опытный экземпляр я уже изготовила. Вот он, – я вынула из сумочки свою Машину Времени, похожую на коробок спичек, только с кнопкой. – Возьмите.

Я протянула заведующему коробочку. Тот, пренебрежительно сморщив нос, взял, повертел и – машинально – нажал на кнопку. И мгновенно исчез.

«Туда ему и дорога, – подумала я. – Теперь заведующей назначат меня».

Александра Хохлова
ПЛАНЕТА ЛОВУШЕК

После двухнедельного пребывания на безымянной планете из экипажа звездолета «Пушкин» в живых осталось только два человека. Остальные пропали без вести, навсегда исчезли в попытке прорваться через враждебную территорию к кораблю третьей погибшей здесь научной экспедиции.

– Дима, будь внимательным и осторожным, – напутствовал молодого коллегу помощник капитана. – Иди кратчайшей дорогой к центру, а дальше ориентируешься по ситуации. Я тебя инструктировал, какие районы лучше обходить стороной?

– Так точно.

– Береги аптечку! Очки часто не надевай, а то мозги потекут. И самое главное, запомни, ни на что не соглашайся и никому не верь.

– Я не подведу вас, Плутарх Аристархович.

«Эх, если бы ОНИ не отжали у нас вездеход! Если бы мы сразу скачали и прочли отчеты предыдущих экспедиций», – посетовал напоследок Плутарх Аристархович Каминский, тщательно заdraивая люк за ушедшим в город вторым пилотом Дмитрием Устюжиным.

Дима поправил на поясе пистолеты, рацию и аптечку, надел специальные очки и огляделся по сторонам. Космодром ремонтной мастерской, которая якобы приняла сигнал «Пушкина» с просьбой о помощи, предстал ему во всей красе огромного болота, которое потихоньку засасывало корабль. Пилот снял очки. Опять увидел космодром, ангары, электрокары и стоянку такси. Разболелась голова, и Дима, помня, что очками можно пользоваться только непродолжительное время, убрал их в карман и зашагал прочь.

– Эй, шеф! До города подвезти? Недорого.

За Устюжиным медленно ехало вынырнувшее из пустоты такси. Водитель такси, мужчина средних лет, бросал на ляжки пилота плотоядные взгляды и бесстыдно облизывался.

– Проезжай, упырь! – грубо приказал Дима.

– Что, даже очечки не натянешь, чтобы посмотреть, кто я такой? – засмеялся таксист.

– А чего на тебя смотреть? Ты, жлоб членистоногий, еще в отчетах первой экспедиции описан.

– Ну, как знаешь... Хочешь пешком идти – иди. Не я, так другие тебя съедят, дольше мучиться будешь. А я бы тебе только ножки

твои распрекрасные откусил, и все. Лежал бы сейчас, спокойно умирал от кровопоте...

Дима несколько раз выстрелил ему по колесам. Такси ловко отпрыгнуло в сторону.

– Достал!

– Патроны экономай, мазила! – посоветовал пилоту таксист. – А то и до центра не доберешься!

* * *

Дойдя до частного сектора, Дима Устюжин заметил стоящий на обочине вездеход с «Пушкина». Вокруг него суетились гаишники и обсуждали размер штрафа за превышение скорости и поцарапанный асфальт. Пилот упал на землю и быстро пополз в тень заборов.

– Вы что-то обронили?

Перед Дмитрием нарисовалось воздушное создание с лучистым взглядом и ореолом золотых волос, прижимающее к себе какие-то яркие журналы.

– Нет... ничего я не ронял.

– Вы гаишников, наверное, боитесь?

– Ничего я не боюсь!

Дима вскочил на ноги, смущенно отряхивая скафандр от песка.

– Пойдемте! – ласково сказала «златовласка», беря пилота под руку.

– Куда?

– А вон... на лавочку присядем.

– Зачем?

– Смешной какой. Каталог смотреть.

От слова «каталог» у пилота затряслись поджилки. Он попытался вырвать свою руку у «златовласки», но та держала ее с силой сухопутного двустворчатого моллюска, которым на самом деле и являлась.

– Вы... Я знаю, кто вы! – запинаясь, пролепетал Устюжин. – Вы представитель «Эйвон»!

– Мы встречались? – прищурилась «златовласка».

– Вы погубили вторую экспедицию. И нашего капитана.

– Вторая, говоришь... Это в которой одни женщины были?

– Да!

Кинув виновато-вороватый взгляд на гаишников, «златовласка» внезапно подхватила пилота на руки и попыталась затащить его в ближайший двор. Понимая, что жизнь висит на волоске и ему нечего терять, Дмитрий изо всех сил вцепился в доски забора и заорал так, что стекла в домах зазвенели.

– Держись, мужик!

Услышав крики пилота, гаишники спешили ему на «помощь».
– Ты что здесь делаешь, убогая? – спросил один из них у «златовласки». – Твоя территория – это центральные улицы, а перекресток Трудовой и Заводской – наш. Отпусти человечка и отдай нам!

– С каких это делов? Он ведь не на машине! – не согласилась с ними «Эйвон».

– Да нам по барабану, на машине он или нет! Мы как с тобой договаривались? Бабы твои, мужики наши!

– В вездеходе и женщины были! Что же вы меня не позвали?

– Не было в нем женщин. Не сочиняй. Совсем обнаглела! Схавала вторую экспедицию с Земли почти в одно рыло, а теперь нам еще предъявляет!

– А вы не обнаглели? – не уступала им «златовласка». – Вы же никого мимо своего поста не пропускаете! В общем, так, вы мне одну женщину должны – я у вас одного мужчину забираю!

– Мужик, да скажи ей, что не было в вездеходе женщин! – взмолились «гайцы».

Их действительно там не было, но, пытаясь выиграть время, Дмитрий решил подыграть «златовласке».

– Была женщина... – тяжело дыша, сказал он.

Из отчетов погибших экспедиций, которые его заставлял читать Плутарх Аристархович, Дима помнил, что гаишники – это плотоядные растения. Лианы. Они не могут далеко «отходить» от перекрестка, и если «златовласке» удастся увести его от них подальше, то все... он пропал. Остаться с «гайцами» тоже не вариант, съедят, как и ребят из вездехода. Единственный выход – попробовать сравнить всю эту «живность» между собой.

Представитель «Эйвон» аккуратно положила Устюжина на землю и придавила ногой.

– Подержи-ка журнальчики, – попросила она, засовывая каталоги ему за пазуху.

Встав в бойцовскую позу, «златовласка» принялась крутить в воздухе, как нунчаками, своей сумочкой.

– Э-э... чего у тебя там? – с опаской спросил гаишник.

– Пробники, мальчики... пробники.

«Мальчики» приуныли. Видя, что гаишники уже готовы сдать без боя, Дмитрий с тоской завертел головой и заметил переходящую через перекресток цыганскую семью. Из тех же экспедиционных отчетов Устюжин знал о непримиримой вражде между представителями «Эйвон» и цыганами.

– Сюда! Скорей! – хрипло закричал он.

Дважды звать цыган не пришлось, и вскоре на глазах у Димы Устюжина завязалась прямо-таки «дарвиновская борьба», кото-

рую, впрочем, он досматривать не стал, а садами и огородами успешно сбежал с поля битвы.

Как вы, наверное, уже поняли, на самом деле никакого города на этой планете не было, зато водилась разнообразная хищная флора и фауна с неординарными гипнотическими способностями в создании ловушек урбанистического типа.

* * *

Улица все не кончалась и не кончалась. Дмитрий быстро понял, что ходит по кругу: пивная, «чебуречная», сигаретный ларек... интернет-кафе, компьютерный клуб, бутик... пивная, «чебуречная», сигаретный ларек. Притворившись, что собирается купить сигареты, Устюжин резко шагнул назад и нырнул в подворотню.

– Опа! Какие люди!

Пилота со всех сторон угрожающе обступила гопота в синих спортивных костюмах.

– Покурить есть? Нету?.. А если найдем?

«Кто же вы такие?» – Дмитрий надел защитные очки и никого не увидел. Потом догадался посмотреть вниз. У его ног копошились худые длинноносые ежи.

«Точно! Ежи! Как я мог о них забыть? В записях врача первой экспедиции есть пункт о том, что ни в коем случае нельзя есть на этой планете чебуреки, так как их делают из ежей, не вынимая из них иголки, что, естественно, приводит к летальному исходу».

Пнув нескольких ежей, Дима расчистил себе дорогу и пошел вперед. Вслед понесся поток матерной ругани. Устюжин хотел им ответить, но решил не обогащать «ежьиный» лексикон. Много чести! И времени нет. Тем более, что стал звонить мобильник.

Дмитрий поднес трубку к уху.

– Я слушаю.

Приятный женский голос сообщил ему о выгодных условиях нового пакета оплаты услуг мобильной связи. Поздравил с выигрышем в какой-то лотерее. Предложил оформить кредит на покупку трехкомнатной квартиры... купить желтую подводную лодку в рассрочку... Устюжин почти уже на все согласился, но вовремя вспомнил, что никакого мобильника у него нет, а есть только рация!

«Это плесень!» – догадался он и опять надел очки.

Так и есть, серая плесень. Уже начала разъедать руку. Обработав все открытые участки тела спреем из аптечки, Дмитрий поспешил карке в противоположном конце двора. Пройдя под ней, пилот оказался у городской свалки. Значит, до центра уже недалеко.

Устюжин подошел поближе, присмотрелся. Перед ним на боку лежал звездолет «Лермонтов», на котором прилетела вторая

экспедиция, а чуть дальше – остатки «Чехова», а вокруг сотни кораблей неизвестных инопланетных цивилизаций. Грустное зрелище. Ком подкатил к горлу. Дима тяжело вздохнул и вздрогнул, так как услышал позади себя фразу, от которой рука сама потянулась к пистолету.

– А вы верите в бога?

За спиной стояли две бабульки в болоньевых плащах и вязаных беретах. Над их головами сухо потрескивали нимбы.

«Свидетели Иеговы... – пронеслось в голове у пилота. – А на самом деле гигантский спрут, занимающий как бы не полквартала».

– Идите лесом или я буду стрелять, – пригрозил Устюжин бабулькам.

Те заулыбались, совсем его не испугавшись.

– Хотите об этом поговорить? Приходите к нам на собрание.

Отстреливаясь от Свидетелей Иеговы, Дима выскочил на липовую аллею и побежал по ней на центральную площадь. Бабульки настойчиво семенили за ним следом, прикрываясь от пуль тоненькими брошюрками «Сторожевая Башня» какщитами. Внезапно они остановились, настороженно принюхались и сгнули, слившись с тенями от парковых лавочек.

«Что же их так напугало? – подумал Дмитрий. – Или кто?»

Откуда-то сверху раздалось приветливое покашливание.

Дима поднял глаза. Увидел букеты роз, гвоздик, тюльпанов, венки и гирлянды из хвои. Пилот сильно задрал голову и чуть не ослеп. Потом, когда глаза привыкли, он понял, что смотрит снизу вверх на огромный блестящий бронзовый памятник какому-то Вождю. Какому точно, Устюжин не знал, так как по молодости лет в Вождях совсем не разбирался. Вождь подмигнул Диме. Устюжин попятился... попятился... И сломя голову ринулся туда, куда Плутарх Аристархович категорически запретил ему ходить, а именно, в район Красных Фонарей.

* * *

Потеряв терпение и устав гоняться за Димой Устюжиным по всему городу, «живность» организовалась и устроила ему самую настоящую западню. Жрица любви, с которой пилот договорился об интимных услугах в обмен на аптечку, завела его в какую-то комнатуху на седьмом этаже, привязала к кровати и ушла... забивать дверь с другой стороны гвоздями.

К тому времени как Диме удалось освободиться от пут, дом уже был окружен разношерстной толпой, в которой кое-где мелькали знакомые лица: таксиста с космодрома, гопников, бабулек. Устюжин искал глазами представительницу «Эйвон» – самое

симпатичное существо, что попадалось ему за сегодняшний день, но увидел лишь, как неподалеку зажглись костры цыганского табора. Ветер донес с той стороны запах жареных устриц.

Конечно, весь этот шабаш мог порвать Диму, как Тузик грелку, но им надо было сделать из пилота «вкусняшку». Для этого ему в окно закинули, как гранату, радиоприемник. Оказавшись в комнате, радиоприемник запрыгнул на кровать, сам включился и заговорил:

– Дорогого Димочку Устюжина с его последним днем жизни поздравляет бывший друг, коллега и наставник Плутарх Каминский и просит передать ему такие слова: «Пока ты, дурачок зеленый, отвлекал на себя внимание, я спокойно добрался до «Гоголя», корабля третьей экспедиции, и успешно произвел его запуск. Когда ты услышишь эти слова, я буду уже на пути домой, на Землю!» Мы присоединяемся к поздравлениям и от себя хотели бы добавить: «Димка, не томи! Давай, прыгай в окно! А то хуже будет!»

Вот и все... Дима понял, что шансов на спасение у него больше нет.

– Прыгай! Прыгай! – кричала снизу толпа.

Пилот залез на подоконник, зажмурился и приготовился сделать последний в своей жизни шаг, как вдруг заработала рация. Сквозь сильные помехи Дмитрий различил голос Каминского:

«Прыгать только по моей команде! Ты понял меня, Устюжин? Это приказ! Раз... два... три... Пошел!»

Выпрыгнувшего из окна пилота подхватил двухместный челнок с «Гоголя», оставив местное зверье выть в бессильной злобе посреди тающего на глазах города.

* * *

– Как вы меня нашли? – плакал Дима, обнимая и целуя Плутарха Аристарховича.

– Договорился с цыганами, – объяснил Каминский, деликатно убирая руки пилота со своих плеч. – Они за тобой следили и сообщали мне.

– С цыганами?! – не поверил своим ушам Устюжин.

– Да. Цыгане настоящие. Они приспособились к жизни на этой планете и живут тут испокон веков.

– Я не знал.

– Гоголя надо было внимательно читать! – назидательно сказал пилоту Плутарх.

– Не понял...

– Про это написано в отчетах экспедиции с «Гоголя», которые ты не дочитал до конца.

– Плутарх Аристархович, а почему вы не рассказали мне о своем плане? Не доверяли? – с обидой в голосе спросил Дима.
– Думали, что я ИМ проболтаюсь?

Каминский помолчал, пытаясь стереть со скафандра следы бронзовых отпечатков пальцев. Потом ответил:

– Нельзя было рисковать, сынок. Враг хитер и коварен. Ты же видел, какие они все ушлые и телепаты через одного.

Неудачно повернувшись, Плутарх Аристархович застонал от боли в сломанных ребрах.

– Кто это с вами так? Вождь?

– Он самый. Сколько раз зарекался к нему подходить, а вот... не удержался. Ну, ничего, до моей третьей свадьбы, надеюсь, заживет. Покажи-ка мне лучше, что это у тебя за странные волдыри на груди. Надписи, ценники... «Акция... любой продукт по суперцене...» Каталог «Эйвон», что ли?

– Он самый.

– Ага... А ты вообще как себя чувствуешь? – забеспокоился Каминский. – Тебе не хочется, к примеру, губы помадой накрасить, туфли на высоком каблуке надеть, в юбке узкой походить?

– Нет, ничего такого, – испуганно помотал головой Дмитрий, внимательно прислушиваясь к своим ощущениям. – Только вот, знаете... У них там, в каталогах, такие есть кружочки, потрешь их, и они духами пахнут, и День космонавтики уже скоро. Хотел вам подарок сделать, но не знаю, какой аромат выбрать.

– Так, стоп! – прервал его Плутарх Аристархович. – Все ясно. Нам с тобой необходима полная дезинфекция. Идем на карантин. Не хватало еще какую-то заразу домой привезти!

АВТОРЫ О СЕБЕ

Роман Арилин. Родился в 1977 году. Окончил Московский институт электронной техники по направлению «Микроэлектроника». Работаю по специальности уже более пятнадцати лет. Живу в Зеленограде. Блоггер, пишу на профессиональную тематику.

Публикация первого романа (в соавторстве) состоялась в 2008 году. Вернулся к литературному труду в 2015 году.

Участник и призер сетевых конкурсов рассказов на разных площадках («Фантасты», «Фантлаб» и прочие).

Алина Болото. По образованию – медицинский работник.

Первая книжная публикация – рассказ «Убежище» в сборнике «Фэми-Фан» (издательство «Таврия», Симферополь, 1990 год). Последняя книжная публикация – авторский сборник «След Фата-морганы» (издательство «ЛАН-ДОН-XXI», Донецк, 2012 год).

Самое известное произведение – повесть «Тайфун в закрытом секторе», издававшаяся на русском (1992 г.) и украинском (2005 г.) языках.

Владимир Булат. Родился в 1974 году в Запорожье. В 1980 году переехал в Ленинград. Окончил факультет культурологии Санкт-Петербургского института культуры.

Прозаик, эссеист, публицист, историк.

Дмитрий Емельянов. Живу в Пскове. Постоянный участник выдуманных конкурсов писательского и иного мастерства. Лауреат множества самопровозглашенных премий. Неоднократный обладатель восторженных эпитетов в свой адрес.

Юлия Зальцман. Мне 22 года. Работаю на заводе в Ростове-на-Дону инженером-технологом, заканчиваю магистратуру по специальности «Материаловедение и технологии материалов» и обучаюсь дистанционно на курсах профессиональной переподготовки по специальности «Издательское дело и редактирование».

Эта публикация у меня первая. С самого детства я была влюблена в книги и мечтала их писать. Пока все, что у меня есть, это пара-тройка идей, несколько зарисовок и «Пепелище», однако я собираюсь сделать все, что в моих силах, чтобы хотя бы одна из историй, живущих в моей голове, однажды увидела жизнь. Надеюсь, мой рассказ пришелся вам по душе.

Александр Калинин. Как и все: родился, учился, женился, пригодился. Родился в семье военного под Бухарой. Учился в Киевском политехническом институте. Женился на иркутянке. Воспитываем с ней дочку. Пригодился научным сотрудником в области механизации сельского хозяйства. Живу в Василькове.

Раньше нигде не публиковался.

Увлекаюсь игрой на гитаре и фантастикой. Поскольку интернета в детстве еще не было, а домашняя библиотека фантастики была очень быстро перечитана повторно, стал придумывать собственные произведения. Но в этом плане пока нанофантаст (пишу мало). Игреслов. В своем творчестве ориентируюсь на жанры полноприводной фантастики и коверносамолетной фэнтези с юморинками.

Родион Кудрин. Родился в 1976 году в Волжском. В 1999 году с отличием окончил педиатрический факультет Волгоградской медицинской академии. Писатель, физиолог, доктор медицинских наук, профессор кафедры нормальной физиологии, директор центра внешнеэкономической деятельности Волгоградского государственного медицинского университета.

Автор книг: «Интроверт. Выйти из тени», «Образ жизни в киберпространстве», «Легенда о чудо-городе» и других.

Среди основных увлечений помимо литературного творчества — информационные технологии, восточные единоборства.

Персональный сайт: <http://rodion-kudrin.com>

Мария Кулешова. Родилась и живу в Киеве. По первому образованию – эколог, второе высшее – факультет киноискусства.

Увлечлась сочинительством еще в школе, первый серьезный рассказ написала в семнадцать лет.

Предпочитаю читать фэнтези, классику и биографии. Закоренелый кино- и театроман. Являюсь членом труппы самодеятельного театрального коллектива. Автор публикаций в журнале «Я, студент». Увлекаюсь историческим фехтованием.

Елизавета Лещенко. Родилась в 1987 году в Ленинграде, сейчас живу в Таганроге. В 2009 году окончила Таганрогский технологический институт

Южного федерального университета. Всецело посвящаю свое время творческой деятельности и семье.

Сказки и рассказы пишу на русском языке, стихи и песни – также на английском, иногда сочиняю небольшие инструментальные композиции для акустической гитары. Одну из небольших книг, вышедших недавно для интернет-магазинов, оформила собственными рисунками.

В 2016 году мой рассказ «Загадка Дженни» был опубликован в журнале «Чешская Звезда» (Чехия).

Страница на сайте «Проза.ру»: <http://www.proza.ru/avtor/bettelb>

Адрес для связи по вопросам творческого сотрудничества:

elizavetaleshenkova@gmail.com

Полина Матыцына. Родилась и живу в Москве. По окончании школы поступила в Московский университет печати. Сразу после госэкзаменов сдала вступительные в Литературный институт, но проучилась недолго — по семейным обстоятельствам.

Лет в четырнадцать попыталась сочинять. Начинала с переработок старых сказок, а со временем стала придумывать и собственные сюжеты. Сейчас работаю в основном в жанре фэнтези и литературной сказки.

Издан роман «Гостя безымянного города» и несколько рассказов.

Увлекаюсь историческими бальными танцами и скрапбукингом.

Игорь Мосунов. Родился в 1973 году в Кривом Роге. В 1994 году окончил Криворожский филиал Киевского государственного экономического университета. Работал бухгалтером в строительных организациях. В настоящее время – свободный художник. Библиофил.

В 2012–2013 годах был участником проекта «СЛиШ» (Средняя литературная школа) в Кривом Роге, по результатам которого был выпущен коллективный сборник «СЛиШ. Компот», где опубликованы рассказ и стихи. Победитель городских литературных конкурсов «Украина моя цветущая» 2012 и 2015 годов в номинации «Проза». По итогам конкурсов были изданы коллективные сборники «Весна творчества», в которые вошли и мои рассказы. Стихи публиковались в коллективном сборнике «Антракт-2015» (Херсон). В 2014 году выпустил авторский сборник рассказов «Тайная история русской литературы» (Кривой Рог).

Любимый жанр в поэзии – философская лирика, в прозе – мистический реализм, фантасмагория.

Алина Неборская. Окончила Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (Минск). Моя профессия связана с изобразительным искусством. Увлекаюсь музыкой и занимаюсь ей уже достаточно долго.

Хочу дарить людям другой мир, который покажет что-нибудь интересное.

Станислав Никишкин. Родился в 1982 году в Омске. В 2008 году окончил Омский государственный технический университет. Женат. Любимую супругу зовут Ольга. Она же и мой главный критик. Воспитаваю трех детей: двух дочек и сына.

Когда я пишу, то стараюсь, чтобы читатель не просто прочел слова, сложенные в предложения, но и смог представить движущуюся картинку, подобную художественному фильму.

Николай Проценко. Родился в 1937 году в Мурманске, окончил Киевский медицинский институт. Врачевал в Херсоне. Работал в Киеве в Президиуме Академии наук Украины и на научных должностях в институтах биохимии,

гидробиологии, физиологии растений, физики, в Главной астрономической обсерватории, в Киевском госуниверситете им. Т. Г. Шевченко. Живу в Киеве.

Автор публикаций по биохимии, биофизике, генетике, физике жидких кристаллов, кибернетике, космологии, философии, научно-популярных статей, рассказов и стихотворений. Постоянный автор альманаха «Порог-АК».

Елена Резникова. Родилась в Калаче-на-Дону, живу в Волгоградской области. Высшее педагогическое образование (факультет физики Волгоградского пединститута). Проработала в школе 32 года. Сейчас на пенсии.

Публиковалась в профессиональных журналах «Физика», «Физика в школе». Лауреат Всероссийского конкурса сценариев школьных мероприятий.

Сейчас пробую себя в литературном жанре (журнал «Три желания», сборник «Дебют 2016», сайт «Проза.ру»). Моя формула: «Если посмотреть на мир широко открытыми глазами – можно очень многое увидеть!»

Рони Ротэр. Живу в Стерлитамаке. Пишу под псевдонимом, поскольку раскрытие настоящего имени позволяет раскрыться такой стеснительной даме, как я. Родилась в далеком 1974 году, в период, когда увлечение фантастикой было почти повальным. Именно родительская библиотека и затяжные простуды сформировали меня как фантазерку. Человекя самый обычный, ничем не выдающийся. Днем работаю, добывая средства для пропитания обожаемой дочки и любимого кота. А вечерами, увильнув с корабля обыденности, падаю в море фантазий и качаюсь на его волнах до самого утра. Пишу о том, чего не хватает в окружающем меня мире – приключениях и волшебстве.

Василий Севрюк. Я родился в 1989 году в Ленинграде, в связи с чем имею медальку.

В данное время защищаю диссертацию в университете имени Мартина Лютера (Германия) по теме «Изучение селенида висмута (3D топологический изолятор) и наноструктур селенида железа (сверхпроводник) и висмута (2D топологический изолятор) на поверхности селенида висмута с помощью сканирующей туннельной микроскопии».

Занимаюсь сочинением и исполнением музыки. В настоящее время увлекаюсь народной музыкой и музыкой в стиле даб и хаус.

В 2016 году издал свой первый сборник рассказов «Тараканы».

Елена Семагина (псевдоним). Родилась в 1987 году в Симферополе, сейчас живу в городе Саки. Пишу стихи и прозу в жанрах «фантастика», «Фэнтези», «киберпанк». Состою в литературном объединении «Сакские родники», член Союза писателей-маринистов Крыма и Севастополя.

Публиковалась в сборниках и альманахах: «Фанданго», «45 меридиан», «Антология авангарда, психоанализа, психотерапии, психологии», «Сумрачный гений», «Литературный Севастополь», «Фантаскоп» и других.

Участвовала во многих литературных конкурсах и фестивалях, занимала призовые места.

Ирина Соколова. Родилась в Козельске, окончила биохим Калужского государственного университета им. Циолковского. Сейчас живу в Калуге, работаю в компании «Яндекс».

Ранее не публиковалась.

В свободное время сочиняю истории и мастерю украшения из бисера и камней. Люблю покой и котиков, верю в разум и добро.

Владимир Торин. Был найден в чемодане на вокзале в Одессе. Вырос в сиротском приюте мадам Коган на улице Садовой. Сбежал. Стал юнгой на экспедиционном судне «Млечный». Совершил экспедиции к полярным льдам,

в Океанию и в джунгли Бразилии. Удочерил обезьянку по имени Принцесса Бубу. Стал писать заметки. Был участником странствующих театров, играю музыку кабаре, пишу мрачные сказки. Издавал романы в «Эксмо» в соавторстве с Олегом Яковлевым.

Александра Хохлова. Живу в Рубежном. О себе писать ничего не хочу. Вот стану знаменитым и успешным автором, тогда придумаю себе красивую биографию.

Евгений Худаев. Живу в Харькове. Этого достаточно.

Людмила Чернышенко. Родилась в 1969 году в Киеве. Образование финансово-экономическое. Работала секретарем в ряде иностранных фирм. В настоящее время посвящаю себя дому и поддержке мужа – талантливого художника – в его творческих начинаниях. Публикуюсь с 2000 года.

Юлий Шанс (псевдоним). Родился в 1966 году. В 1989 году окончил Московский институт электронной техники в Зеленограде. Живу в Новотроицке, работаю начальником информационного отдела городской больницы.

Начал пробовать писать художественные тексты пять лет назад. Не публиковался (если не считать давнюю научную статью в московском журнале «Микроэлектроника»).

E-mail: julius-chance@mail.ru

Кира Щукина. Родилась в Ленинграде, живу в Санкт-Петербурге. Пишу давно. Когда появился интернет, писать стало веселее. Вначале это был блог, который перерос в небольшие рассказы, миниатюры и зарисовки. Чаще это реализм, иногда фантастика, иногда – городское фэнтези. Пишу о себе, о своей семье и работе, о городе и мире. Необычное в обычном и обыденном.

Янь Данко (псевдоним). Родилась в 1988 году в Киеве. Училась в религиозной женской гимназии, получив возможность в полной мере изучить такие понятия, как вера, надежда, любовь. Сейчас живу в Рязани.

Семь лет возглавляю сетевой литературный клуб «Дикая Усадьба», посвященный творческому интерактиву. Интересуюсь психологией, настольными играми, театром, работаю в области фотографии. Поклонница книг Стругацких, Желязны, Олди, Ле Гуин, Хайнлайна, Саймака, Шекли, К. С. Льюиса, Гудкайда, Гуляковского.

Альманах «ПОРОГ-АК» можно заказать по адресу:
porog-anturage@yandex.ru

Информацию о выпусках альманаха «Порог-АК» читайте:
в информационном листке украинской фантастики «OldNews»

rusf.ru/oldnews/

на библиографическом сайте «Архив фантастики»

archivesf.narod.ru/

на сайте «Лаборатория Фантастики»

fantlab.ru/

на сайте «Миров двух между – на пороге»

korepanow.narod.ru/

Підп. до друку __.05.2017. Формат 60x84 1/16.
Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. др. арк. 9,3.
Замовлення № 450.

Поліграфічно-видавничий центр ТОВ «Імекс-ЛТД»
Свідоцтво про реєстрацію серія ДК № 195 від 21.09.2000.
25006, м. Кропивницький, вул. Декабристів, 29
тел./факс (0522) 22-79-30, 32-17-05
E-mail: design@imex.kr.ua